



Ключи от Авалона

МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA



КЕЛТЫ  
ИСТОКИ • ИСТОРИЯ  
МИФ

Джон Коллис

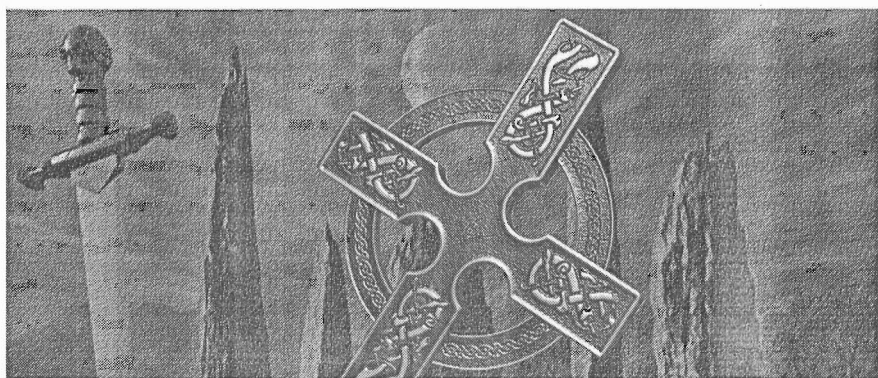


## **Ключи от Авалона**

---

**МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA**

---



Джон Коллис

К Е Л Ь Т Ы  
И С Т О К И • И С Т О Р И Я  
М И Ф

Москва  
«Вече»  
2007



ББК 63.3(0)4  
К 60

*Scan By Vitautus*

**Коллис Джон**

К 60 Кельты: истоки, история, миф / Д. Коллис. — М.: Вече, 2007. — 288 с. — (Ключи от Авалона).

ISBN 5-9533-1855-3

ISBN 978-5-9533-1855-6

Кем были на самом деле кельты — этот овеянный легендами народ, подаривший миру загадочное учение друидов? Где искать истоки полузабытой цивилизации, разгромленной Римом два тысячелетия назад, однако доныне живущий не только в трудах ученых и молениях друидов-неоязычников, но и в безбрежном море популярной литературы жанра «фэнтези»? Эта книга, написанная профессором археологии Шеффилдского университета и впервые выходящая на русском языке, наверняка станет настоящим открытием для всех, кто «заболел» кельтской темой и хотел бы больше узнать о предмете своего увлечения.

**ББК 63.3(0)4**

**John Collis. The Celts: Origins,  
Myths, Inventions. Tempus Publishing,  
Stroud, Gloucestershire, 2003**

ISBN 5-9533-1855-3

ISBN 978-5-9533-1855-6

© Collis John, 2003

© Эрлихман В.В., перевод на русский язык, 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007



## ПРЕДИСЛОВИЕ

---

Я глубоко признателен коллегам, которые в течение многих лет обсуждали, критиковали, отвергали либо дополняли мои идеи в Группе изучения древних городищ (обед после целого дня раскопок весьма располагает к дискуссиям), во Французской ассоциации исследования железного века (на конференциях и сессиях которой родились многие мои идеи) и на Международных конференциях по кельтологии. Я читал лекции перед вдумчивыми, но критически настроенными слушателями в Кардиффе и Корке (неоднократно), в Эдинбурге и Лампетере, и надеюсь, что мои взгляды не будут сочтены «антикельтскими» и вызовут интерес современных потомков кельтов. Я также выступал в Испании, Германии, бывшей Чехословакии, во многих городах Англии и обсуждал кельтскую проблематику в британских и австралийских интернет-чатах. Поистине, кельтами сегодня интересуются везде!

Я особенно благодарен Майку Мурсу, который постоянно навещал меня во время подготовки своей докторской диссертации и дискутировал о кельтах до тех пор, пока мы уже не могли разобраться, кому из нас принадлежит та или иная идея. Он посоветовал мне обратиться к Джеймсу Коулсу Причарду и краниологии, что помогло понять, почему в конце XIX столетия ученые отнесли появление кельтов к бронзовому веку. Конечно, я неоднократно обсуждал предмет с другими учеными, хотя многие из них скептически отнеслись к моим «крайним» взглядам. Это Тим Чэмпион, Маргарита Диас-Андреу, Саймон Джеймс, Барри Рафтери, Иэн Ролстон, Патрик Симс-Уильямс, Алекс Вулф и даже Винсент Мегоу (несмотря на наши публичные взаимные нападки, мы обменивались мнениями и даже обедали вместе). Во Франции следует назвать Венсана Гишара, который помог мне во многом, включая поиск иллюстраций, и Лорана Оливье. В Германии — Ойрга Билля из Хохдорфа



и Сабину Рикхофф из Лейпцига, которые дали мне базу для подтверждения моих идей. Особую благодарность следует высказать испанским коллегам — Гонсало Руису Сапатеро, Мартину Альмагро-Горбеа, Хесусу Альваресу-Санчису, Альфредо Химинесу и Хесусу Аренасу Эстебану, которые регулярно приглашали меня в Испанию для работы и чтения лекций.

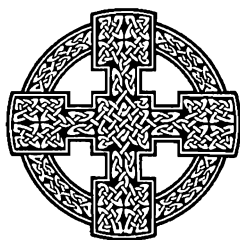
Кроме того, многие мои идеи восходят к студенческим и даже школьным временам, когда я в неравной борьбе с греческим и латынью впервые прочел отрывки из Цезаря и Геродота. Еще в школе я вместе с Кристофером и Соней Хоукс вел раскопки в Лонгбридж-Деверилл, начав с этого свое изучение железного века (хотя первый образец древней керамики я раскопал в Винчестере, когда мне было всего одиннадцать). В 1960-е гг. я учился в Кембридже, где Грэм и Дэвид Кларки воспитали во мне скептицизм в отношении существующей модели железного века; в то время нашими внешними экзаменаторами были Рой Ходжсон и Теренс Пауэлл. В 1967 г. я учился в Праге, где директором Археологического института еще был Ян Филип; помню свой разговор с ним за чашкой кофе в первый день приезда, ставший стимулом для изучения чешского языка в той мере, чтобы со словарем вгрызаться в книги мэтра. Мой научный руководитель Ева Соудска организовала для меня посещение Брно и Нитры, где началась моя многолетняя дружба с Натали Венцловой, Каролом Питой и Иржи Вальдхаузером, которые помогали мне в исследованиях. В Тюбингене мне выпало счастье учиться у Волфганга Киммига и работать с учеными, много сделавшими для изучения железного века Южной Германии — Людвигом Паули, Эгоном Герсбахом и Ойргом Биллем. Мои визиты во Францию были менее формальными и начались в 1973-м, когда Робер Перишон пригласил меня поучаствовать в раскопках в Ольнэ, в самом сердце страны арвернов. В 1980-е я участвовал в мероприятиях Французской ассоциации исследования железного века, руководимых ее энергичным секретарем Аленом Дювалем, а с конца 1990-х был вовлечен в изучение бургундских эдучев благодаря Европейскому центру в Мон-Бовре и сопредседателям его ученого совета Кретьену Гудино и Жильберу Канелю. Тогда же у меня появились связи в Испании, и я начал раскопки в районе Авилы, на древней территории веттонов, вместе с Гонсало Руисом Сапатеро; Отто Урбан также пригласил меня в Вену читать лекции о



кельтах. Несколько раз я посещал Швейцарию, Венгрию (где познакомился с Миклошем Сабо), Южную Польшу и Данию и встречался с коллегами, на родине которых еще не побывал — Митей Гуштином из Словении и Даниэле Витали из Болоньи.

Всем им и гораздо большему количеству друзей, которым многим обязан, я выражаю свою признательность.





## **ВВЕДЕНИЕ**

Эта книга посвящена этнической ситуации в Европе. Когда я начинал заниматься кельтами, данная тема не была для меня главной, но в последние годы по разным причинам вопрос этнической идентичности вышел на первый план: расизм опять вышел на первые полосы газет, и археологи начали думать о том, как их данные могут быть использованы в политических целях. Хотя я надеюсь, что эта книга будет интересна для широкой публики, прежде всего она предназначена ученым, чтобы они поняли, как легко можно попасть в ловушку нелогичности и ложных интерпретаций, если не сознавать, откуда берутся наши идеи, насколько они обоснованы и как согласуются с историческим развитием.

Когда я изучал археологию в 1960-е гг., она казалась гораздо более важной и интересной, чем традиционная «культурно-историческая» парадигма происхождения кельтов. Это было время, когда мы отвергали представления о британском железном веке как о серии вторжений «галлыштатских воинов», «племен Марны» и белгов и пытались выделить «культурные группы», осуществляя привязку к месту и времени разных типов керамики, металлических изделий, поселений и погребальных ритуалов. Мой интерес лежал в области экономики или скорее «социоэкономики» (изучение предыстории помогает понять, что экономику нельзя отделить от ее социального контекста). Я, например, проводил обширные раскопки в Оуслбери в Хэмпшире, чтобы восстановить изменения в скотоводческой экономике железного века и римского периода и лучше понять «повседневную жизнь сельского населения». В своей докторской диссертации я исследовал более общие вопросы: происхождение и ход урбанизации в железном веке, функции монетного обращения, роль торговли и обмена (мои хэмпширские фермеры ввозили вино из Италии еще за сотню лет до римского завоевания).



Два события середины 1980-х вернули меня к вопросу о происхождении кельтов. Одним стал первый отчет Барри Канлиффа о раскопках городища железного века Дэнбери в Хэмпшире. Интерпретация им этого форта как центра иерархического кельтского общества, где жил король или вождь, окруженный знатью и ремесленниками, противоречила данным раскопок, по которым более богатыми и продуктивными оказывались маленькие поселения вроде Оуслбери или Гасседж-Олл-Сейнтс. В подтверждение своих выводов Канлифф приводил описания явно кельтских обществ Галлии и Ирландии, но это не слишком убеждало. Тем не менее эта интерпретация внедрялась в массовое сознание через популярные книги, телепередачи и экспозиции Музея железного века в Эндове, где были выставлены находки из Дэнбери.

Другим событием стало мое участие в археологических раскопках во Франции, в районе Клермон-Феррана, где некогда обитало племя арвернов. Мои французские коллеги периодически публиковали статьи о «кельтизации» центра и запада Франции, подразумевая под этим распространение латенской культуры из района Шампани на северо-востоке (это были те самые «племена Марны»). Мне это казалось неверной интерпретацией, поскольку не совпадало с данными моих собственных раскопок. Один или двое французских ученых отказались принять мою хронологию, основанную на хорошей стратиграфической базе, на том основании, что она не совпадает с традиционными датами «появления» кельтов. Однако дальнейшие раскопки подтвердили мои выводы и вновь поставили вопрос — почему появление кельтов связывается именно с железным веком? Отчасти это исходило из концепции «культур» железного века, особенно гальштаттской и латенской, что я в 1986 г. попытался показать в своей статье «Прощайте, Гальштатт и Латен!» — там показано на примерах, как часто археологические материалы неверно датировались в угоду общепринятой концепции. Статья осталась почти незамеченной в Британии и Франции, но вызвала неожиданно большой резонанс в Испании.

С конца 1980-х началось то, что я называю второй волной кельтомании — вал книг о кельтской религии, кельтском искусстве и кельтах вообще, древних и современных; несколько крупных выставок с тысячами посетителей, например в Венеции и Розенгей-





ме; открытие исследовательского центра и музея в Мон-Бовре во Франции. С приходом нового тысячелетия этот интерес не угас, что показала весьма успешная выставка «Кельты и веттоны» в испанской Авиле в 2001 г. и продолжающийся выход книг (к которым я добавляю еще одну). Кельты стали символом как европейского единства, так и региональной идентичности. Одновременно растут критика и скептицизм; об этом говорят статья Ника Мерримена о «кельтском духе» и рецензия Тимоти Тейлора на книгу Винсента и Рут Мегоу о кельтском искусстве, как и мои собственные выступления в Британии, Франции и Испании. Молодое поколение британских исследователей железного века — Дж. Д. Хилл, Джейн Уэбстер, Майк Морс — постоянно критикуют интерпретации, основанные на «кельтской» формуле, а Малькольм Чэпмен открыто выдвигает новую концепцию кельтского общества с точки зрения социологии. В итоге некоторые «зубры» наподобие Саймона Джеймса признают правоту новых аргументов и меняют свою точку зрения. В Ирландии, Испании и Франции, несмотря на медленный сдвиг в сторону новых подходов, они встречают сильный отпор со стороны таких ученых, как Рут и Винсент Мегоу, Барри Канлифф и Уильям Фергюсон (1998, 176—177).

При этом все эти писания, как «за», так и «против», в значительной степени основываются на неверных подходах, часть которых я намерен раскрыть. Фергюсон, например, ошибается относительно употребления Эдвардом Ллойдом термина «кельтский», доказывая, что он никогда им не употреблялся (1998, 177). Чэпмен утверждает, что термин «кельтский» всегда использовался завоевателями в отношении периферийных групп населения, а некоторые авторы доходят до утверждения, что кельты никогда не существовали как этническое единство, признаваемое его носителями. Это могло бы удивить и таких античных авторов, как Марциал, которые приписывали себе кельтское происхождение, и более поздних кельтов, ощущающих себя именно кельтами, будь то шотландец Джордж Бьюкенен, бретонец Поль-Ив Песрон или валлиец Эдвард Ллойд. С другой стороны, во многих археологических книгах опубликованы карты, показывающие кельтские миграции на территориях, где не сохранилось никаких следов кельтов и где даже античные авторы ничего не сообщают о кельтском населении!



По мере того как я углублялся в литературу и изучал высказывания древних и современных авторов, передо мной вырисовывалась целая серия вопросов, настоятельно требующих ответа:

— Что древние источники реально сообщают нам о кельтах и районах их проживания?

— Почему кельтские языки назывались кельтскими?

— Почему археологи продолжают говорить об «островных кельтах», признавая при этом, что древние источники никогда не называли кельтами жителей Британии и Ирландии?

— Почему во всех книгах говорится о приходе кельтов с востока, если большинство древних источников считает, что кельты пришли с запада?

— Почему кельтское искусство называется именно так, если оно изобретено отнюдь не кельтами?

— Почему возникло современное определение кельтов как народа, принадлежащие к которому люди или их недавние предки владели кельтским языком?

— Какой во всем этом смысл, если современные кельты имеют очень мало общего с древними кельтами?

Вот некоторые из вопросов, которые я надеюсь разрешить в этой книге.

Как мы увидим, главной проблемой является неясность классических текстов, на которых базируется все наше представление о кельтах. Это и отсутствие географических привязок, особенно у ранних авторов, и разные определения кельтов от общего обозначения этим словом всех жителей Западной Европы до введения его в четко определенные географические рамки. У разных авторов существует и путаница в терминах *keltoi*, *celtae*, *galatai*, *galli*, которые употребляются одновременно или по очереди.

На некоторые вопросы может дать частичный ответ изучение кельтской историографии. Я намерен доказать, что в этой области существует нагромождение ложных интерпретаций, выработанных поколениями ученых, которые некритически относились к утверждениям своих предшественников. Так, первым, кто предположил, что кельты были народом, говорившим на кельтском языке, был в 1705 г. аббат Песрон; этот вывод основывался на ошибочном мнении, что бретонский язык был последним остатком галльского, хотя сейчас признано, что он принесен из Британии в V в. н.э. Пе-



реняв определение Песрона, Эдвард Ллойд предположил, что валлийцы, шотландцы и ирландцы тоже являются кельтами. В середине XIX столетия Джон Кембл и Огастес Фрэнкс назвали памятники искусства, обнаруженные в Британии и Ирландии и не похожие ни на римские, ни на англосаксонские, ни на скандинавские, кельтскими или позднекельтскими, и только потом этот термин был распространен на континент. Тогда же происхождение этого стиля было отнесено к району Северной Франции или Южной Германии. Его распространение связали с распространением кельтов, описанным Анри д'Арбуа де Жюбенвиллем на основе лингвистических теорий. С тех пор археологи отождествляют распространение кельтов с распространением так называемой латенской культуры. В последние годы генетики пытаются выделить «кельтскую» ДНК и обнаружить ее следы у разных групп современного населения.

Таким образом, любой человек, занимающийся кельтами, вынужден иметь дело с множеством научных дисциплин: с критикой античных текстов, лингвистикой, археологией, историей искусства, генетикой, антропологией. Несомненно, никто не может одинаково хорошо разбираться во всем этом. Поэтому всегда есть опасность принять на веру утверждения других наук, которые на деле могут оспариваться или даже отвергаться большинством специалистов в этой области. Например, генетики думают, что археологи способны найти доказательства миграций, в то время как археологам кажется, что исторические источники могут точно определить, где жили древние кельты. Существует опасность «зацикливания», когда мы верим, что другие науки могут ответить на вопросы, выходящие за пределы нашего знания, и используем эти ответы для подтверждения наших собственных версий — например, археологи пытаются применить данные лингвистики для выделения индоевропейских или кельтских групп населения. Беда в том, что статистические методы, которые лингвисты, археологи или генетики используют в определении подобных групп, используют неполную и неверно понятую информацию.

Эта книга, хоть и написанная с точки зрения археолога, пытается разрубить кельтский узел, образованный различными науками, изучив исторический контекст, в котором возникали представления о кельтах. Я рассмотрю также пути применения этих пред-



ставлений в прошлом и настоящем для достижения политических и социальных целей. Я не претендую на окончательность своих утверждений; в момент завершения этой книги я уже думаю об источниках, которые еще предстоит изучить, о перспективных направлениях исследований, а также о реакции специалистов других областей — прежде всего историков, чьи взгляды я мог неверно интерпретировать. «Происхождение кельтов» — захватывающая тема, постоянно выходящая за пределы своего западноевропейского контекста, в регионы, откуда также можно ждать плодотворного отклика.





## 1. АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Если бы не классические тексты, написанные в основном греческими и латинскими авторами, мы бы никогда не услышали о кельтах. Самое раннее свидетельство современников о них восходит к VI в. до н.э., самое позднее — к V в. н.э. После этого они исчезают из источников вплоть до эпохи Ренессанса, когда о них уже говорится исключительно в прошедшем времени; похоже, само имя кельтов умерло вместе с поколением Сидония Аполлинария. В отношении этих источников существует ряд проблем, которые будут вкратце упомянуты здесь. До сих пор не существует единого свода, где можно было бы с легкостью найти все сохранившиеся тексты, хотя информация об их авторах была собрана первым профессором кельтологии в Сорбонне д'Арбуа де Жюбенвиллем для цикла лекций, опубликованного по-французски в 1902 г. У. Динан имел амбициозное намерение опубликовать греческие и латинские тексты параллельно с их английскими переводами, но был издан всего один том, включавший многие упоминания о Британии и Ирландии, предположительно относившиеся к кельтам, что, по нашему мнению, далеко не всегда справедливо.

Конечно, немало проблем касается самих манускриптов, ранние издания которых не дошли до нас. Большинство из них относится к Средневековью; их много раз копировали писцы, часто не вполне понимающие, что именно они копируют, благодаря общепринятой практике не отделять при письме слова друг от друга, образуя слитный текст без разрывов. Поэтому тексты почти всегда искажены. Только в XVI в. такие ученые, как, например, Жозеф Скалигер, взялись за нелегкое дело издания текстов, исправления ошибок в них и подготовки их для более широкого распространения посредством печатного станка. Эта практика достигла наивысшего подъема в XIX в., когда было впервые опубликовано боль-



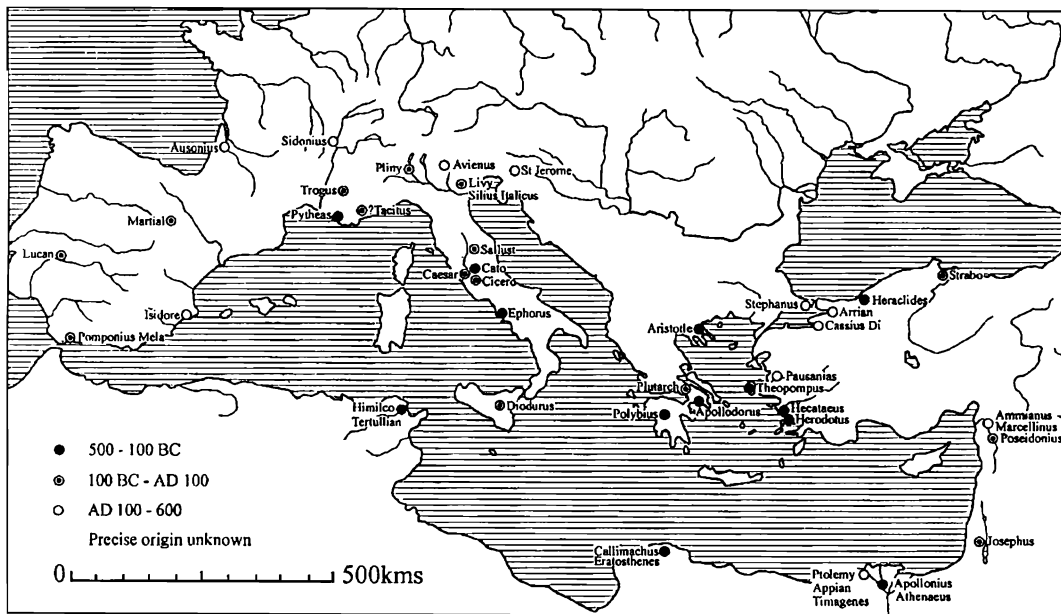
шинство текстов, которые сегодня считаются классическими. Однако в некоторых случаях, особенно при использовании стандартных переводов, следует иметь в виду и варианты текста, отвергнутые в свое время как ошибочные, но могущие оказаться важными для нашей интерпретации; это касается, например, путей, которыми, по словам Тита Ливия, пользовались галльские завоеватели при переходе через Альпы.

Многие важные источники дошли до нас не полностью или были утрачены совсем, как половина книг «Истории» того же Ливия. Пожалуй, главная утрата с точки зрения кельтологии — «Этнография» Посейдония, написанная в начале I в. до н.э., хотя отдельные ее части могут быть восстановлены, исходя из широко распространенной в древности практики цитирования или плагиата. Афиней, Диодор Сицилийский, Страбон и даже Юлий Цезарь широко использовали эту книгу в своих описаниях кельтов. От таких авторов, как Гекатей Милетский, уцелели лишь краткие обрывки сочинений; Помпей Трог сохранился только в сокращенной версии, написанной Юстином во II в. н.э. Полный «Перипл Гимилькона» дошел до нас в поэтическом переложении Авиена Феста «Ora Maritima», сочиненном в IV в. н.э., почти через тысячу лет после своего источника.

Все тексты написаны на латыни и греческом, хотя, вопреки распространенному мнению, среди их авторов были те, кто имел кельтские корни. Поэт Марциал несколько раз называет себя кельтибером из Билбила, происходящим наполовину от кельтов, наполовину от иберов. Сидоний Аполлинарий, по всей вероятности, признает кельтское происхождение как для себя самого (он родился в окрестностях Лиона), так и для знати области арвернов, нынешней Оверни. Помпей Трог из южного галльского племени воконтиев тоже может считать своими предками кельтов, как и галльский поэт конца IV столетия Авсоний, упоминающий, что двое его коллег из Бордо были потомками друидов. Такие авторы, как Плиний и Тацит, происходили из областей, исторически заселенных кельтами (1).

У каждого из этих авторов была какая-то цель — обычно политическая или философская. «De bello gallico» (Записки о галльской войне) Цезаря была призвана стать оправданием его войн в Галлии и защитить его политические интересы в Риме. Несмотря на лако-





### 1. Родные города основных классических авторов, писавших о кельтах.

Надписи на карте (слева направо):

Лукан, Помпоний Мела, Исидор Севильский, Марциал, Авсоний, Сидоний, Трог, Пифей,  
 Тацит, Плиний Старший, Авиен, Ливий, Сильвий Италик, святой Иероним, Цезарь, Саллюстий,  
 Катон, Цицерон, Эфор, Диодор, Гимилькон, Тертуллиан, Каллимах, Эратосфен, Полибий,  
 Плутарх, Аполлодор, Аристотель, Павсаний, Теопомп, Гекатей, Геродот, Стефан, Арриан,  
 Дион Кассий, Гераклид, Страбон, Птолемей, Аппиан, Тимаген, Аполлоний, Афинея,  
 Иосиф Флавий, Аммиан Марцеллин, Посейдоний



ничный деловой стиль и скромное упоминание о себе в третьем лице, к некоторым его утверждениям стоит отнестись критически — например, к заявлению о важном значении Рейна как границы между кельтами и германцами. Тацит тоже имел политические цели, оправдывая политику своего тестя Юлия Агриколы как бывшего губернатора Британии и осуждая упадок морали императорского Рима, которому он противопоставляет благородных дикарей, описанных в его «Германии». Платон и Аристотель, напротив, с осуждением пишут о морали кельтов, прежде всего об их предполагаемом пьянстве.

Обычно авторы имеют этнические предубеждения, описывая нецивилизованных варваров с точки зрения цивилизованных греков и римлян, принадлежащих к верхушке общества. Преобладает тенденция к использованию этнических стереотипов и описанию в первую очередь необычных или шокирующих черт иноплеменников. Отмечается также общая тенденция к постепенному увеличению географической и этнографической точности — от туманных гиперборейцев Гесиода или кратких упоминаний Геродота к более пространным описаниям авторов, которые бывали в землях описанных ими народов (Полибий, Посейдоний или Цезарь) или сами происходили из этих земель. Даже с учетом этого лучше попытаться наложить сведения древних авторов на географическую карту того времени, вместо того чтобы прилагать их к современной карте.

Не менее осторожными следует быть в применении к этим сведениям современных научных понятий и представлений. Мы не знаем, к примеру, кого называли кельтами в древности, и ясно, что смысл этого названия у разных авторов различался. Однако можно быть уверенным, что древнее определение не совпадало с нашим и употребление кельтского языка не было для этого непременно критерием. Да и само понятие родственных языков, которые можно назвать кельтскими, появилось гораздо позже.

Теперь я представлю в хронологическом порядке список важнейших авторов, которые писали о кельтах или хотя бы упоминали их. Многие из книг общего характера о кельтах рассматривают все источники как одинаково ценные, хотя их авторы могут быть хронологически и географически очень удаленными от событий или мест, которые они описывают. Многие известные нам истории —



например, осада галлами Рима — были записаны (или выдуманы) лишь несколько столетий спустя. Поэтому мой список предназначен не для легкого чтения, а для вдумчивых консультаций.

### **Ранние источники (700—100 гг. до н.э.)**

Гомер (VIII в. до н.э.) не упоминает ни кельтов, ни других народов севера или запада Европы, но несколько раз употребляет слово «касситерос» (олово), которое считают кельтским. Это может означать, что кельты в Британии уже тогда производили и даже экспортировали этот металл. В ранних источниках термин «гиперборейцы», который означал народы, проживающие на севере Европы, «за северным ветром», впервые появляется в поэмах Гесиода. С тех пор этот термин временами относится к кельтам; Эсхил в своей утерянной пьесе «Освобожденный Прометей», написанной около 460 г. до н.э., пишет, что Дунай течет по землям гиперборейцев, а в IV в. до н.э. Гераклид Понтийский называет этим именем галлов, напавших на «греческий» город Рим, что лежит на берегу великого Океана (доказательство слабого знания греками того времени географии запада Европы). Однако именно греки составили первые географические карты мира, из которых древнейшая известная нам принадлежит Анаксимандру (конец VI в. до н.э.). В то же время, судя по цитате из более позднего автора Стефана Византийского, Гекатей (ок. 540—475) считал, что кельты живут рядом с Массалией, то есть на юге или в центре Франции.

Другой ранний источник более проблематичен, поскольку известен из поэмы римского поэта IV в. Авиена Феста «Ora Maritima». Это высокопоэтическое описание Западного Средиземноморья включает обширные цитаты из дневника плавания вдоль побережья Атлантики до Британии и даже дальше, составленного в конце VI в. до н.э. карфагенянином Гимильконом. Он упоминает кельтов где-то на северном побережье, быть может даже в устье Рейна (сведения Гимилькона использовали также Эратосфен, Плиний и Страбон). В то же время география источника неясна, многие упоминаемые в нем народы неизвестны, и он может использоваться только как подтверждение более позднего появления кельтов в



Иберии и Франции. Авиен также использовал описание берега (перипл), относящееся к району к западу от Массалии и составленное некими учеными до 600 г. до н.э., поскольку оно не упоминает греческую колонию Эмпории (ныне Ампуриас), основанную в это время. Другие, впрочем, считают, что она упоминается под именем Пирены. Геродот (ок. 490/80—424) пишет, что Дунай протекает по территории кельтов и что кельты живут за пределами Геркулесовых столпов, на побережье Атлантики. К тому же к V в., возможно, относится поэма «Аргонавтика», упомянутая Пиндаром около 466 г. до н.э., хотя она сохранилась только в написанной в III в. н.э. версии Аполлония Родосского. В ней говорится, что аргонавты, начав свой путь в Адриатике, поднялись по реке с тремя устьями (обычно под ними понимают реки По, Рону и Рейн) и достигли территории кельтов, где увидели большие озера; неясно, присутствовала ли эта подробность в ранней версии. Обрато к морю они спустились по реке Роне.

Эту географическую путаницу продолжил следующий крупный автор, повествующий о кельтах — философ Аристотель (384—322 до н.э.). Он пишет, что истоки Дуная лежат в Пиренеях, но знает о существовании Рипейских и Герцинских гор, называемых в Германии Шварцвальд и Миттельгебирге («Метеорологика», I, 13, 19, 20). Он одним из первых создал стереотип варваров-кельтов, для которых характерны гомосексуальные связи, бесстрашие и сумасбродное поведение. Платон упоминает их пьянство. Согласно Плутарху, Аристотель знал о нападении галлов на Рим, что вместе с уже цитированными упоминаниями Гераклида Понтийского и Теопомпа (375—306 гг. до н.э.) является самым ранним упоминанием этого события, поскольку римские источники того времени не сохранились. Другой значительный источник четвертого столетия, «История» Эфора (405—330 гг. до н.э.), теперь утрачен, но его использовали такие поздние авторы, как Страбон. Он больше всего известен разделением варварского мира на четыре части — кельты на западе, скифы на севере, индийцы на востоке и эфиопы на юге. Он же упоминает кельтов в Иберии вплоть до Кадиса на юге и говорит о том, что кельты носят доспехи и наказывают тех, кто чересчур толст. Пифей, который путешествовал вдоль атлантического побережья около 310—306 гг. до н.э., первым описал «Претанские острова», поместив их сразу к северу за землями



кельтов. Напротив, так называемый Перипл Псевдо-Скилака (середина IV в.), описывая южное побережье Галлии, не упомянул кельтов, говоря только об иберах к западу от Роны и лигурах к востоку. Мы располагаем также первым описанием кельтских наемников у Ксенофонта (ок. 362 г. до н.э.) в его «Эллинике» (VII, 1, 20, 31); в 369 г. тиран Дионисий Сиракузский направил в Спарту флот с армией, включавшей кельтов и иберов, а в 368 г. кельты входили в состав другой армии Киссида, разгромившей беотийцев.

Главным событием III в. было нападение кельтов на Грецию в 279 г. и их вторжение в Малую Азию в 278 г., за которым последовало поселение галатов вокруг нынешней Анкары. Несколько надписей того времени дошли до нас или были описаны Павсанием (Посвящение на шите Кидия, или История о трех девах из Милета). Описание осады Дельф кельтами дал поэт Каллимах (около 285—247 гг. до н.э.); в глоссе к одной из его поэм упомянут вождь осаждавших Бренн, и он же пишет о мятеже кельтских наемников в Египте. Каллимах был библиотекарем знаменитой Александрийской библиотеки, и на этом посту его сменил географ Эратосфен (около 275—195 гг. до н.э.), который, как и Пифей, поместил галатов на западном побережье Иберийского полуострова. Папирус из Египта упоминает «диких кельтов»; кельтские наемники также сражались в армии македонского царя Антигона Гоната, разбитого в 274 г. эпирским царем Пирром, который посвятил несколько галатских щитов Афине Итонской в Фессалии, как об этом упоминает Павсаний.

О кельтах упоминают четыре греческих автора третьего столетия, но все их сочинения утеряны и известны только по позднейшим цитатам. Это Птолемей Лагид (умер в 283 до н.э.), Иероним из Кардии (ок. 270—260 до н.э.), Тимей (352—256 г. до н.э.) и Филарх из Навкратия (ок. 360—270). Птолемей был полководцем Александра Македонского и позже царем Египта; он написал историю Александра, в которой упоминаются два посольства кельтов. Первое в 335 г. направили кельты с Адриатики; их послы встретились с Александром на Дунае и адресовали ему знаменитую фразу о том, что их соплеменники боятся только одного — что небо упадет на их головы. Второе посольство прибыло в Вавилон в 323 г. Иероним был родом из Фракии и служил македонскому царю; он написал историю наследников Александра до 272 г. до н.э. Его имя упоми-



нает только Павсаний, хотя, возможно, он был источником сведений для Диодора Сицилийского. Он первым из авторов упоминает термин «галаты» (хотя он еще до этого присутствовал в надписях Кидия и Пирра) и пишет, что они живут на краю Океана и приносят людей в жертву своим богам. Вероятно, он послужил источником для Павсания в описании вторжения кельтов в Грецию и первым упомянул имя Бренна. Тимей родился в Сицилии, но сорок лет прожил в Афинах, где написал историю Сицилии, Италии и Греции в двух частях. Он указал 600 г. до н.э. как дату основания греческой колонии Массалия и упомянул, что кельты живут на берегах Океана, в который впадают реки Кельтики. Он также дал свою версию истории аргонавтов, в которой они поднимаются от Черного моря по реке Танаис (Дон) и по другой реке спускаются к Океану, достигая с севера Кадиса. Филарх был источником сведений Афиня о пиршественных обычаях галатов, в первую очередь о пире царя Ариамна.

К концу третьего и началу второго столетия принадлежат первые латинские сочинения Квинта Фабия Пиктора (род. 254 г. до н.э.) и Марка Порция Катона (243—149 гг. до н.э.); хотя они известны только по кратким цитатам, их использовали более поздние историки. Пиктор был первым римским историком, написавшим историю города от основания Рима до Второй Пунической войны (219—202 гг. до н.э.). Он сам служил в римской армии, воевавшей с галлами к северу от Альп, но в сохранившихся фрагментах о галлах сказано очень немного. Он первым из всех авторов упоминает вольков Южной Франции в связи с переходом Ганнибала через Пиренеи. Катон также локализует их на юге Франции, вокруг Массалии, и первым называет кельтские племена Северной Италии — салассиев, лепонтиев и кеноманов — в контексте событий 225 г. до н.э.

Римские хронологии базируются на «*Commentarii pontificum*», ежегодных записях, сделанных верховным жрецом (*pontifex maximus*) и сохранившихся только со времени галльского нападения на Рим. Эти записи были сверены консулом 133 г. до н.э. Публием Муцием Сцеволой и опубликованы им как «*Annales Maximii*», давшие общепринятую хронологию «от основания города». При этом мы знаем, что записи, использованные Цицероном, упоминают лунное затмение в 351 г. до н.э., хотя на самом деле оно произошло в 354 г. Эта ошибка относится ко всем более ранним датам,





и нападение галлов римские источники относят к 390 г., в то время как Полибий датирует его 387 г., соотнося с другими историческими событиями наподобие битвы при Эгоспотамах.

Это подводит нас к одной из главных работ, касающихся кельтов, — «Истории» Полибия (ок. 205—123 гг. до н.э.), в которой он описывает историю возвышения Рима. Сохранились пять из сорока книг плюс значительные фрагменты многих других. Происходя из Мегалополиса в Аркадии, Полибий с ранних лет был вовлечен в политику Ахейской лиги, которая вступила в конфликт с Римом. Полибий был одним из тысячи заложников, взятых римлянами, и поселился в Риме как почетный гость двух знатных семейств — Эмилия Павла и Корнелия Сципиона, будучи позже принятым в члены рода (*gens*) второго из них. За 16 лет заложничества (166—150 гг. до н.э.) он много путешествовал и продолжал эти путешествия, вернувшись на родину, где он выступал главным посредником между разбитыми ахейцами и Римом. Мы знаем, что он посетил Северную Африку (и присутствовал при осаде Карфагена в 146 г. до н.э.), плавал вдоль атлантического побережья, был в Испании (где, возможно, стал свидетелем осады Нуманции), Галлии, в Альпах и позже на Сардинии и в Александрии. Он также имел доступ к письменным источникам Рима и греческого мира и мог получать информацию у интересных людей, таких как нумидийский царь Масинисса и Хиомара, жена царя галатов-толистобогов Ортиагона, с которой он встретился на Сардинии. Он также знает о беседе Сципиона Эмилиана с торговцами из Корбило на Нижней Луаре, прибывшими в Массалию, сведения которых заставили его усомниться в данных Пифея. Он слегка путается в географии северной части Альп, думая, что истоки Роны находятся к северу от Адриатики; эта ошибка уже в XIX в. вызвала к жизни ложную концепцию происхождения галлов, заселивших Северную Италию. Однако его хорошее знание источников, географии Средиземноморья и некоторых личностей, вовлеченных в описываемые им события, делает его первостепенным по важности источником по событиям в Италии, Испании и Малой Азии, в том числе в кельтских областях. Интересно сравнить его сведения с более поздней информацией Ливия — например, он не упоминает никаких конфликтов между римлянами и североиталийскими галлами между 390 и 299 гг. до н.э. заставляя думать, что некоторые упомянутые Ливием войны были



им выдуманы. Для нас он важен перечислением племен кельтиберов в Испании, локализацией галлов в Северной Италии и упоминанием кельтов на юге Франции. Среди греческих авторов этого периода можно упомянуть лишь Сотиона Александрийского (ок. 200 г. до н.э.) и Александра Полигистора (вторая половина II в. до н.э.), которые пишут о друидах, и Аполлодора Афинского (до 144 г. до н.э.), который упоминает союз римлян с арвернами и эдуями Центральной Галлии.

### **Кельтский апогей: с I в. до н.э. до I в. н.э.**

Первое столетие до нашей эры — вершина античной литературы о кельтах, связанная с «Этнографией» Посейдония Апамейского (135—51 гг. до н.э.), ведущего ученого и педагога своего времени. Обосновавшись на Родосе, он много путешествовал по западу Европы, и его рассказы о кельтах основывались на личных наблюдениях, сделанных в Галлии. Его работа не сохранилась, но ее обильно, с уклоном в плагиат, цитируют Диодор Сицилийский, Страбон, Афинея и даже Цезарь, так что мы можем реконструировать значительную ее часть. Это источник многих общеизвестных историй о кельтах — о выставлении ими напоказ человеческих голов, о роли друидов в человеческих жертвоприношениях, о могуществе арвернов и их царе Луэрнии, об отождествлении кимвров с киммерийцами и боевой тактике кельтов. Нашим главным источником здесь выступает Диодор Сицилийский (ок. 58 г. до н.э.), который был более компилятором, чем оригинальным писателем, но чья работа, по счастью, сохранилась лучше других.

Считается, что Посейдоний первым признал германцев отдельным от кельтов народом, но более вероятно, что он провел различие между кельтами с одной стороны Рейна и галатами — с другой. Имя германцев появляется только в середине века, в описании Саллюстием (86—34 до н.э.) восстания Спартака в 73 г., в котором приняли участие кельты и германцы. Это различие было развито Цезарем (100—44 гг. до н.э.) в его «Записках о галльской войне», отчасти из стремления оправдать свое вторжение нападением германцев-сэвов во главе с Ариовистом на галльское племя секванов. Для



него существовало различие между германцами к востоку от Рейна и галлами к западу, которое дало начало его концепции «Галлии», хотя он знал германцев, живущих к западу от Рейна, и галлов (вольков), живущих к востоку от него. Часть описания галлов у Цезаря без сомнений заимствована у Посейдония, и, хотя эта информация могла меняться под действием политических или личных мотивов и дополняться анекдотами, она дает нам более подробное описание действий римлян и их противников, чем известно для любого другого направления римской экспансии. Это помогает нам достаточно точно локализовать галльские племена с учетом более поздних источников — карт Птолемея и данных топонимики.

Цицерон (106—43 гг. до н.э.) также является ценным независимым источником сведений. Сам он в Галлии не бывал, но, будучи губернатором Киликии, имел контакты с галатами Малой Азии. Его брат был генералом у Цезаря, и он защищал Марка Фонтея, обвиненного в коррупции во время наместничества в Галлии (74—72 гг. до н.э.); в опубликованной версии его защитительной речи «Pro Fonteio» он откровенно высмеивает жалобщиков-галлов (в основном вольков и аллоброгов), но там есть и интересные сведения — например о торговле вином в Галлии. С той же неприязнью он отзывается о возможности введения цизальпинских галлов в сенат и о галльском происхождении одного-двух своих политических врагов. С другой стороны, он успешно защищал галата Дедойтара, обвиненного в заговоре против Цезаря, вел долгие философские беседы с друидом Дивитиаком, когда тот был в Риме с посольством эдуев, и, когда он на пике своей карьеры раскрыл заговор Катилины, его главными информаторами были послы аллоброгов.

В начале I столетия до н.э. стало обычаем произносить по поводу смерти членов главных римских родов пышные надгробные речи (*laudatio funebris*), в контексте которых появились мифологические истории, объясняющие происхождение названий этих родов. Часть этих историй относилась к вторжению галлов — так появились рассказы о том, как ворон сел на голову галла, сраженного Марком Валерием Корвом (латинское *corvus* — «ворон»), или о Манлии Торквате, сорвавшем с врага шейную гривну-торквес. Возникли истории об участии в событиях осады Марка Фурия Камилла и Понтия Коминия и о Марке Манлии Капитолине, защитившем



Капитолий благодаря священным гусям (хотя прозвище Капитолин принадлежало семейству еще в 439 г. и обозначало просто место его проживания). Эти вымышленные истории были включены в утраченные сочинения Квинта Клавдия Квадригата (ок. 80—70 гг. до н.э.) и Дионисия Галикарнасского (ок. 8 г. до н.э.), который также указывал, что Кельтика простирается до границ земель скифов и фракийцев и разделяется надвое Рейном, а южным ее пределом служит Дунай. Мифологические истории получили широкое распространение и стали появляться в произведениях таких поэтов, как Вергилий (70—19 гг. до н.э.), который писал о «славе Манлия Капитолина, сбросившего златокудых галлов с Капитолийского холма». В трудах Корнелия Сисенны (ум. 67 г. до н.э.) мы находим первое упоминание Бренна в истории нападения на Рим. Марк Теренций Варрон (116—27 гг. до н.э.) дает нам немного новой информации, включая утверждение, что Испанией последовательно владели иберы, персы, финикийцы, кельты и карфагеняне.

Наш главный источник для конца I века — историк Тит Ливий (64/59 гг. до н.э. — 17 г. н.э.). Его родной город Патавия (ныне Падую) находился в Северной Италии, но принадлежал прежде венам, а не галлам. От его истории «от основания города» (*ab urbe condita*) уцелели только 35 из 142 томов, но они в основном касаются раннего периода и описывают завоевание галлами Северной Италии, их нападение на Рим и войны римлян с ними. Из описания событий в других регионах, таких как Малая Азия, сохранились лишь небольшие отрывки. Составляя свою историю между 27 и 9 гг. до н.э., Ливий основывался главным образом на римских записях и преданиях, и именно он является главным источником многих известных мифов первого столетия. Его слава основана скорее на стиле, чем на критическом отношении к фактам, и с ним часто вступают в противоречие такие более объективные авторы, как Полибий, который, к примеру, датировал вторжение галлов в Северную Италию правлением Тарквиния Приска (ок. 600 г. до н.э.), связав его с основанием Массалии. Неясно, из какого источника он заимствовал сведения о названиях различных племен, принимавших участие во вторжении, и особенно о ведущей роли в нем царя битуритов Амбигата и его племянников Сеговеза и Белловеза. Сравнение его версии событий с описанием Полибия заставляет предположить, что события на севере Италии, приведшие к разгрому галлов



и присоединению Цизальпинской Галлии, описаны со значительной долей вымысла. Те же истории можно было найти в утраченной работе Тимагена (80/75—10 гг. до н.э.) — грека из Александрии, плененного римлянами, освобожденного из рабства Суллой Младшим и основавшего свою школу; он считался специалистом по кельтам.

Уже в тот период были авторы, возможно или наверняка имевшие галльское происхождение. Корнелий Непот (90—24 гг. до н.э.) родился на территории племени инсубров и, по сведениям поэта Катуллы, пытался изучать историю галльских племен. Он отнес дату взятия галлами этрусского города Мельпум (возможно, имеется в виду Медиолан, современный Милан) к 396 г. до н.э. — тому же году, когда римляне взяли другой этрусский город Веий. Явно кельтским было происхождение Помпея Трога (конец I в. до н.э.), который утверждал, что принадлежит к племени воконтиев из Южной Галлии. Его прадед служил Помпею в Испании, а его отец Гней Помпей был переводчиком Цезаря, который упоминает его в «Записках о галльской войне» (6, 36) в описании переговоров с Амбиориксом. К сожалению, его главным намерением было написание «всеобщей истории», а не истории кельтов, и от его сочинения осталась только сокращенная версия, написанная Юстином во втором столетии нашей эры. Однако он дает некоторую информацию о галатах Малой Азии и, ближе к своим родным краям, об отношениях между Массалией, окружающими ее галльскими племенами и Римом, а также историю ограбления сокровищницы в Тулузе римским генералом Цепионом.

Основной сохранившийся текст начала I в. до н.э. — «География» Страбона (ум. 19 г. н.э.). Хотя данные Страбона нельзя считать первичными (вероятно, он не выезжал за пределы Восточного Средиземноморья), он является одним из главных наших информаторов о кельтах, собравшим из многих не дошедших до нас источников значительный объем сведений о географии и обычаях всех римских провинций. Он обильно цитирует Посейдония и сообщает о трудах многих других авторов, включая Гимилькона, Эратосфена, Птолемея Лагида, Дикеарха, Полибия, Дионисия Галикарнасского, Эфора и Асклепиада (который написал утраченную историю народов Испании). Географическая информация к тому времени стала более точной, и мы располагаем древнейшим из до-



шедших до нас картографическим изображением — копией карты, составленной соратником Августа Марком Випсанием Агриппой незадолго до его смерти в 12 г. н.э. В IV в. она была скопирована с дополнениями и еще раз скопирована в XIII в. в документе, получившем название «Певтингеровой таблицы»; к несчастью, на ней отсутствуют Иберия, Ирландия и большая часть Британии.

Из эпической поэмы о войне с Ганнибалом, написанной Силием Италиком (25—101 гг. н.э.), мы узнаем о вере кельтиберов в то, что души павших в бою возносятся на небо, если их съедают грифы; он употребляет слова «кельты» и «галлы» как синонимы. Плутарх (40—120 гг. н.э.) в своих «Жизнеописаниях» обильно использует более ранних авторов Аристотеля, Тимея и Тимагена и дает детальное описание поражения, понесенного Верцингеториксом от Цезаря. Иосиф Флавий (37—101 гг. н.э.) — последний автор, дающий нам сведения о галатских наемниках в Восточном Средиземноморье (Клеопатра отправила 400 галльских солдат из своей армии царю Ироду Филиппу; галатские солдаты присутствовали также на погребении Ирода Великого в 4 г. до н.э.). Для европейских историков XII—XVIII вв. представлялось более важным то, что он первым попытался соотнести библейские и классические источники и предположил, что галлы происходят от Гомера, сына Иафета.

В последующие времена самые информированные авторы выходили из провинций, колонизированных когда-то кельтами или близких к их территориям. Эпиграммист Марциал (40—102 гг. н.э.), описывая свой родной город Билбил (недалеко от современного Калатаюда в Испании), несколько раз упомянул, что он, как кельтибер, происходит наполовину от кельтов, наполовину от иберов. Другой испанец Лукан (39—65 гг. н.э.) известен своим ярким описанием галльского храма в роще, уничтоженного при осаде Массалии в 49 г. до н.э. Он упоминает галльских богов Тевтата, Эзуса (Эса) и Тараниса, а также троянское происхождение эдуев. Помпоний Мела (ок. 40—41 гг. н.э.), тоже происходящий с юга Испании, утверждает, что в его время человеческие жертвоприношения у галлов ушли в прошлое. Погребение галлами вместе с умершими различных предметов трактуется им как признак веры в бессмертие души, поощряемой друидами для внушения воинам бесстрашия в битве. Он также упоминает Пифея и острова Касситериды. Плиний Старший (23—79 гг. н.э.) происходил из Комо в Цизальпинс-





кой Галлии, хотя его этническое происхождение неизвестно. Его «Естественная история» полна упоминаний о кельтах, их местожительстве, этнической принадлежности отдельных племен и религиозных верованиях, включая ритуалы друидов. Тацит (около 55—120 гг. н.э.) также был родом из Галлии, скорее всего Цизальпинской, а его тесть Агрикола родился в Форуме Юлии (ныне Фрежюс). Он писал в основном о первом столетии нашей эры, когда галлы уже стали частью истории, но все же сообщает в своих «Истории» и «Анналах» некоторую информацию об этнической принадлежности ряда галльских племен (например, треверов) и о недавних событиях в Галлии. Биография его тестя Агриколы дает нам наиболее детальные сведения о ранней Римской Британии и ее завоевании; «Германия» сообщает интересные подробности о языке и этнической принадлежности таких германских племен, как эстии, котины и кимвры.

### **Кельты в ретроспективе: поздние римские источники**

Писатели II и III вв. н.э. в своих сведениях в основном опираются на более ранние источники. История Рима Юлия Флора (писал в 98—117 гг.) была в основном выжимками из Ливия, а Юстин (II—III вв.) в своей «*Historiae Philippicae*» воспользовался для той же цели Помпеем Трогом, что приобрело неожиданную ценность после гибели оригинала. Еще чаще повторялась информация оригинальных источников. Аппиан (117—161), который родился в Александрии, но большую часть жизни прожил в Риме, повторяет мифы о Камилле, Манлии Торквате и Валерии Корве. Кроме того, он является основным нашим источником по кельтиберам и следует Лукану в утверждении, что кельтиберы мигрировали в Испанию из Галлии, чтобы избежать голода. Он дает также некоторые сведения о кельтском племени скордисков в Центральной Европе и о галатах Малой Азии. Дион Кассий (150—235), от 80-томной истории которого сохранилась только часть, повествует о поражении Верцингеторикса, о сексуальном промискуитете кельтов и о полиандрии среди бриттов и календонцев; он также является одним из источников сведений о римском завоевании Британии.



Афиней в своем «Пире мудрецов», написанном после 193 г., приводит данные, заимствованные у Теопомпа, Полибия, Посейдония и других, о царе Ариамне, ежегодно устраивавшем пир для галатов, и о том, как Луэрний, сын Бития, получил царскую власть у арвернов. Другие писатели дают нам только жалкие крохи информации, как Арриан (95—175), который, опираясь на утраченную «Жизнь Александра» Птолемея Лагида, сообщает о кельтских посольствах на Дунае и в Вавилоне. Авл Геллий (писал ок. 160 г.) использовал Клавдия Квадригария в своем описании осады Рима и сообщал, что в его время в Галлии все еще говорили на галльском языке. Дионисий Перигет (писал ок. 97—117 гг.) цитирует Гимилькона, повторяя информацию о Кемпси в Испании, Касситеридах и Британских островах.

Диоген Лаэртский (ок. 200) кратко упоминает о друидах. Юлий Солин (писал ок. 258—268 гг.) в его «Собрании примечательных дел» (*Collectanea regum memorabilium*) пишет, что море рядом с кимврами зовется Моримаруса, что по-кельтски значит «мертвое море». Об этом упоминает также Плиний, и этот факт авторы времен Ренессанса приводили в доказательство того, что кимвры говорили на кельтском языке. Он также цитирует Марка Антония Гнифа в подтверждение вывода, что умбры Центральной Италии были галлами, хотя все другие источники считают их говорящими по-италийски. Тертуллиан (писал ок. 199—208 гг.), повествуя о проникновении христианства в Испанию, Галлию и Британию, говорит, что галлы приносили людей в жертву Тевтату и Езусу, но это было очень давно.

Два автора II в. сообщают нам первичную и оригинальную информацию. Первый из них — географ Птолемей (писал ок. 125—151 гг.), чье «Географическое описание» является главным источником для локализации городов и других географических объектов как в Римской империи, так и за ее пределами. Он отмечает место жительства многих кельтских племен, включая те, что были упомянуты более ранними авторами без точной географической привязки. Второй — Павсаний (писал ок. 173 г.). Это главный источник по событиям 279 г. до н.э. возможно, использующий «Историю Александра» Иеронима из Кардии. Его описание памятников, увиденных в путешествии по Греции, включает и те, что связаны с кельтами, галатами и их нападением на Дельфы — например кельтские щиты, посвященные Пирром Зевсу, или щит Кидия).



В конце четвертого столетия один или два автора еще приводили цитаты из ранних источников. Аммиан Марцеллин (330—400) в основном использовал Тимагена, утверждая, что некоторые обитатели Галлии были ее коренными жителями, а другие пришли с отдаленных островов или из-за Рейна, откуда их выгнали наводнения и частые войны; он также повторил мнение о происхождении эдуев от троянцев. Руф Фест Авиен (писал ок. 366 г.) использовал для своей «*Ora maritima*» несколько источников, включая Гимилькона и потерянный перипл из Массалии, но, как будет показано в следующей главе, интерпретация этого источника дает немало проблем. Источник четвертого столетия — «Итинерарий Антонина» (333) — главный ключ для привязки к местности ряда римских (и доримских) городов. В других случаях мы находим авторов, вспоминающих о прошлом — например Децима Магна Авсония (310—395), который происходил из Бурдигалы (Бордо) и писал о происхождении нескольких своих коллег от друидов. Другие дают информацию о выживании галльского или кельтского языка, который постепенно исчезал под натиском латыни. Лампридий цитирует «Историю Августа», говоря о том, как женщина-друид предсказала поражение императору Александру Северу (222—235) в своей «Галльской проповеди» (*Gallico sermone*).

Святой Иероним (331—420) сравнивает языки галатов Малой Азии и жителей окрестностей Трира (он жил в обоих местах) и повторяет версию происхождения галлов от Гомера, сына Иафета. Сульпиций Север (ок. 365—425) сообщает о том, как аквитанцы просили гостя из Центральной Галлии «говорить по-кельтски или по-галльски, но только о святом Мартине». Наконец, Сидоний Аполлинарий (430—479), происходивший из Лиона и ставший епископом в Клермон-Ферране, извиняется за кельтский акцент в речи жителей Оверни. Этим отмечен конец классической традиции, говорящей о кельтах с точки зрения современников. Стефан Византийский (писал ок. 480—500 г.) называет кельтов в своем списке народов прошлого, и то же делает Исидор Севильский (560—636) в отношении кельтиберов. После них кельты совершенно исчезают из литературы, хотя слово «галл» (*Gall*) остается обычным термином для обозначения жителя Галлии, а потом и Франции, символом которой становится петух (по-латыни *gallus*).



## Заключение

Это краткое обозрение источников приводит к нескольким выводам:

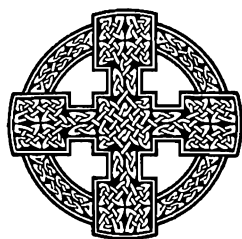
1. Наша информация о кельтах в основном базируется на сведениях трех авторов, которые имели прямые контакты с кельтами и посещали их земли: это Полибий, Посейдоний и Юлий Цезарь.

2. Большинство имеющейся информации повторяет и пересказывает небольшое количество источников.

3. Большая часть данных ретроспективна, что касается даже первого столетия до нашей эры — главного периода для работ о кельтах.

4. Почти все авторы были греками и римлянами, и никто из них не происходил из северных частей империи — Северной Галлии, Германии, Британии. Однако, вопреки частым утверждениям, среди них были те, кто имел кельтское происхождение, и те, кто жил на территориях, населенных кельтами, или неподалеку от них.





## 2. ЗАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДА

Во времена Сидония Аполлинария в V в. н.э. литература перестает упоминать о кельтах как о современной этнической группе; Исидор Севильский (560—636) уже, по всей вероятности, говорит о кельтиберах в прошедшем времени, и то же делают другие авторы — например, Стефан Византийский в своем списке народов. Но там, где идет речь об обитателях Галлии, слово «галлы» остается общеупотребительным для обозначения коренных жителей недавно основанных германских королевств, а потом и французов вообще для авторов, пишущих по-латыни. Иногда встречаются гибридные имена наподобие «кельтогаллов», а когда авторы желают быть более точными, они обращаются к списку галльских племен, данному Цезарем (Latham 1965, 1981). Так Беда Достопочтенный пишет о галлах или «галлах Белгики», но говорит также о моридах или о городах, откуда происходят упомянутые им личности (например, Герман Оксеррский). Гораздо позже мы находим у Гальфрида Монмутского упоминание аллоброгов.

Как уже отмечалось, никто из древних авторов не говорил о кельтах в Британии. Нечто подобное писал лишь Гиппарх, цитируемый Страбоном:

«В области племен, живущих в 6300 стадиях от Массалии (их Гиппарх считает еще кельтами, а я думаю, что это бреттанцы, живущие на 2500 стадий севернее Кельтики), это явление (тусклый свет солнца) становится еще более заметным».

*(«География», 2, 1, 18).*

Сам Страбон, без сомнения, различает бриттов и кельтов. О происхождении жителей Британии Цезарь пишет следующее:



«Внутренняя часть Британии населена племенами, которые, на основании древних преданий, считают себя туземцами, а приморские — выходцами из Белгики, переправившимися для грабежей и войны (все они носят здесь названия тех племен, от которых они происходят); после войны они там остались и стали заниматься земледелием».

*(«Записки о галльской войне», 5, 12).*

Однако он не говорит, когда произошли эти события.

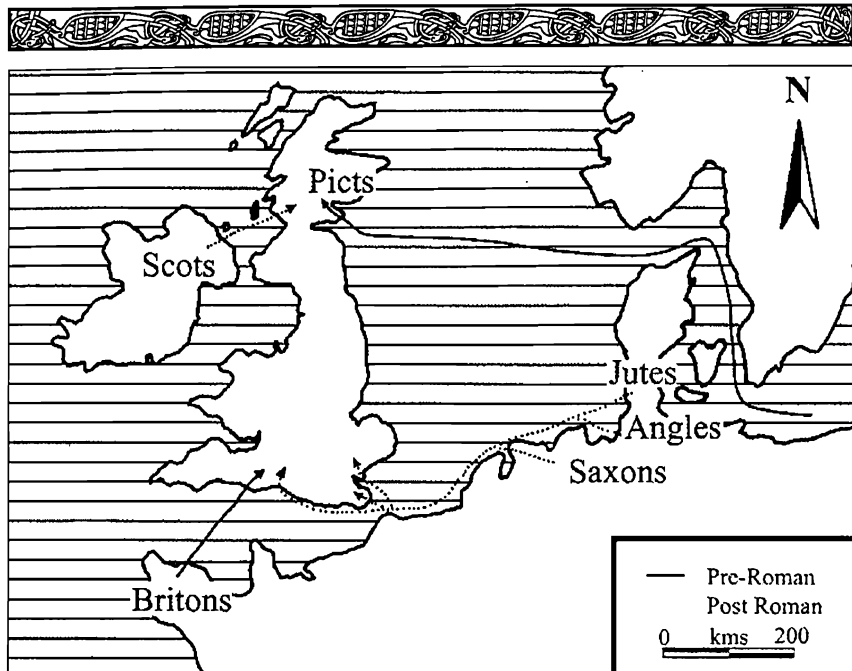
Тацит в жизнеописании Агриколы говорит о происхождении бриттов более подробно:

«Кто населял Британию в древнейшие времена, исконные ли ее уроженцы или прибывшие сюда чужестранцы, как обычно у варваров, никому не известно. Внешность же у британцев самая разнообразная, и отсюда обилие всевозможных догадок. Русые волосы и высокий рост обитателей Каледонии говорят об их германском происхождении; смуглые лица сигуров, их чаще всего курчавые волосы и места поселения против Испании дают основание предполагать, что они — потомки некогда переправившихся отсюда и осевших на этих землях иберов, живущие в ближайшем соседстве с Галлией, похожи на галлов, то ли потому, что все еще сказывается общность происхождения, или одинаковый климат в этих расположенных друг против друга странах придал их обитателям те же черты. Взвесив все это, можно считать вероятным, что в целом именно галлы заняли и заселили ближайший к ним остров».

*(«Агрикола», 11)*

В поздней античности и раннем средневековье авторы, делавшие догадки о происхождении народов, в основном обращались к греческим и римским мифам, поскольку другой главный источник знаний о прошлом — Библия — мало говорил о расселении народов Запада после Ноева потопа и крушения Вавилонской башни:

«Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас. Сыны Гомера: Аскеназ, Рифат и Фогарма. Сыны Иавана: Елиса, Фарсис, Киттим и Доданим. От сих населились острова на-



**2. Колонизация Британии, по данным Беды Достопочтенного.**

**Легенда: до римлян (—), после римлян (....).**

**Надписи на карте: скотты, пикты, бритты, англ, саксы, юты**

родов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих».

*(Быт., 10: 2—5)*

Многие авторы, начиная с Иосифа Флавия (37—101), Орозия (писал ок. 414—417 гг.) и Исидора Севильского, делали попытки совместить классические и библейские источники. Поскольку библейская история принималась за начало мира, греческие и латинские мифы увязывались с более поздними событиями. Древнейшим доступным памятником классической литературы был Гомер, и многие народы Запада, подобно римлянам, возводили свое происхождение к безавшим троянцам. Цезарь («Записки о галльской войне», 1, 33) говорит об эдуях как о «единокровных братьях» (*fratres consanguinesque*) римлян в контексте договора, заключенного с ними во II в. до н.э. Аммиан Марцеллин в IV в. более обобщенно упоминает троянцев, поселившихся в Галлии (XV, 9, 5). Более кон-



кретен Лукан («Фарсалия», 1, 427—428), говорящий, что арверны безосновательно претендуют на то же троянское происхождение, что и латины. Сидоний Аполлинарий, обращаясь в Рим за помощью против атак вестготов, которым до поры успешно противостояли те же арверны, выдвигает те же претензии (*Carmina*, VII, с. 139). В VII в. даже франки приписывали себе троянские корни (Asher, 1993).

Единственным исключением из этого обращения к мифологии был Беда Достопочтенный (672—735). Во вступительной главе к его «Церковной истории народа англвов» он вкратце обсуждает происхождение доримских обитателей Британии. По его мнению, бритты происходят из Бретани, а пикты — из «Скифии», которую он отождествляет со Скандинавией. Последних он отличает от прочих бриттов по языку и обычаям (в том числе по матрилинейному ведению родства) и пишет, что сначала они явились в Ирландию, откуда по совету скоттов направились в Британию. Его описание послеримских передвижений населения в Британии все еще формирует базис «мифов происхождения» современных Британских островов: это вторжения англвов, саксов и ютов с северо-запада континентальной Европы и колонизация запада Шотландии ирландскими скоттами. Он пишет о пяти языках, на которых говорят в Британии: английском, скотском, бриттском и пиктском, в то время как пятым, латынью, владеет образованная религиозная элита. Он также проводит разделение между англами и коренными бриттами, обвиняя последних в том, что они отказались учить языческих предков англвов христианской вере и не принимали общепринятых религиозных норм. Это касалось формы монашеской tonsуры и даты празднования Пасхи, принятой Ватиканом в 532 г. одновременно с введением счета лет от Рождества Христова по вычислениям Дионисия Малого. Беда первым внедрил этот счет в Британии, хотя идея обратного счета лет до Рождества Христова не принималась католической церковью вплоть до 1627 г.

Тем не менее в Средние века господствующие идеи о заселении Ирландии и Британских островов в целом следовали континентальной моде, отражающей классические мифы о греках и троянцах. Древнейшая ирландская письменная традиция представлена в «Лебор Габала Эренн», «Книге захватов Ирландии», где история острова представлена как серия колонизаций и вторжений. В версии





«Ленстерской книги» XI в. история несет отпечаток библейских сюжетов, и все группы завоевателей, как и другие крупные народы Европы, возводятся к Ною и его сыну Иафету. Всего перечислено шесть вторжений:

1) незадолго до потопа в Ирландию прибыла Кессайр, дочь Бита и внука Ноя, но эта группа целиком погибла;

2) через три сотни лет остров был занят Пателоном, или Партолоном, из Греции, отстоящим от Ноя на девять поколений. Он претендовал на происхождение от Иафета через сына последнего Магога. Его народ вымер от чумы;

3) сто двадцать лет спустя прибыли другой потомок Магога, Немед, и его спутники. После смерти Немедиа один из его внуков, Семул, или Семион, отправился в Грецию, где его потомки умножились, но попали в рабство. Другой внук, Британ Мэл, колонизировал Британию и дал начало бриттам, которых «старые саксы изгнали... в дальние пределы островов»;

4) затем пришли Фир Домнан, Фир Галеоин и Фир Болг, возводящие свое потомство к Семиону, — они бежали из греческого рабства. Их последний король Эоху был убит Туата Де Дананн;

5) племена Туата Де Дананн тоже происходили от Магога и Немедиа, но пришли с севера, откуда они принесли в Ирландию искусства и магию. Они включали таких ирландских богов, как Нуаду Аретлам, Дагда и Луг;

б) последними завоевателями были гэлы, или сыновья Миля. Они происходили от Гомера, чей внук Фениус Фарсайд, король Скифии, был одним из 72 королей, строивших Вавилонскую башню. Его младший сын Нел отправился в Египет, где женился на дочери фараона Скоте. Их сын Гойдел Глас, предок-эпоним гэлов, выделил гэльский язык из 72 языков «вавилонского смешения». Его наследник вернулся в Скифию, а потом отправился в плавание вокруг Европы, пока не достиг Испании. Там Брегон построил башню и крепость Бригантию, из которой его сын Ит отплыл в Ирландию. Его брат Биле имел сына по имени Миль, чьи семь сыновей вторглись в Ирландию и основали ее основные династии.

История о Миле имеет давнее происхождение, восходящее к VIII в., хотя Бирн справедливо утверждает: «Более чем сомнительно, что «Лебор Габала» передает какие-либо подлинные факты о завоеваниях острова, кельтских или любых других». Тем не менее раз-



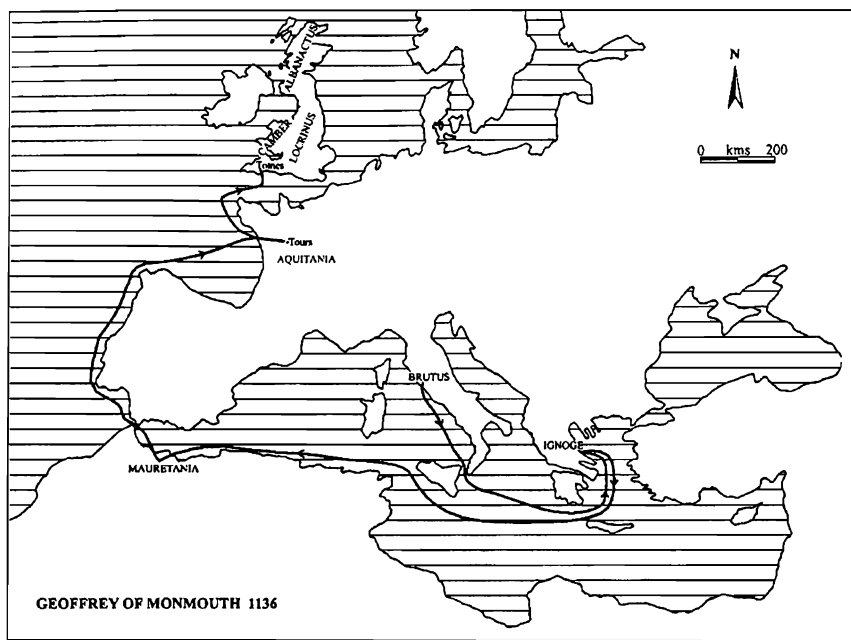
личные ученые XIX и XX столетий пытались связать лингвистические и археологические свидетельства с литературной традицией. Эти легенды, как мы увидим, оказали также большое влияние на таких поздних писателей, как Джон из Фордуна и Джордж Бьюкенен.

История о Скоте вновь появляется в валлийской «Истории бриттов», приписываемой Неннию и сочиненной около 806 г., но здесь о ней говорится только то, что она приплыла из Иберии. Здесь же появляется второй миф о происхождении населения Британских островов — по нему Бритт, предок-эпоним бриттов, является внуком Энея, который отплыл из Италии через Сирию, Мавританию, Геркулесовы столбы и достиг Ирландии.

Полномасштабная версия истории этого Бритта-Брута появляется в «Истории бриттов» Гальфрида или Джеффри Монмутского, написанной около 1133 г. Гальфрид утверждал, что заимствовал свои сюжеты из «старинной книги», переданной ему кем-то из оксфордских коллег, но впоследствии потерянной. Хотя это вполне могла быть одна из известных нам анонимных историй XII в., считается, что он выдумал большую часть историй самостоятельно. В его версии мы находим многих знакомых героев английской национальной мифологии, от короля Коля до короля Лира, и, конечно, историю короля Артура, его завоевания Галлии и похода на Рим. По утверждению Гальфрида, бритты под командованием Брута были теми самыми галлами, которые некогда захватили Рим.

История Брута и колонизации Британии также получила у Гальфрида свое развитие. Брут, внук Энея, родился в Италии, но был вынужден бежать, случайно совершив убийство. Миновав Грецию и Мавританию и проплыв мимо Геркулесовых столбов, он приплыл в Аквитанию, где сразился с врагами в низовьях Луары. Он и его спутники явились в Британию и высадились в Тотнесе, изгнав или перебив великанов, которые тогда населяли остров. Брут со своими троянцами захватил всю Британию и после смерти поделил ее между сыновьями: старшему Локрину досталась Логрия (Англия), Камберу — Камбрия (Уэльс), а младшему Альбанакту — Альбания (Шотландия).

Этот миф об общем происхождении королевств Англии, Шотландии и Уэльса стал в дальнейшем важным фактором в отношениях между ними, особенно между Англией и Шотландией, по-



### 3. Странствия Брута, по данным Гальфрида Монсмутского. Надписи на карте: Альбанакт, Камбер, Локрин, Тотнес, Тур, Аквитания, Мавритания, Брут, Игногия

сколько английские монархи использовали его для доказательства своего превосходства над шотландскими. Так, после смерти короля Александра III в 1286 г. и его наследницы Маргариты, или «Норвежской Девы», в 1290 г. Эдуард I Английский приводил этот миф в нескольких обращениях к папе римскому в подтверждение своих верховных прав на Шотландию. Затянувшийся спор был решен только в 1328 г. признанием англичанами Роберта Брюса как законного короля Шотландии. Брут снова воскрес в момент притязаний Генриха IV на шотландский трон в 1401 г., а Джон Хардинг, придворный пропагандист Генриха V и Генриха VI, использовал его для той же цели между 1420 и 1427 гг. Наконец, в 1547—1548 гг. шотландский сторонник объединения двух королевств Джеймс Генриссон вспомнил о Бруте в целях поддержки графа Сомерсета, который вторгся в Шотландию, принуждая ее к обручению юной Марии Стюарт с Эдуардом VI, однако это «насильственное сватовство»

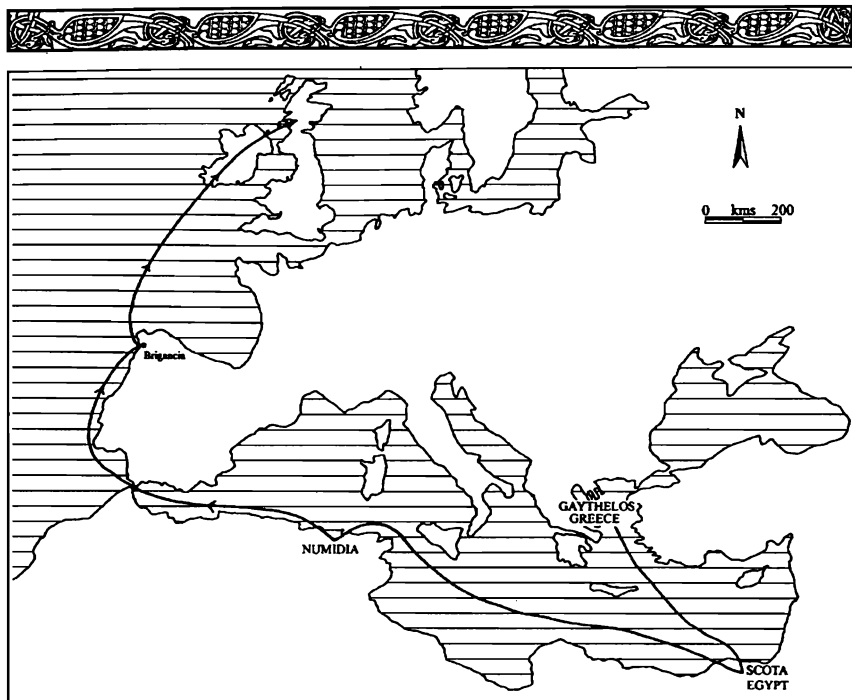


закончилось провалом. Тюдоры объявили себя потомками Брута, и любые нападки на миф считались подрывом авторитета английской монархии и покушением на славную историю королевства.

Шотландская контрпропаганда базировалась обычно на истории Скоты; она была изложена в обращении Балдрета Биссета, юриста, призванного развенчать притязания Эдуарда I на шотландский трон, к папе римскому в 1301 г. и окончательно сформулирована в Арбротской декларации 1320 г. История получила дальнейшее развитие в «Хронике шотландской нации», написанной около 1380 г. каноником Джоном из Фордуна (ок. 1300—1385) на основе литературных источников, найденных в Шотландии и Ирландии. По этой версии, греческий принц Гайтелос (Гойдел Глас) после случайного убийства бежал из Греции в Египет, где женился на местной принцессе Скоте. Они отправились сперва в Нумидию, а потом на северо-запад Испании, где основали город Бригантia (ныне Корунья). Позже их сыновья решили колонизировать плодородный зеленый остров, то есть Ирландию, а еще позже их потомки-скотты перебрались в Шотландию. Как можно догадаться, по этой версии, скотты совершенно не обязаны были подчиняться Англии!

История была развита генеалогическими претензиями шотландских королей. Королевства скоттов и пиктов были объединены при Кеннете мак Алпине в IX в. при неясных обстоятельствах (предполагают, что этот король унаследовал трон пиктов от матери, благодаря матрилинейной системе родства, а трон скоттов от отца). Генеалогия королей Шотландии основывалась на наборе ирландских источников, особенно на «Ирландских анналах» и компиляциях Фланн Майстреха. Со стороны пиктов, королевская линия наследования отражена в «Пиктских анналах», оставленных между 970 и 1090 гг. Таким образом, мы имеем две параллельных генеалогии, в которых упоминается Кеннет мак Алпин, но в XII в. они были соединены в одну длинную генеалогию, которая со времен Уильяма Льва зачитывалась на всех шотландских коронациях с 1165 до 1317 г. Истина открылась только в XVIII столетии, когда были открыты и опубликованы источники, написанные до XII в.

В XVI столетии историки разделились на два лагеря — тех, кто продолжал верить мифам основания, и тех, кто подобно Полидо-



**4. Странствия Гайтелоса и Скоты, по данным Джона из Фордуна.  
Надписи на карте: Бригантия, Нумидия, Гайтелос,  
Греция, Скота, Египет**

ру Вергилию, высмеивал их, не предлагая, однако, альтернативной версии. Шотландский историк Гектор Бойс, или Боэций (ок. 1465—1536), соединил скудную информацию генеалогий с очерками о каждом из поименованных в них королей; его сюжеты повторялись такими поздними историками, как Джордж Бьюкенен и Рафаэль Холиншед, причем последний стал источником для шекспировского «Макбета». Как Гальфрид Монмутский до него, Бойс утверждал, что пользовался потерянной позже старинной книгой. Тем не менее, как доказал Фергюсон (1998), моделью для этих шотландских историков послужил Тит Ливий, который сам использовал множество мифов сомнительного происхождения; по его милости хороший стиль считался для историка более необходимым, чем критический подход к материалу. Другим главным источником того времени была «Historia Majoris Britanniae» Джона Мейра, или Мейджора, название которой в соответствии с именем автора и его



целью (обоснованием союза Англии и Шотландии) могло переводиться как «Большая история Британии», или «История великой Британии».

Прежде чем перейти к новому большому этапу, следует вкратце упомянуть еще одну фальсификацию, ставшую популярной в XVI столетии и повлиявшей на общее мнение о колонизации Западной Европы, — подделку Анния из Витербо, опубликованную в 1498 г. Анний утверждал, что нашел манускрипт, написанный халдейским философом Беросом и египетским историком Манефоном в IV столетии до н.э., где утверждалось, что первым королем кельтов и бриттов был Самот (ум. в 2014 г. до н.э.), сын Яфета. Среди его потомков были субъекты с именами Магус, Друис, Бардус, Кельтус и так далее, которые населяли Британию до прибытия троянцев под командованием Брута. Несмотря на ясность происхождения этих имен, история была пересказана Джоном Бейлом в 1548 г., а потом Джоном Каюсом в его истории Кембриджского университета (*De Antiquitate Cantebriagensis Academiae*), опубликованной в 1568 г. Она позволила утверждать, что первыми обитателями Британии были кельты.

### **Джордж Бьюкенен (1506—1582)**

Так была подготовлена политическая и интеллектуальная почва для появления первой из крупных фигур, сформировавших представление о кельтах и отводящих им главную роль в заселении Ирландии и Британии. Джордж Бьюкенен был ученым-классиком с международной репутацией, поэтом и драматургом, писавшим по латыни, а также автором истории Шотландии (*Rerum Scotticarum Historia*), опубликованной в 1582 г., в год его смерти. Он был глубоко вовлечен в религиозную и светскую политику своего времени, что позволяет лучше понять его мотивы при написании этой работы.

Между 1520 и 1522 гг. он учился в Париже, а по возвращении в Шотландию служил в армии регента Шотландии Джона Стюарта, герцога Олбани, графа Оверни и дяди Екатерины Медичи. В 1524 и 1525 гг. он учился в Сент-Эндрюсе, где одним из его наставников



**5. Предполагаемый портрет Джорджа Бьюкенена работы Арнольда Ван Брокхерста. Воспроизводится с разрешения Университета Сент-Эндрюса, коллекция университетского музея**

был Джон Мейр, к которому Бьюкенен позже испытывал очевидную антипатию, несмотря на их общий скептицизм в отношении средневековых источников. Мейр не упоминается по имени в «Истории» Бьюкенена, но явно присутствует среди тех «шотландских историков», которых тот опровергает. В то же время Бойс, несмотря на свою доверчивость или даже сознательную фальсификацию, воспринимается Бьюкененом с одобрением и широко используется.

Позже Бьюкенен отправился доучиваться в Париж и вернулся в Шотландию в 1536 г. Там он вошел в придворные круги, обучая незаконного сына Якова V Джеймса Стюарта, будущего графа Морея. Он все больше вовлекался в цер-

ковные распри на стороне реформатов и по просьбе короля сочинил поэму с нападка на францисканских монахов. Это поставило его в трудное положение с ростом влияния семейства Гизов как в Шотландии (Мария де Гиз вышла в 1538 г. замуж за Якова, а в 1554 г. стала регентшей), так и во Франции. Сент-Эндрюс стал ареной острого конфликта между католиками и протестантами после убийства католического кардинала Дэвида Битона и публичного сожжения нескольких протестантов. Сам Бьюкенен был заточен в Сент-Эндрюсский замок, откуда, как гласит история, он выбрался через окно по веревке и в 1539 г. бежал в Париж. Он оставался в изгнании больше двадцати лет — снова учился в Париже, потом отправился в Бордо, по пути посетив Ажан, где надеялся встретить ученого латиниста Юлиуса Скалигера, отца известного хронолога Жозефа. Потом он отправился на учебу в Португалию, где четыре



года провел в тюрьме инквизиции. В 1552 г. он был освобожден и вернулся в Париж.

Его возвращение оказалось своевременным, поскольку в 1556 г. шотландская королева Мэри вышла замуж за дофина, впоследствии короля Франциска II, одного из сыновей Екатерины Медичи. Бьюкенен вошел в милость Марии, написав «Эпиталаму» в честь ее замужества. После смерти Франциска он в 1561 г. вернулся с королевой в Шотландию как ее учитель латыни. Протестанты поднимали голову, и Бьюкенен получил высокий пост модератора Ассамблеи пресвитерианской церкви, став единственным занимавшим его когда-либо светским лицом. Тем временем убийство второго мужа Марии лорда Дарнлея поставило его в оппозицию королеве. После ее бегства в Англию он входил в делегацию во главе с лордом Морем, которая отвезла английским властям шкатулку с документами, избличавшими Марию в убийстве супруга; некоторые даже считали, что Бьюкенен сам подделал эти документы. После заточения Марии в английскую тюрьму ее сын Яков VI стал королем, а Бьюкенен — его учителем латыни, что было для короля не слишком удачным выбором. Это могло стать одной из мотиваций для написания Бьюкененом сочинения «De Jure Regni apud Scotos», где отвергалась концепция божественного права монархов и доказывалось, что короли ответственны перед народом, который имеет право восстать против «тирана». Эта работа была одной из тех, что цитировались в приговоре суда, отправившего на смерть сын Якова — Карла I.

В делах церкви Бьюкенен был сторонником протестантов, как доказывают его столкновения с Гизами и инквизицией. В государственных делах его долгое пребывание во Франции естественно сделало его сторонником французов и противником англичан, хоть он и находился за границей во время «насильственного сватовства». Поэтому он не особенно дорожил мифом о Бруте, хотя события последующих лет заставили его изменить пристрастия. Резня Варфоломеевской ночи в 1572 г., закрепившая перевес католиков во Франции, победа протестантизма в Англии с приходом к власти Елизаветы в 1558 г. и ее конфликт с Испанией объясняют его решение помочь Елизавете в ее борьбе с Марией. К концу жизни он понял, что обучал будущего короля Англии. Поэтому его «История» играет двойственную роль — во-первых, она напоминает королю





### Rerum Scotticarum

omnibus è Gallia esse vel hinc apparet, quòd Galli antiquitus in Thraciam & Hispaniam, non autem illi in Galliam colonos misisse dicantur. Igitur apud scriptores idoneos hæc fere huius generis leguntur.

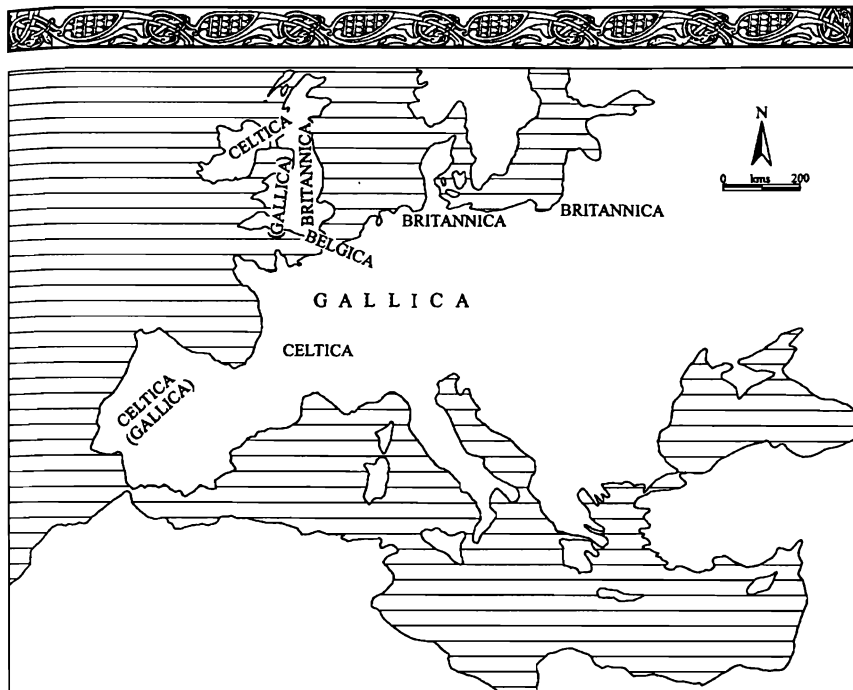
¶ Abobrica Plinio in conventu Bracarenſi.	50
¶ Amalobrica in Itineratio Antonini.	
¶ Arabrica Plin. convent. Braca.	
¶ Arabrica altera Ptolemao in Lusitania.	
¶ Arcobrica Ptol. in Celtiberis .	
¶ Arcobrica alt. Ptol. in Celticiſ Lusitanis.	
¶ Arcobrica tertiâ Plin. in convent. Celtazugulano.	
¶ Artobrica Ptol. in Vindeliciſ.	
¶ Auguſtobrica Pli. & Ptol. in Lusitania.	
¶ Auguſtobrica alia Ptol. in Veſtonibus.	
¶ Auguſtobrica 3. Ptol. in Pelendonibus.	
¶ Axabrca Plin. in Luſit.	60
¶ Bodobrica It. Ant. & lib. de noſcia imperij Romani in Germania prima.	
¶ Brige It. Ant. in Britannia.	
¶ Brige vicus Straboni ad Cottias alpes.	
¶ Brutobrica Stephano inter Betum, & Turdulor.	
¶ Celobrica Ptol. Celerinorum.	
¶ Caſarobrica Pli. in Luſitania.	
¶ Carobrica in Turdulis It. Ant.	
¶ Corimbica Pli. in Luſit. ſed niſi fallor corrupte pro Conimbica, cuius meminit It. Ant. & quæ ſuum vetus nomen adhuc ſervatad Mundam amnem.	70
¶ Comobrica Ptol. in Veſtonib.	
¶ Deobrica Ptol. in Veſton.	
¶ Deobrica alt. Ptol. in Autrigonib.	
¶ Deobrica Ptol. Morbogorum.	
¶ Deſobrica non longe à Lacobrica It. Ant.	
¶ Flaviobrica Pli. ad Amanum portum. Ptol. in Autrigonib. Magoum vocat: ac neſcio an apud Plin. Magnum ſcribi debeat.	
¶ Gerabrica in convent. Scalabiano, quæ in eodem Itabrica.	
¶ Itabrica Pli. & It. Ant. in Cantabris, olim Brigantia.	
¶ Lacobrica in Vaccis Pli. & Ptol. & Feſto Pompeio.	
¶ Lacobrica in ſacro promontorio Mæle.	80
¶ Lancobrica in Celticiſ Luſit. Ptol.	
¶ Latobrigi vicini Helvetijs Caſari.	
¶ Medubrica cognomento Plumbaria Pli. in Luſit. Hæc ni fallor in Itinerario Ant. vocatur Mundobrica .	
¶ Microbrica cognomento Celtica in Luſita. Pli. & Ptol.	
¶ Mirobrica in Oretanis Ptol.	
¶ Mirobrica alt. in Betaria, ſive Turdetanis Beticis Pli. & Ptol.	
¶ Nemetobrica in Celticiſ Luſit. Ptol.	
¶ Nerobrica in Turdulis Beticæ Ptol.	
¶ Nerobrica alt. in Celtibe. Ptol. in It. Ant. Nitobrica.	90
¶ Segobrica in Celtiberis. Plin. Ptol. vero Celtiberiæ caput.	

Talabrica

**6. Страница из написанной в 1582 г.  
Бьюкененом «Истории Шотландии»  
со списком географических названий,  
оканчивающихся на «брига/брика»**

о древности шотландского трона, убеждая его следовать курсу равноправного объединения двух королевств вместо подчинения Шотландии Англии. Во-вторых, наставляет короля, излагая для него истории «хороших» и «плохих» шотландских королей и их судьбу.

Многое в «Истории» Бьюкенена является пересказом сюжетов Бойса; это особенно характерно для первой книги, где и говорится о заселении Британии и Ирландии. Вначале он отвергает мифы, основанные на греческих и римских заимствованиях, оперируя в

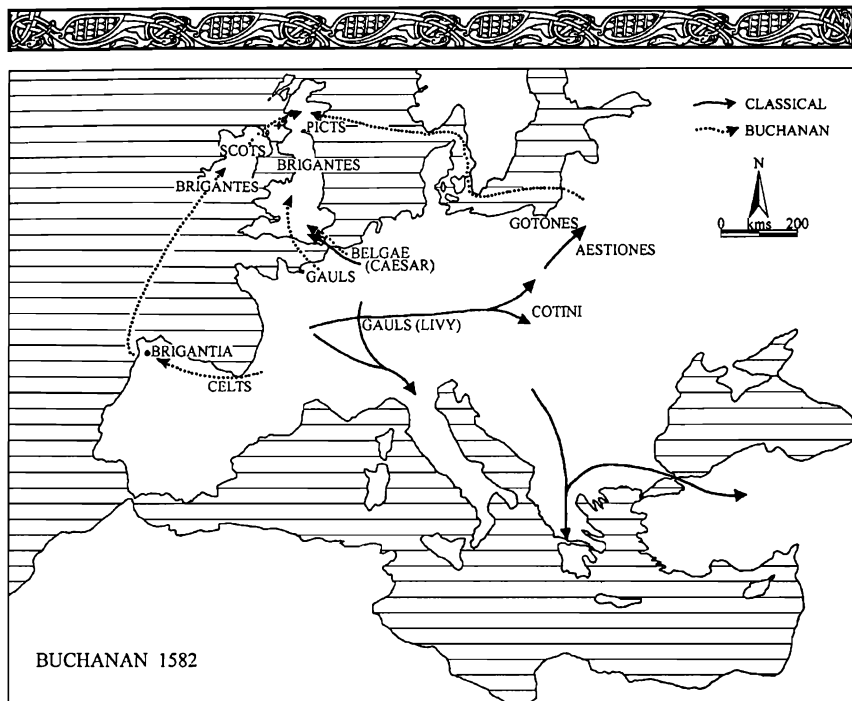


**7. Размещение «галльских» языков по Бьюкенену.  
Надписи на карте: Кельтика (Галлика), Кельтика, Галлика,  
Белгика, Британника**

основном логическими доводами — например, невозможно допустить, чтобы маленький отряд троянцев всего за одно поколение так умножился, что заселил все Британские острова. Развенчав эти мифы, он, как и многие его предшественники, предложил собственное решение вопроса. В своей методологии он вернулся к Плинию, который предлагал три пути изучения происхождения какого-либо народа:

- 1) изучение языка народа;
- 2) выяснение того, каким богам он поклоняется;
- 3) сравнение географических названий, особенно «вечных» имен городов и рек.

Первый путь Бьюкенен отверг, поскольку он не имел представления о языке древних жителей Британии, а сведения об этом таких авторов, как Цезарь, Страбон, Тацит, Беда и так далее, были весьма неопределенными. В религиозном аспекте он располагал именами таких богов, как, например, Тевтат, которые встречались



## 8. Распространение «галльских» языков по Бьюкенену.

Легенда: 1 — классическая версия, 2 — версия Бьюкенена (1852).

Надписи на карте: кельты, Бригантia, бриганты, скотты, пикты, галлы, белги (по Цезарю), галлы (по Ливию), готоны, эстии, готины

в Галлии, Испании и Британии, а также названиями членов жреческой касты — друидов и бардов.

Его главные свидетельства, однако, исходили из географических названий, особенно из имен городов с окончаниями, которые можно было перевести с гэльского или ирландского — «брига» (холм), «дун» (форт), «маг» (рынок). Он пролистал в поисках подобных названий все доступные ему источники — Цезаря, Страбона, Птолемея, «Итинерарий Антонина» и так далее, всего не менее сорока античных, классических и позднеантичных авторов. Отметив, что эти имена встречаются во всей Западной Европе, особенно в Галлии и Иберии, он заключил, что заселение Британии велось с прилегающих областей материка и что все тамошние народы говорили на родственных языках, давших начало современным валлийскому, ирландскому и шотландско-гэльскому. Он также доказывал,



что, вопреки Беде, пикты также говорили на похожем языке, поскольку имелись свидетельства, что пикты, скотты и бритты могли объясняться друг с другом.

Таким образом, он выделил группу связанных друг с другом языков, которые назвал «галльскими». Его терминология не была особенно четкой, но внутри группы он выделил три диалекта:

1) белгский, на котором говорили в Северной Франции и Юго-Восточной Англии;

2) кельский, на котором говорили в Испании, Ирландии и Шотландии, а также, вероятно, хоть этого и нельзя доказать, в южной и центральной Галлии; он дал начало ирландскому и шотландско-гэльскому языкам;

3) бриттский, островной диалект, давший начало валлийскому.

По контрасту он определил две других больших языковых группы, на которых говорят в Западной Европе. Первая происходила от латыни и включала итальянский, испанский и современный французский (*lingua gallica adhuc*), вторая, или *lingua germanica*, включала немецкий, фризский, английский и так далее; согласно Беде, она была принесена в Британию в послеримскую эпоху.

Чтобы определить, когда и почему началась доримская колонизация Британии, Бьюкенен снова обратился к классическим авторам, особенно к Ливию и Цезарю. У Ливия он взял историю Амбигата и его битуригов, связав ее с перенаселенностью Галлии. Ливий писал о двух миграциях галлов — в Италию и через Герцинский лес в Центральную Европу. Бьюкенен предположил, что подобные же миграции совершались в Испанию, где историки помещали кельтское население, и на север и северо-запад, где были колонизированы Ирландия и Британские острова. Из целой серии миграций античные историки упомянули только о белгах, которые, по данным Цезаря, поселились на юго-востоке Англии. На него вероятно, оказал влияние Тацит, писавший о возможном иберийском происхождении силуров и других племен запада Британии (Агрикола, 11); он доказывал также иберийское происхождение ирландцев и шотландцев. В подтверждение этого он связал имена испанской Бригантии (Коруньи) и бригантов юго-восточной Ирландии и северной Англии, упомянутых Птолемеем. Возможно, он заимствовал связь Ирландии с Иберийским полуостровом и из длительной средневековой традиции. Поскольку обитателей Испании на-



зывали кельтами, он предположил кельтское происхождение также ирландцев и шотландцев. Южная Британия, по его мнению, была колонизирована жителями Галлии, в том числе белгами.

Относительно происхождения пиктов Бьюкенен следовал Беде, выводя их из «Скифии» где-то в Прибалтике или Восточной Европе. Там, по утверждению Тацита в «Германии» (гл. 45), одно из племен, а именно эстии, говорило на языке, напоминающем британский. Тацит также пишет, что котины (Бьюкенен называет их готунами) говорили «по-галльски». По данным Плиния (IV, 13), автор IV в. до н.э. Филемон утверждал, что кимвры называли прилегающее к их землям море Моримаруса, что по-галльски означает «мертвое море», из чего Бьюкенен заключил, что они также говорили на галльском языке. Термин «пикты» он буквально понимает как «разрисованные», или «татуированные», — по свидетельству Геродота, подобная практика была обычной для скифов. Поскольку готуны (котины) и эстии жили достаточно близко от скифов, он предположил, что эти племена могли быть предками пиктов и заимствовали у скифов обычай татуировки. Хронологию этих событий он вывел из сравнения с другими историческими свидетельствами Ливия, получив дату около 600 г. до н.э. Ее он и принял за время заселения Британии, что хорошо согласовывалось с длинной шотландской генеалогией, полученной путем наложения хронологий скоттов и пиктов — она простиралась в прошлое примерно до IV в. до н.э.

## **Наследники Бьюкенена**

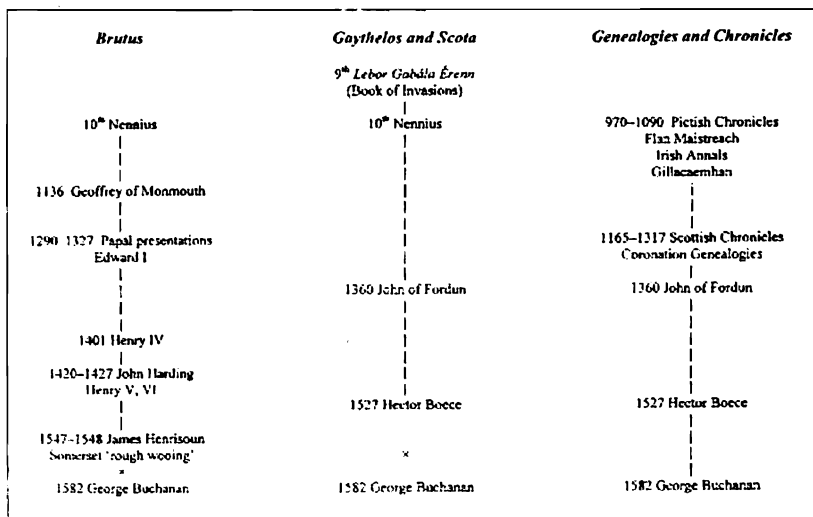
В своей «Истории» Бьюкенен первым выдвинул идею о кельтском происхождении населения Ирландии и Британских островов. При этом на собственно кельтских языках говорили только ирландцы и шотландцы, тогда как бритты и их наследники валлийцы были галлами или белгами, а пикты, хоть и родственные галлам по языку, пришли из Германии. Он также отверг средневековые мифы основания, хотя история Брута дожила как минимум до начала XVIII столетия; уцелела и фальсифицированная генеалогия шотландских королей. К тому же теория Бьюкенена была лишь одной из соперничавших версий ранней британской истории. Хотя его

IN G. BVCHANANI HISTORIAM, IOANNIS  
LINDSEII EPIGRAMMA.

**P**ARNASSO nuper duce te (Buchanane) relicto  
Venit ad extremos musa Caledonios.  
Nunc addis laudem historiz: redituuque per te  
Gelta patrum, & patrie splendet origo ruz.  
Quamque olim mendax ausa est miscere vetustas,  
& zypri, & Scotz fabula tora ruit,  
Dum generi antiquo nos reddis, origine Celtas,  
Qua fecunda virum Gallia terra patet.  
Iure igitur patrięque parens, & conditor alter,  
Fergulij magnis par tibi surgit honos.



9. Стихотворное посвящение, предваряющее «Историю Шотландии» Бьюкенена, в котором говорится о развенчании мифа о Скоте и восстановлении кельтских корней шотландцев



10. Исторические и генеалогические источники, использованные Бьюкененом при написании «Истории Шотландии»



книга выдержала двадцать изданий, большинство из них были осуществлены на континенте, а в Эдинбурге, как и во всей Британии, после первых двух изданий 1582 г. она не переиздавалась вплоть до 1700 г. Причин для этого было несколько. Во-первых, книги Бьюкенена в Шотландии были почти сразу же запрещены за резкую критику в адрес Марии Стюарт — матери короля Якова. Во-вторых, в Англии его отношение к монархии и особенно власти женщин вызывало неприятие королевы Елизаветы и ее наследников; даже в 1683 г. его книги вместе с сочинениями тираноборца Милтона были отобраны для публичного сожжения в Оксфорде. Как протестант, он отвергался в католических странах, поэтому его перепечатывали только в Германии и протестантской части Нидерландов, где особенным успехом пользовалось сочинение «De Jure Regni». Ясно, однако, что его читали такие авторы, как Сэмюел Джонсон, и что он повлиял на творчество романтиков наподобие Вальтера Скотта. По мнению Фергюсона, Бьюкенен был важным источником для религиозных и политических дебатов в Шотландии XVIII в., хотя по требованиям цензуры его редко называли по имени. Оживление интереса к кельтам в конце XVIII — начале XIX в. объясняет появление первого английского издания «Истории» в 1827 г. В одном из стихотворных посвящений в начале «Истории» говорится: «Ты вернул нам наших древних предков, кельтов, коих породила обильная людьми земля Галлии».

По контрасту, наиболее влиятельная книга о ранней истории Британии, «Британия» Уильяма Кэмдена, впервые опубликованная в 1586 г., выдержала восемь переизданий до смерти автора в 1623 г. и в 1610 г. вышла в английском переводе Филемона Холланда. Несколько раз книга существенно переделывалась (в последний раз в 1695 г.), а в XX в. была переиздана в факсимильном варианте.

В «Британии» Кэмден цитирует теории Бьюкенена о галльском происхождении бриттов, но нигде не употребляет термина «кельты», предпочитая ему «древних британцев»; этот термин был в употреблении вплоть до XIX в. и до сих пор порой встречается в археологической литературе. Кэмден перечисляет три альтернативных теории, не склоняясь ни к одной, как ни трудно это было для англичанина, использующего миф о Бруте для возвеличивания королевской власти (на недавней выставке личных вещей Елизаветы был представлен принадлежавший ей томик Кэмдена). Поэто-



**11. Портрет Уильяма Кэمدена  
из издания его «Британии» 1789 г.**

му он просто упоминает о теории Бьюкенена рядом с историей Брута. Его третья теория касается происхождения валлийцев и связывает кимров с киммерийцами, упомянутыми Плинием, а до этого Посейдоном и Диодором Сицилийским. Информацию о последних он соединяет со сведениями Библии о сынах Гомера, отраженными позже у Иосифа Флавия и в ранней ирландской традиции. По Библии, три сына Ноя заселили Землю, причем каждому достался свой континент. Хам и его потомки колонизировали Африку, дав начало хамитским языкам, включая египетский; Сим занял Азию с ее семитскими языками. Яфет оказался ответственным за Европу и ее «яфетические» языки. Один из сыновей Яфета, Гомер, и его наследники «гомериды» обычно отождествлялись с киммерийцами, и Кэمدен добавил к этой теории еще одно звено, связав их с кимрами-валлийцами. Та же версия гомерийцев-киммерийцев-кимвров-кимров более наглядно отразилась в книге Эйлета Сэмса «*Britannia Antiqua Illustrata*», изданной в 1676 г., в виде длинной цепочки переселенцев, идущей с востока; вариации на ту же тему появлялись вплоть до начала XIX столетия.

Главное различие между Бьюкененом и другими авторами заключалось в том, что теории Бьюкенена основывались не только на мифах, предрассудках и кажущемся сходстве имен, но и на систе-





12. Миграция киммерийцев, по данным Эйлета Сэмса (1676).  
Собственность Лондонского антикварного общества

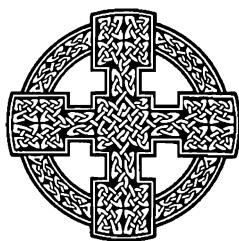
матическом сборе информации и ее логической интерпретации, из которой выводилась теория — это проявление того же прорыва в науке, который мы связываем с именами Фрэнсиса Бэкона и ведущих ученых XVII—XVIII вв. К сожалению, вплоть до последних лет выдающееся значение труда Бьюкенена не было признано. Его использование географических названий в качестве источника не повторялось до конца XIX в. и было самостоятельно внедрено Хольдером в его монографии «Alt-Celtischer Sprachschatz» (Словарный



состав древнекельтского языка, 1896). Не получила признания и его роль в становлении лингвистической классификации, которую мы обсудим в следующей главе.

Неясно, до какой степени распространилось влияние Бьюкена на следующие век или два. Без сомнения, он не был широко известен, но мы должны помнить о его знакомстве с Юлиусом Скалигером и его сыном Жозефом, чья роль в лингвистических исследованиях общеизвестна, — часть его идей могла восходить к дискуссиям с Бьюкеноном (который, вероятно, встречался с младшим Скалигером в Париже после возвращения из Португалии). Знал его и Кэмден, а Эдвард Ллойд почти наверняка изучал его труды во время подготовки доработанного издания «Британии» в 1695 г. В предисловии к «Британской археологии» (1707) он пишет, что «третий путь» (определения языка древних галлов) заключается в сравнении имен людей и местностей галлов с теми, что встречаются в Британии и Ирландии». Это именно то, что предлагал Бьюкенен и о чем упоминал Кэмден. Был ли он игнорируем, читали ли его работы без их упоминания или он создал научную атмосферу, в которой формировались мысли других? Или он, как считает Фергюсон, читался и почитался, но не упоминался из политических соображений как «персона нон грата»? К концу XVIII в., однако, упоминание Босуэлла доказывает, что его труд знали даже на отдаленных Гебридских островах.

Завершающей темой, на которую стоит обратить внимание в конце XVI и XVII вв., являются неоднократные попытки прояснения библейской хронологии наподобие «Eusebii Thesaurus Annalium» (Тезаурус истории Евсевия) Жозефа Скалигера (1606). С 1627 г. Ватикан официально признал метод обратного отсчета дат от рождения Христа, создав тем самым летосчисление «до Рождества Христова». Традиционная византийская хронология относила сотворение мира к 5008 г. до н.э., но вычисления епископа Джеймса Ушера (1581—1656) в «Анналах» (1650 и 1654) и «Анналах Ветхого завета» (1659) внесли в эту дату поправки, которые стали официальной хронологией и вошли в новую авторизованную версию Библии. Согласно Ушеру, сотворение мира было отнесено к 4004 г. до н.э., а Всемирный потоп — к 2350 г. Заселение Земли произошло после разрушения Вавилонской башни, и тогда же появились все мировые языки.



### 3. НАРОДЫ И ЯЗЫКИ

---

В Древнем мире практически отсутствовали попытки классификации языков или понимания их взаимосвязи. Хотя язык несомненно считался одной из главных характеристик этнической общности, его не изучали так, как это происходит в современном мире. Было известно, что греки говорили по-гречески, галлы — по-галльски, а римляне — на латыни, но в большинстве случаев язык просто игнорировался. Например, Цезарь различает аквитанов, кельтов и белгов, утверждая, что они говорят на разных языках, но из Цезаря, как и из других источников, становится ясно, что и белги, и кельты, и даже бритты говорили на диалектах одного и того же языка или на близкородственных языках, которые мы сегодня называем кельтскими. Некоторые аквитаны тоже говорили по-кельтски, другие пользовались языком, близким к иберийскому или даже к предку нынешнего баскского. Тацит в «Агриколе» также упоминает сходство языков, на которых говорят в Галлии и Британии.

Но, как мы уже видели, тот же Тацит пишет о германских племенах, говорящих «по-британски». Что он имеет в виду? Конечно, он сам не встречался с этими племенами, но кто-то по какой-то причине решил, что их язык непохож на речь других германцев. В случае эстиев (гл. 45 «Германии»), чей язык он описал как *lingua Britannicae proprior* («язык, более близкий к британскому»), мы можем предположить, что их язык был балтским — быть может прусским, *prutenicus*, что легко спутать с *britannicus*. С другой стороны, в случае котинов, живших где-то в районе северной Словакии, он пишет, что их язык выдает в них галлов, а не германцев, так что в этом случае именно язык выступает решающим критерием (гл. 43 «Германии»). Интересно также отметить утверждение Тацита о том, что треверы считают себя германцами, хотя мы твер-



до знаем, что они говорили на кельтском диалекте. Так же скептически мы должны отнестись к утверждению Беды, что язык пиктов отличается от языка скоттов и бриттов.

Упоминания о языках, которые в наше время считаются кельтскими, встречаются во многих древних текстах. Мы уже упоминали мнения Тацита, который приписывает ряду германских племен «британский» язык, и странно, что он употребляет именно этот термин вместо «галльского». Так обычно назывались языки, на которых говорили галлы, но иногда, довольно редко, их называли «кельтскими». Сульпиций Север около 400 г. н.э. пишет о том, как северный галл спрашивает более рафинированных сородичей из Аквитании, должен ли он описывать жизнь святого Мартина Турского на латыни. Ему отвечают:

«Говори по-кельтски или, если хочешь, по-галльски, лишь бы ты говорил о Мартине».

*(Диалог 3)*

Здесь два термина употребляются то ли чтобы обозначить различие между разными языками, то ли чтобы подчеркнуть их общее отличие от латыни. Сидоний Аполлинарий пишет так же неопределенно:

«Побуждай благородное сословие отбросить тенета кельтской речи, пусть и украшенной ныне красотами риторики и даже соразмерностью муз».

*(Письма. Кн. III, 3, Экдицию)*

Означает ли это упоминание *sermonis Celtica*, что знать арвернов в пятом столетии от Рождества Христова все еще говорила по-кельтски, или только то, что она изъяснялась на региональном арвернском диалекте, из которого позже вырос язык Южной Франции, *langue d'Oc*? Вопрос спорный — хотя сам Сидоний не был арверном и родился недалеко от Лиона, он писал своему шуруину Экдицию, который, как и его отец император Авит, принадлежал к арвернам. Возможно, память об Авите сохранилась в названии современного городка и озера Эда (*Audat*), которые Сидоний упоминает в своих письмах.



## Ранняя классификация языков

Самая ранняя известная нам попытка систематической классификации языков принадлежит поэту Данте Алигьери (1265—1321). В сочинении «*De vulgari eloquentia*» (Об обыденной речи) он предположил, что первоначальным языком Адама был еврейский, а остальные языки возникли после падения Вавилонской башни. Он выделил в Европе три группы языков — греческий, северные и южные. Северные — «славяне, венгры, тевтоны, саксы, англичане и множество других народов», — используют для обозначения «да» слово «ой». К востоку от Венгрии преобладают другие языки. На юге существует общее наречие, которое делится на три варианта: испанский, итальянский и французский. Они также различаются обозначением слова «да» — к западу от Генуи оно звучит как «ок», к востоку и югу как «си», а к северу — как «ой». Он предположил, что южные языки имеют общее происхождение, о чем свидетельствуют такие слова, как *deus*, *coelum*, *terram*, *vivit*, *moritur* и *amat*. Эти сходства и различия происходят от естественной эволюции речи, которую можно встретить во всех языках, и говорят о том, что современные жители любой страны или города с трудом поняли бы своих предков. Данте привел в пример Италию с ее множеством диалектов в отдельных регионах и даже городах, таких как Болонья. Он противопоставил «обыденную речь» «грамматике», которая набором установленных правил охраняет речь от порчи и образования вариантов. Его главной целью был выбор наилучшей версии итальянского для сочинения стихов, но одновременно он четко определил то, что мы называем романскими языками, доказал их общее происхождение и объяснил механизмы их изменения. При этом его знание языков Северной Европы было весьма ограниченным.

Следующим по времени был Джордж Бьюкенен (1582), чьи идеи мы уже обсуждали. Он выделил три группы языков:

- *Linguae latinae* (итальянский, французский — романские языки).
- *Linguae germanicae* (английский, немецкий, фризский — германские языки).
- *Linguae gallicae* (белгский, бриттский и кельтский — кельтские языки).



Он нигде не обсуждал критерии отбора и детально рассматривал только галльскую группу. В ее выделении он, очевидно, исходил главным образом из словаря.

Следующая классификация принадлежала Жозефу Скалигеру (1540—1609) и была опубликована посмертно в 1610 г. Я уже упоминал личные контакты между отцом и сыном Скалигерами и Джорджем Бьюкененом. Возможно, под влиянием последнего Скалигер предложил концепцию «материнского языка» (*matrices linguae*), по которой первоначальный язык порождает другие, как латынь породила итальянский, французский и испанский, что показывают слова *genep* (латынь), *genego* (итальянский), *uegno* (испанский) и *gendre* (французский). Он выделил в Европе 11 материнских групп, из которых четыре важнейших различались произношением слова «Бог»:

- *Deus* (латынь, итальянский, французский и др. — романские языки).
- *Theos* (греческий).
- *Godt* (немецкий, английский — германские языки).
- *Boge* (русский — славянские языки).

Остальные семь языков — это албанский, татарский, венгерский, финский (с лапландским), ирландский (с шотландско-гэльским), валлийский (с бретонским) и баскский. В отличие от Бьюкенена Скалигер не распознал сходства между ирландским и валлийским языками.

Наконец, следует упомянуть классификацию Готфрида Вильгельма фон Лейбница (1646—1716). Он развил мысль Скалигера о том, что еврейский не был материнским языком, и утверждал, что все материнские языки зародились во времена разрушения Вавилонской башни и были разнесены по миру потомками Ноя. Из этих «первоначальных языков» «яфетический», или «кельто-скифский», доминировал в Северной Европе, а «арамейский» — в Южной. Сходство между языками, например общность словарного запаса, объяснялось взаимным влиянием, когда один язык заимствовал слова из другого.

## Поль-Ив Пезрон (1639—1706)

Этот бретонский монах был, без сомнения, самой влиятельной фигурой в формировании современного представления о кельтах (его жизнеописание приводится в Pezron, 1809). Будучи аббатом монастыря Ля-Шармуа в Париже, он в 1703 г. опубликовал свой главный труд «L'Antiquité de la Nation et de la Langue Celtique» (Древности кельтского народа и языка). В 1706 г. Д. Джонс оперативно перевел его на английский и издал под названием «Древности народов, касающиеся кельтов или галлов, которые есть то же, что наши древние британцы». В теории он был близок к Лейбницу, но использовал также теорию Эвгемера, предполагавшего, что классическая мифология базируется на реальных событиях и за античными богами стоят реальные исторические деятели.

Отправной точкой рассуждений Перзрона — как мы теперь знаем, ложной — было мнение, что бретонский является последним остатком доримских языков Галлии. Поскольку Цезарь называл племена Арморики «кельтами», слово «бретонский» могло означать кельтский язык, о котором упоминали древние авторы. Далее он

предположил, что кельтский был одним из «первоначальных языков», на которых говорили во времена Вавилонской башни. Он заметил, что многие слова греческого, немецкого и латыни похожи на бретонские (список этих слов приведен в дополнениях к книге), и предположил, что в отдельные периоды кельты имели близкие контакты с носителями этих языков. По мнению Пезрона, принадлежность к народу определяется языком: греки — это те, кто говорит по-гречески, римляне — на латыни, немцы — на немецком, а кельты, таким образом — на кельтском.



13. Аббат Поль-Ив Пезрон  
(1809)



Его главной целью было проследить происхождение кельтских народов от времен Вавилонской башни. Как и многие современники, Пезрон выводил их от «гомеридов», которые стали киммерийцами, кимврами, а потом кельтами. Увиденное им сходство языка кельтов с греческим и латынью он истолковал как напоминание о временах, когда кельты властвовали над всеми остальными народами во время своего постоянного движения на запад. По его мнению, титаны греческих мифов были просто мифологической памятью о кельтских королях, а Сатурн и Нептун — кельтскими правителями Италии, вошедшими позднее в римский пантеон.

Нам эта историческая реконструкция может показаться фантастической, но современники Пезрона восприняли ее иначе; она вполне вписывалась в общее русло представлений о происхождении народов и языков, господствующих до конца XVIII столетия. Английский перевод оказал громадное влияние на Эдварда Ллойда и Генри Роуленса; Пезрон подметил сходство между валлийцами и бретонцами, из чего заключил, что древние британцы пришли на остров из Кельтской Галлии. Таким образом, валлийцы тоже были кельтами. Он не уделил никакого внимания ирландцам или шотландским гэлам, но валлийцы с тех пор были признаны кельтами, а их язык — кельтским.

### **Эдвард Ллойд (1660—1709)**

Валлиец Ллойд стал вторым куратором Эшмоловского музея в Оксфорде, преемником доктора Плата. Он также был другом натуралиста Джона Рэя, от которого заразился интересом к окаменелостям, растениям, языкам и классификации всего этого. Первоначально Ллойд воплотил свой интерес к древностям в подготовке дополненного издания «Британии» Кэмдена, изданного Эдмундом Гибсоном в 1695 г. Его вклад, в частности, заключался в том, что он выдвинул идею разослать образованным помещикам и духовным лицам всей страны вопросники для сбора информации о различных древностях и монументах. Вскоре он решил написать собственную книгу, «*Archaeologia Britannica*» (Британская археология), включающую разделы о древностях и древних языках. В дополнение к информации, собранной по переписке, он предпринял нема-





14. Портрет Эдварда Ллойда.  
Собственность Эшмоловского музея, Оксфорд

ло путешествий по Британии и Ирландии. В Ирландии он ненадолго попал в плен к разбойникам-тори, но его поездка в Бретань для встречи с аббатом Пезроном завершилась еще более плачевно. Он не только не смог встретиться с Пезроном или получить от него какой-либо ответ на свои письма, но и сразу по приезде был арестован как шпион и провел несколько дней в тюрьме Бреста, после чего был депортирован.

Из-за всех этих событий до своей безвременной смерти Ллойд успел издать только один из задуманных томов под названием «Глоссография». Он представляет собой сравнительное описание валлийского, ирландского, гэльского, корнского и бретонского языков с привлечением слов из греческого и латыни, далеко превосшедшее то, что делали Песрон и другие ранние авторы, наподобие Боксхорна (1654). Его «Глоссография» называлась «кельтской», но из предисловия было ясно, что он считал собственно кельтами только древнее население Галлии, и применение этого термина к жителям Британских островов было неоправданным новшеством Пезрона. В том же введении он впервые упомянул о серьезном различии в употреблении звуков «п» и «к» в валлийском и ирландско-гэльском языках. «Сын» по-валлийски звучит как (m)ар, а на ирландском и гэльском — как тас. В дальнейшем он решил, что это различие может быть хронологическим, поскольку

*Archæologia Britannica,*

GIVING SOME ACCOUNT

Additional to what has been hitherto Publish'd,

OF THE

LANGUAGES, HISTORIES and CUSTOMS

Of the Original Inhabitants

OF

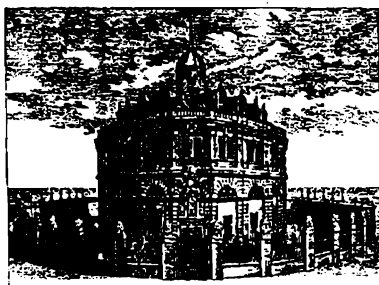
**GREAT BRITAIN:**

From Collections and Observations in Travels through  
*Wales, Cornwall, Bas-Bretagne, Ireland and Scotland.*

By EDWARD LHUYD M.A. of *Jesus College,*  
Keeper of the ASHMOLEAN MUSEUM in OXFORD.

V O L. I

GLOSSOGRAPHY.



O X F O R D,

Printed at the T H E A T E R for the Author, MDCCVII

And Sold by Mr. Wetman in *Patry-Nagler-Row, London*: and *John Pappat*  
Bookseller at *Dublin*.

**15. Фронтиспис «Кельтской глоссологии»  
Эдварда Ллойда (1707)**

новые поселенцы Британии оттеснили прежних к западу, как англосаксы сделали это с валлийцами в послеримские времена. «К-кельтов» он назвал гойделами, приписав им, подобно Бьюкенену, иберийское происхождение, в то время как «п-кельты», по его мнению, пришли из Галлии. О различии между «п-кельтами» и «к-кельтами» и его обосновании вспомнили в XIX столетии, когда было наконец осознано новаторское значение работы Ллойда.

Пара интересных выводов содержится и в его письмах. В августе 1698 г. он писал доктору Мартину Листеру, что главное различие между валлийским и ирландским заключается в том, что ирландский



произошел от греческого, а валлийский — от латыни; возможно, это отразило историю Брута и Гайтелоса. Брут еще фигурирует в издании «Британии» 1695 г., и Ллойд упоминает о прибытии Джона Толанда в Оксфорд для изучения вопроса о Бруте.

«Без сомнения, вы оказали мне исключительную любезность, ознакомив с вашей перепиской с мистером Пезроном; я до сих пор был незнаком с его трудами до такой степени, что даже не слышал его имени. Его замечание об общем происхождении греческого, римского и кельтского языков целиком согласуется с моими наблюдениями. Но я не стал бы заходить так далеко, чтобы считать кельтский язык одним из материнских, и думаю, что в этом вопросе он заблуждается или, во всяком случае, пользуется ненадежными аргументами. Ирландский язык появился одновременно с нашим и представляет собой диалект древней латыни, так же как язык бриттов — диалект греческого; но языки готов или тевтонов, хотя у них тоже просматривается сходство с нашим, должны рассматриваться отдельно. В скором времени я напишу ему и обеспокою рядом вопросов, касающихся его армориканских древностей».

*(Gunther, 1945, с. 400)*

В письме мистеру Джону Ллойд, датированном Михайловым днем 1703 г., он пишет о Песроне после получения экземпляра его книги:

«Некий аббат Пезрон, уроженец бриттской Арморики, опубликовал недавно «Древности кельтского народа и языка» (sic), где превзошел в национальной гордыне всех наших соотечественников. Он доказывает, что мы и они — единственные в мире народы, сохранившие язык Юпитера и Сатурна, которых он считает государями титанов и предками галлов, империя которых еще в дни Авраама простиралась от Евфрата до мыса Финистер».

*(Gunther, 1945, с. 489)*

В противовес Саймону Джеймсу (1999), который считает, что в этом заявлении отражается валлийский национализм Ллойда, я склонен придавать ему обратное значение — Ллойд проявляет себя образованным оксфордским ученым, для которого национальность значит очень мало, и относится к национализму скорее с иронией.



## Джеймс Парсонс (1705—1770)

В 1767 г. Парсонс опубликовал книгу «Потомки Яфета». Изучив ирландский и валлийский языки, он был поражен их близким сходством и исследовал их происхождение. Его главный вывод гласил, что на их языке говорили потомки Яфета, а именно Магог и Гомер, и он ввел термины «магоговский» для ирландского и «гомерийский» для валлийского. Он уделил большое внимание ирландской письменной традиции, отраженной в «Книге захватов» и других источниках, и считал ее унаследованной от первых обитателей Ирландии, независимой от Библии и классических трудов. Он обдумывал идею скифского или армянского происхождения европейских языков и отверг теории Бьюкенена, хотя, кажется, знал их только из вторых рук, в изложении Джереми Кольера. Он был сторонником подлинности макферсоновского «Оссиана». Еще он использовал «Британскую археологию» Ллойда, книгу Песрона и «Хронологию» сэра Исаака Ньютона.

По его мнению, в ирландских текстах проявляется консерватизм, которого лишены латынь и другие языки, раздробившиеся на множество языков и диалектов. Это заставляет считать ирландский и валлийский наиболее близкими к первоначальному языку Яфета, на котором говорили после Потопа и который отличался от языков Сима и Хама. Его новизна заключалась в сравнении ирландского и валлийского не только с латынью и греческим, но и с другими языками Европы (включая венгерский) и даже Азии. После детального обсуждения изменения слов (согласных, метатез и т.д.) он переходит к рассмотрению числительных и замечает, что, к примеру, персидский и бенгали имеют сходство с европейскими языками, а турецкий, еврейский, малайский и китайский совершенно отличаются от них. Он также предположил, что обе Америки были колонизированы с Камчатки, и их языки могут быть связаны с европейскими. Карибские языки, как он отмечает, совсем непохожи, но в некоторых языках Северной Америки отмечается сходство с европейскими в именах числительных, которое, правда, может быть случайным; все же он предположил возможность их общего с европейскими происхождения. Он обрисовал описанную в ирландских источниках колонизацию, начавшуюся в Скифии, пришедшую с пеласгами в Италию, а потом в Ирландию, как часть процесса



распространения единого языка во всей Европе, а возможно, и в Америке. По его мнению, пеласги говорили на языке, позже известном как кельтский.

## Индоевропейцы

Взгляды Пезрона и Ллойда дали первый толчок друидомании и кельтомании, которые охватили Британию и Францию в XVIII столетии. Томас Ллойд, кроме того, может быть назван отцом сравнительной лингвистики, хотя только столетие спустя его работа получила подлинное признание и стала источником сведений о языках, которые либо вымерли (как корнский), либо находились в угнетенном состоянии. Это признание исходило из признания того, что схожесть европейских языков проистекает не из воздействия «первоначальных» языков друг на друга, а из их общего происхождения.

Что символично, формирование новой парадигмы, признающей общие черты множества языков Европы и Западной Азии, было отмечено речью сэра Уильяма Джонса (1746—1796), прозвучавшей в лондонском Азиатском обществе и опубликованной через год после его смерти. Джонс уделял особое внимание санскриту, который он изучил в Индии и который уже давно изучался индийскими грамматиками. Он сравнил его с греческим и латынью, предположив сходство с ним также готского (древнегерманского), кельтского и, возможно, древнего персидского языков. Он высказал мнение, что родина этой группы языков находилась в Иране, и связал ее распространение с сыновьями Ноя. Сходные идеи были высказаны А. Йегером столетием ранее. В своей «De Lingua Vetusissima» (О древнейшем языке), опубликованной в 1686 г., он предположил, что персидский, греческий, готский, славянские, кельтские и романские языки произошли от первоначального древнего языка, позже исчезнувшего; как мы видим, примерно то же утверждал и Парсонс.

Тем не менее серьезные индоевропейские или индогерманские исследования начались лишь с развитием немецкой школы сравнительной лингвистики. Расмус Раск (1787—1832) доказал родство склонений и словесных форм, и это доказательство было развито вначале Францем Боппом (1791—1867), сравнившим конструкцию

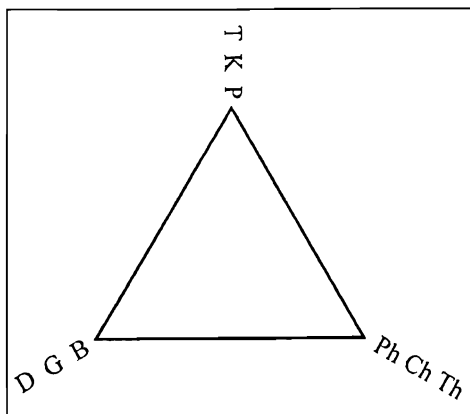


предложения в санскрите и других языках, а потом Якобом Гриммом (1785—1863), обосновавшим принцип «смещения звуков» (*Lauterverschiebung*) при переходе от одного языка к другому. Это особенно касалось лабиальных, зубных и горловых согласных. Так латинское *pater* превратилось в английское *father* и немецкое *vater*; латинское *tres* стало немецким *drei* и английским *three*, а греческое *phegos* — английским *beech*.

Первая книга о кельтских языках была, однако, написана валлийцем — Джоном Коулсом Причардом (1781—1848), чья работа в области физической антропологии будет рассмотрена в следующей главе. Он решил, что язык является лучшим показателем происхождения расовых групп и, хорошо зная валлийский, применил к нему принципы Якоба Гримма (его книга, вышедшая в 1831 г., была посвящена Гримму). Из его работы становилось ясно, что валлийский принадлежит к индоевропейской группе (до этого исследователи-индогерманисты игнорировали кельтские языки), из чего Причард заключил, что кельтские языки и сами кельты зародились в Центральной или Восточной Европе, откуда позже двинулись на запад. В 1837 г. Бопп издал собственное исследование о кельтских языках, изучив их грамматическую структуру. Эта работа достигла кульминации в сравнительном исследовании кельтских языков, выпущенном в 1853 г. Й.К. Цейсом и древнекельтском глоссарии Альфреда Холдера (1896—1907).

Изучение индоевропейских языков имело целью ответить на вопрос, как и почему большие группы языков, распространенных от Ирландии до Индостана, оказались связаны друг с другом. Главную теорию изложил Август Шлейхер (1821—1864) в своем «Компендиуме сравнительной грамматики индоевропейских языков», опубликованном в 1861 г., и особенно в посмертно изданной в 1886 г. книге «Теория Дарвина и лингвистика». Он основывался на скалигеровской концепции «материнского языка», предполагая, что языки связаны друг с другом подобием генеалогического древа. Когда народ, говорящий на языке, становится чересчур велик или когда часть его мигрирует, из одного первоначального языка возникают два сходных. Таким образом, он предложил трехуровневое деление индоевропейских языков:

Ursprache (первозык) → Grundsprache (праязык) → Sprache (язык)

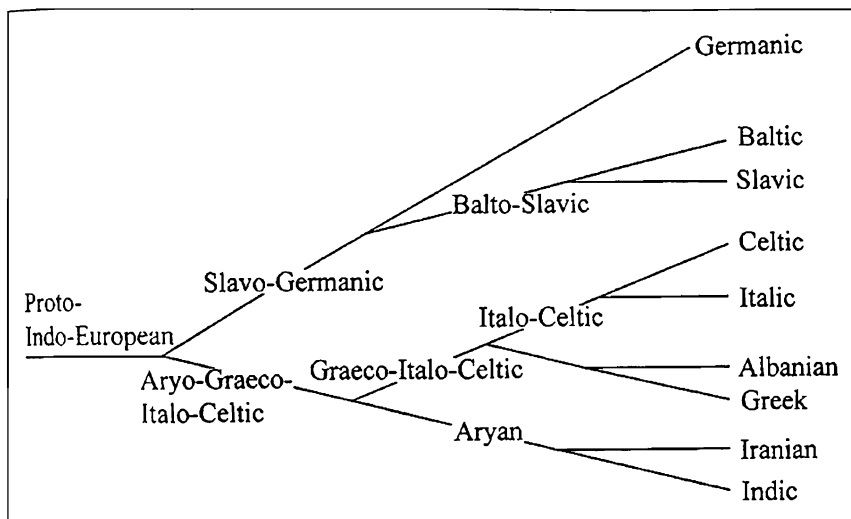


### 16. Смещение звуков (Lauterverschiebung) согласно теории Гримма

Получившаяся концепция напоминала дерево (по-немецки она так и называлась *Stammbaumtheorie*, то есть «теория древесного ствола»); по ней первоначальный индоевропейский язык был стволом дерева, языковые группы образовывали ветви (славянская, балтская, германская, романская, кельтская и т.д.), а отдельные языки — сучья.

Это обеспечивало также хронологическую структуру, поскольку латынь очевидным образом предшествовала своим потомкам — итальянскому, французскому, провансальскому, каталанскому, кастильскому, португальскому, румынскому, ретороманскому. В данном случае можно было судить о происхождении, если материнский язык был известен, но если он не сохранился, как это было с кельтским, его можно было реконструировать по материалам языков-потомков — например по систематическому смещению согласных и изменению грамматики.

Теория Шлейхера на деле была всего лишь систематизацией взглядов предыдущих авторов, начиная с Раска. Однако она давала возможность создать гипотетическую реконструкцию первоначального «индоевропейского» языка путем изучения фонетики и грамматики происходящих от него языков, а также изучение взаимосвязи этих языков. Это, в свою очередь, позволило выделить область образования этих языков (а именно ту, где обитали животные и растения, имеющие общие названия в языках-потомках) и



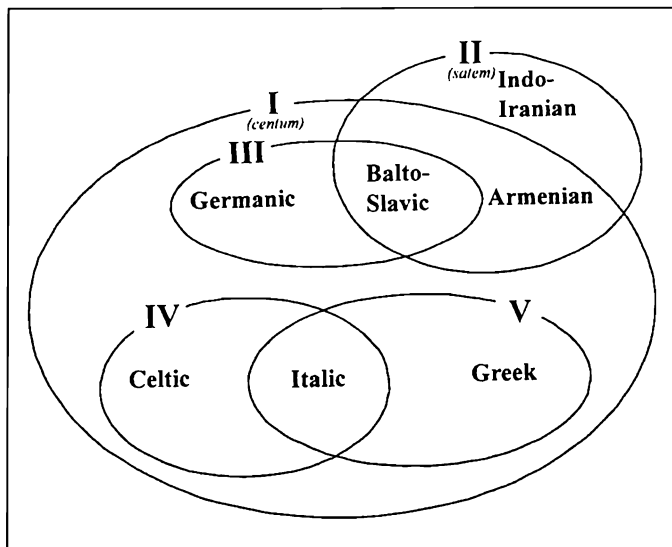
**17. «Древовидная» модель связей  
между индоевропейскими языками.**

**Надписи на схеме: протоиндоевропейский, славяно-германские, арийско-греко-итало-кельтские, балто-славянские, германские, балтские, славянские, греко-итало-кельтские, арийские, итало-кельтские, кельтские, итальянские, албанский, греческий, иранские, индийские**

облегчило археологическую датировку различных процессов. Например, слово «медь» в индоевропейских языках имеет общий корень, а «железо» — нет; значит, разделение индоевропейцев на отдельные ветви произошло до начала железного века. Раск считал областью происхождения индоевропейцев Фракию, Джонс — Персию, но более поздние исследования указали на область к северу от Черного моря.

Альтернативная, но не совсем отличная языковая теория была предложена Иоганнесом Шмидтом (1843—1901) в книге, опубликованной в 1872 г. «Волновая» теория предположила, что языковые изменения возникают в одном языке и распространяются вокруг него, как волны, вызванные камешком, брошенным в пруд. Важность этой теории заключалась в том, что изменения происходят не в одном направлении, а исходят из разных точек, накладываясь друг на друга и образуя комплексную разнонаправленную матрицу. Это





**18. «Волновая» модель связей  
между индоевропейскими языками.**

**Надписи на схеме:**

- 1. Centum. 2. Satem. Индо-иранские.**
- Армянский. 3. Германские. Балто-славянские.**
- 4. Кельтские. Италийские. 5. Греческий**

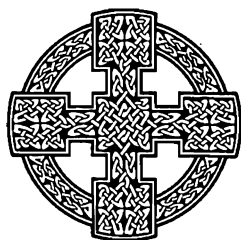
соответствует реальному многообразию языков и диалектов гораздо лучше, чем стройная Stammbaumtheorie, но не объясняет, почему индоевропейские (и любые другие) языки появились в той или иной области. У Пезрона и других авторов мы видим, как наука XVIII и XIX вв. связывала язык и расу. Распространение языков она отождествляла с передвижением народов, даже если предшествующее население не исчезало, а ассимилировалось. С обращением этой концепции в прошлое стало возможным говорить об «индоевропейцах» как о расовой группе, говорившей на реконструированном индоевропейском языке и имеющей определенную социальную структуру.

Таким образом, языковая теория начала отходить от Вавилонской башни и библейской парадигмы, которая доминировала в XVII и XVIII столетиях. Хотя еще велись споры о том, был ли утраченный «индоевропейский» одним из «первоначальных» языков,



распространение индоевропейских языков больше не увязывалось с теорией «сыновей Ноя», а области их происхождения не совпадали с отмеченными в библейских текстах. Язык оказался связанным с расой, поэтому в следующей главе мы рассмотрим концепции расы, известные в XVIII—XIX вв.





## 4. РАСА И ВРЕМЯ

Мы еще не обсуждали два важных направления развития Европы в XVII и XVIII столетиях: рост национальных государств и влияние путешествий и географических открытий. Значению национального государства будет посвящена следующая глава, здесь же следует отметить, что понимание происхождения народов, создавших государство, было важной частью государственного «мифа происхождения». Труды ученых на эту тему получили большое развитие в XIX и начале XX в., причем им придавалось отчетливое политическое значение. Освоение европейцами мира продемонстрировало им великое разнообразие человеческих культур, разницу в социальной организации, технологии, поведении и особенно существенное различие физических характеристик, таких как цвет кожи, волосы и рост. Откуда взялись все эти различия?

В XVIII столетии внутри библейской парадигмы возникли две главных теории. Сторонники моногенеза буквально восприняли библейский рассказ о сотворении человека в единственном числе и считали все человечество происходящим из единого корня. Разный уровень технического и социального развития они объясняли или более развитым умом тех групп, что превысили первоначальный общий стандарт времен творения, или материальной и духовной дегенерацией отдельных групп из-за неблагоприятных природных условий. В век Просвещения более «умные» группы обычно уравнивались с белыми европейцами, что вело прямоком к концепции господствующей расы, которой могли быть евреи, римляне, немцы или англичане. Альтернативная точка зрения «полигенетиков» объясняла разницу множеством центров творения<sup>1</sup> — эту идею защищал французский антрополог Ламарк. Этот подход, однако, не отрицал расового превосходства, поскольку европейцев обычно считали последним и наиболее совершенным творением.

## Джон Коулс Причард (1781—1848)

Причарда считают основателем современной физической антропологии, и его теории являются подходящим отправным пунктом для рассмотрения развития расовой теории в XIX столетии. Врач по профессии, Причард работал в Бристоле. Немало сделав для медицины, он имел широкий круг интересов, включающий лингвистику и археологию. У него были обширные международные контакты; как уже упоминалось, его книга о кельтских языках была посвящена Якобу Гримму, а французский историк Амедей Тьерри упоминает о своей переписке с Причардом в предисловии к третьему изданию «Истории галлов». Его книги — «Исследования физической истории человечества» (1813) и «Естественная история человека» (1843—1873) — обсуждают проблемы разнообразия человеческой внешности и сводят воедино множество физических типов со всего мира. Главной проблемой для этого признанного сторонника моногенезиса было объяснить, как такое многообразие могло появиться в столь краткий промежуток времени — 6000 лет со времен творения и 4000 лет после Всемирного потопа. Он объяснял это влиянием среды, к которой очень быстро приспособлялись отдельные группы людей: черная кожа в жарких странах, белая — в холодных. Во многом это было предвестием дарвиновской теории эволюции и выживания наиболее приспособленных. Но Причард не смог сформулировать суть механизма подобных изменений, особенно в пределах той узкой временной шкалы, с которой он имел дело. Сперва он предположил чрезвычайно быструю мутацию в новых природных услови-



19. Портрет  
Джона Коулса Причарда.  
Собственность Бодлеянской  
библиотеки, Оксфорд



ях; выходило, что белые люди, перебравшиеся в жаркие страны, уже через одно-два столетия станут черными.

Это порождало два новых вопроса. Во-первых, как определить происхождение людей, сходных по физическому облику. По языку — отвечал он, что объясняло его экскурс в кельтскую лингвистику, опубликованный в 1831 г. Он считал, что валлийцы, ирландцы и шотландцы, будучи кельтами, немного отличаются друг от друга, в чем он видел подтверждение своей теории. Другой его проблемой была хронология; как недавно указывал Майк Морс (1999), в то время проблемы хронологии больше занимали не историков, а именно физических антропологов. Причард, например, был одним из первых, кто опубликовал по-английски «Систему трех эпох» Томсена. В конце жизни он начал понимать, что библейская хронология несостоятельна, и пришел к выводу, что в генеалогиях Библии пропущены многие поколения людей.

## Краниология

Лингвист Расмус Раск (1787—1832) в начале XIX столетия уже предположил, что индоевропейские языки появились на западе Европы довольно поздно и что там жило население, говорившее на иных, неиндоевропейских языках. К таким языкам он причислил финский, а другие исследователи добавили к списку баскский. Как мы видели, язык и расу часто уравнивали, и таким образом, те, кто говорил на неиндоевропейских языках, должны были отличаться от индоевропейцев по физическим характеристикам — предположение, с которым спорил Причард. Сторонники такого подхода считали главным отличительным признаком череп.

Первоначально теория краниологии получила наибольшее развитие в Скандинавии. Даниэль Эшрихт (1798—1863), Свен Нильсен (1787—1883) и Андерс Ретциус (1796—1860) выявили физические различия между населением региона в неолите и бронзовом веке. (все они были сторонниками теории «трех веков»). Этот подход быстро перенял ирландец Уильям Уайльд, отец Оскара (1815—1876), который в своей книге «Красоты Бойна и притоков Блэкуо-



тера» (1849) пытался провести границу между двумя группами, упоминаемыми в «Книге захватов» — докельтскими Фир Болг (потомками Магога) и кельтскими Туата Де Дананн (потомками Гомера), прибывшими, по его мнению, на остров в бронзовом веке. В Британии такие археологи, как, например, Томас Бэйтмен, начали собирать и изучать черепа, найденные при раскопках курганов. Главные английские приверженцы этого метода, Джон Тарнэм и Джо-зеф Барнард Дэвис, начали публиковать детальные изображения и обмеры черепов в своем вестнике «Crania Britannica» (Британские черепа) и первыми установили разницу между «долихоцефальными» (длинноголовыми) черепами неолитического населения и «брахикефальным» (короткоголовым) населением бронзового века. Таким образом, длинные черепа были найдены в длинных курганах, а круглые — в круглых. Это сочли признаком смены населения островов в бронзовом веке, и для многих археологов XIX столетия эта смена была связана с прибытием кельтов. Эту идею четко выразил Брока:

«Благодаря знаменательному и быстрому развитию современной археологии, мы стоим на твердой научной почве, когда утверждаем, что памятники, которые двести лет назад считали кельтскими, на самом деле относятся к двум периодам: каменному и бронзовому векам. В последнем уже встречаются железные предметы. Сравнительные исследования... показывают, что первые обитатели Европы относятся к каменному веку, в то время как бронзу сюда принесли более цивилизованные народы, возможно, азиатского происхождения... Кельтский период начинается с бронзового века; каменный век является докельтским... Суммируя сказанное, исторических кельтов можно считать конфедерацией народов Центральной Галлии. Лингвистические кельты — это народы, говорившие и до сих пор говорящие на так называемых кельтских языках. Археологические кельты — народы, принесшие в Европу бронзовый век. Наконец, краниологические кельты — это те, кто, согласно Ретциусу, внес долихокефалию в брахикефальную Европу. По Турману, напротив, они были теми, кто принес брахикефалию долихокефальному коренному населению Британии».

*(Broca 1864 г., в издании Schiller .1979, с. 145—146)*



## Падение оков хронологии

Со времен разработки епископом Ушером его библейской хронологии во многих изданиях Библии рядом с текстом появились даты, с которыми все ученые были вынуждены согласовывать свои выводы. Мы уже видели, что для таких физических антропологов, как Причард, это создавало множество проблем. Еще больше проблем было у геологов, вынужденных увязывать библейскую шкалу с наличием множества осадочных слоев и погребенных в них останков животных и растений. Это вызвало к жизни теории множественных творений, уничтоженных потопами. В 1835 г. Чарльз Лайел в своей книге «Принципы геологии» выдвинул теорию «униформитаризма», предположив, что в прошлом породы создавались так же, как и сейчас: вулканические породы — извержениями, гравий — реками, песок — морем и ветром. Эти процессы совершаются медленно и, значит, нуждаются в более долгой хронологии.

Хотя в геологических слоях уже давно находили орудия людей и их останки наподобие «красной леди из Пэвиленда» рядом с останками древних животных только в 1859 г. Роберт Прествич и сэр Джон Эванс собрали во Франции и Британии доказательства того, что человечество гораздо древнее, чем допускают библейские даты. Их выставка совпала с публикацией «Происхождения видов» Чарльза Дарвина, и хотя сам Дарвин лишь мельком упомянул в конце книги ее возможную связь с происхождением человека, такие его ученики, как Томас Гексли, быстро отыскали эту связь. Влияние теории Дарвина на науку было колоссальным, и ее применяли, как мы уже знаем, не только натуралисты, но и лингвисты, объясняющие связи между языками, антропологи, изучающие развитие общества, и археологи, работавшие над классификацией и изучением артефактов. Всем этим группам ученых падение хронологических преград принесло большую свободу в объяснении долговременных изменений.

## Источники и их критика

Прежде чем рассмотреть, как эти идеи отразились на кельтологии и особенно на кельтской археологии, нужно сказать несколь-



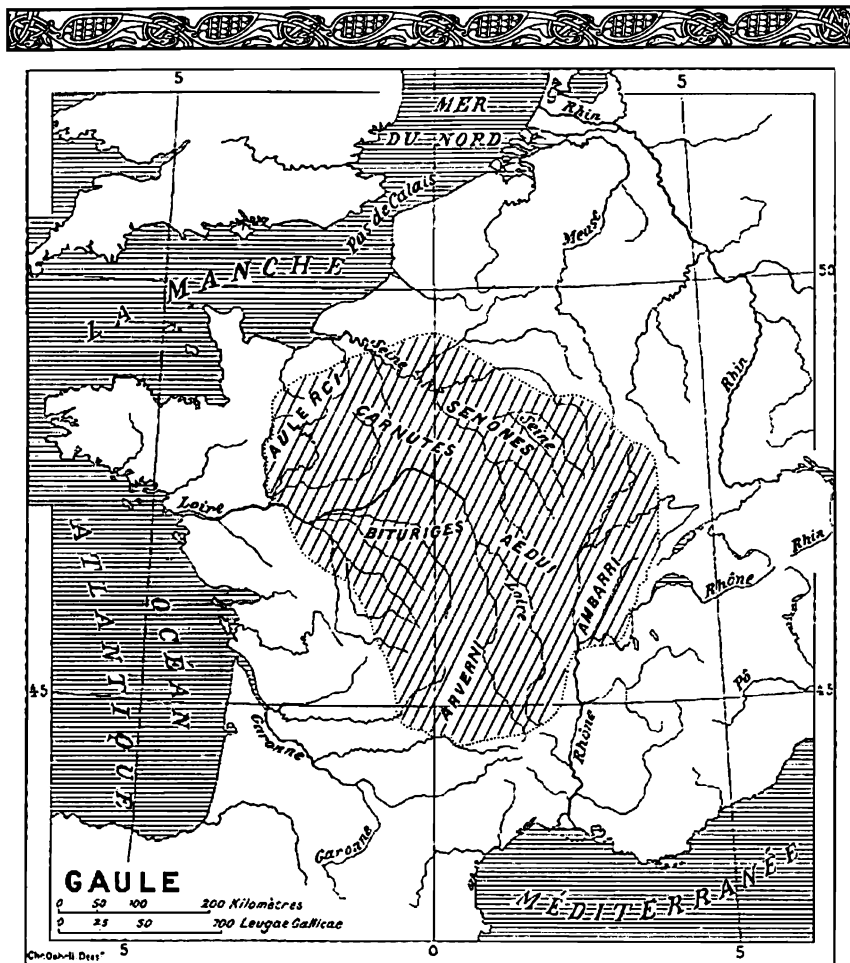
ко слов о процессе издания древних текстов и их критическом анализе. Эта работа была начата еще в XVI столетии такими учеными, как не раз уже упомянутый Жозеф Скалигер, а в XIX в. появились целые серии изданий, где приводились и сравнивались не только разночтения разных манускриптов, но и делались попытки восстановить тексты, испорченные при переписке. Эти тексты стали стандартной основой для всех систем обучения в Западной и Центральной Европе, во всяком случае, для высших и средних классов, и эта традиция отмерла только в середине XX в. Таким образом, от всех образованных людей ждали знания латыни и по крайней мере основ греческого, что позволило многим получить представления о кельтах и германцах из работ Цезаря и Тацита. Идеи греческой философии и искусства, римской администрации и права были усвоены строителями новейших империй вместе с высокомерным третинованием покоренного населения как грубого, отсталого, нецивилизованного и неспособного к изменениям без вмешательства европейских «цивилизаторов». Все эти подходы отражались в археологических теориях и их терминологии.

Такие ранние историки, как Бьюкенен, в основном принимали на веру утверждения античных авторов, но в XIX в. тенденциозность последних стала очевидной, и критический подход был распространен на древние тексты. Проявлением этого, особенно интересующим нас, стали разные версии вторжений галлов в Северную Италию. Главными источниками на этот счет являются Полибий, писавший в конце II в. до н.э., и Ливий, писавший в конце I в. до н.э. — почти через триста лет после осады Рима в 290 или 287 гг. Ливий датирует вторжение временем около 600 г. до н.э., связывая его с царствованием Тарквиния Прииска, а также с основанием Массалии фокейцами. Как указал в 1835 г. Нибур, существует значительное несоответствие между этими датами и данными Полибия, который помещает указанное событие двумя столетиями позже.

## **Амедей Тьерри**

Воздействие лингвистических, расовых и хронологических теорий на кельтскую проблему может быть проиллюстрировано мне-





**20. Концепция Тьерри относительно происхождения кельтских народностей, вторгшихся в Италию.**

**Надписи на карте: Ла-Манш, Па-де-Кале, Северное море, Атлантический океан, Сена, Рейн, Маас, Рона, Луара, Гаронна, Средиземное море, авлерки, карнuty, сеноны, битуриги, эдуи, арверны, амбариги**

ниями по этому вопросу трех ведущих французских историков XIX в. Кельты или галлы были главным элементом мифологии французского государства, как будет показано в главе 9, поэтому изучение «nos ancetres les Gaulois» (наших предков галлов) привлекало большое внимание. Основной исторической работой стала



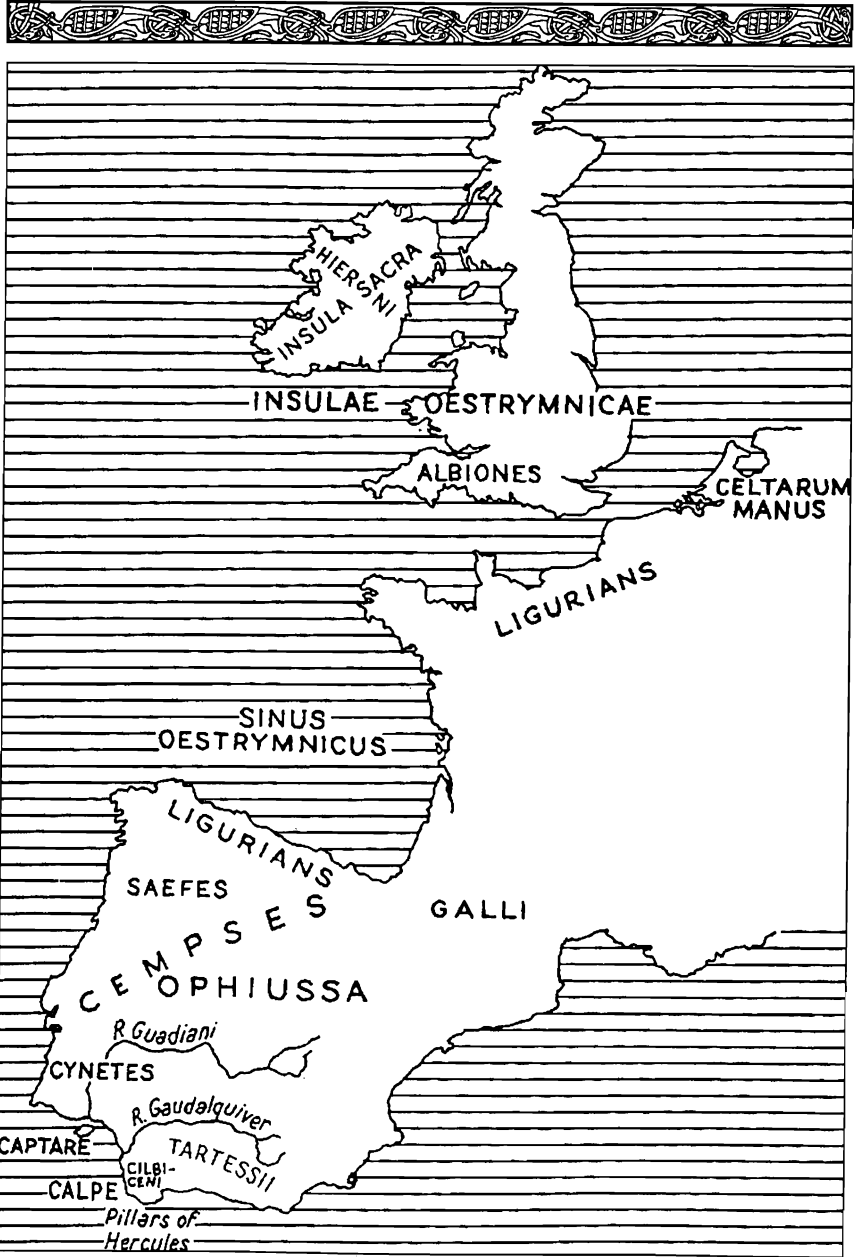
«История галлов» Амедея Тьерри, впервые опубликованная в 1827 г. и выдержавшая с тех пор четыре издания. Хотя Тьерри был знаком с индоевропейской концепцией и, как упоминалось выше, состоял в переписке с Причардом, он уделял мало внимания свидетельствам лингвистики и рассматривал кельтов как коренное население где-то со второго тысячелетия до нашей эры с учетом краткой библейской хронологии. Не использовал он и данных археологии, указав лишь в издании 1857 г., что древние галлы использовали каменные топоры и кремневые наконечники стрел.

Его главными источниками по вопросу размещения кельтских племен были Цезарь и Страбон, и он предположил, что эти племена во время вторжения в Италию (отнесенного им, по Ливию, к 600 г. до н.э.) жили там же, где и во времена Цезаря в первом столетии до нашей эры. Он не выдвигал гипотез относительно времени появления галлов, считая их первоначальными обитателями Франции, прибывшими откуда-то с востока вместе с иберами, к которым он причислял лигуров и аквитанов. Тем не менее он предложил для этой колонизации чрезвычайно раннюю дату (2000—1800 гг. до н.э.), утверждая, что кельты вторглись в Испанию в XVII или XVI столетиях до н.э., а их первое вторжение в Италию произошло около 1400 г. до н.э. и было представлено умбрами, которых он на основе утверждения Антония Гнифа считал скорее кельтами, чем италиками. Появление кельтов в Британии он связывал с гэльскими племенами Ирландии и Шотландии.

Точно так же на основе слов Цезаря о происхождении белгов и отождествления армориков с белгами, сделанного Страбоном, он предположил, что поздняя волна галльского расселения была связана с киммерийцами-кимврами. Их он считал теми же галлами, которые включали в себя белгов, армориков и два южных галльских племени — вольков-тектосагов и вольков-арекомиев, причем названия «вольки» и «белги» Тьерри считал синонимами.

### **Анри д'Арбуа де Жюбенвилль (1827—1910)**

Д'Арбуа де Жюбенвилль — один из основоположников современного подхода к изучению кельтов благодаря использованию им



21. Географическая реконструкция «Перипла Гимилькона»  
(по данным Динана, 1911)



данных археологии — например отождествлению латенского искусства и культуры с миграцией кельтов. Его взгляды сильно противоречили теориям Тьерри, поскольку он считал кельтов поздними пришельцами на западе и больше доверял Геродоту и Полибию, чем Цезарю и Страбону.

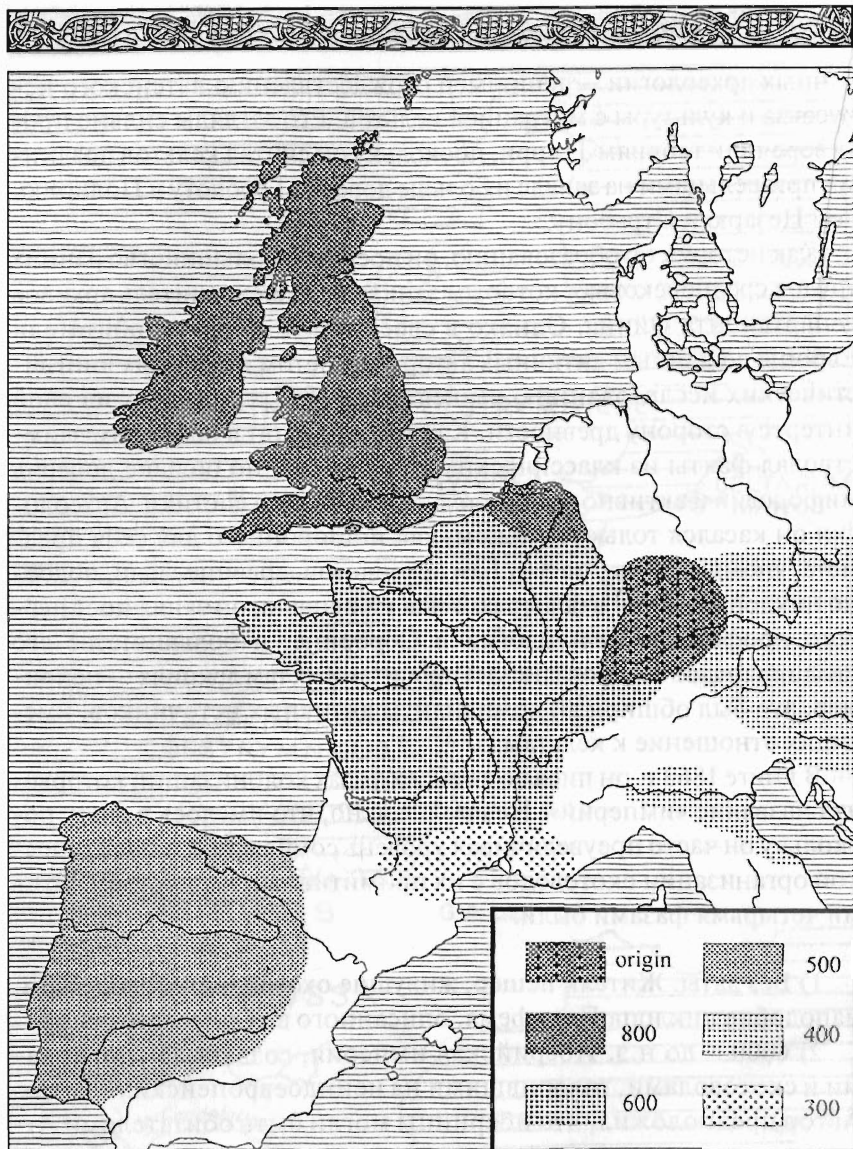
Как историк по образованию, он посвятил большинство ранних трудов средневековью, которым занимался как хранитель архивов департамента Ойнна. Однако в своей книге «Первые обитатели Европы по данным античных авторов с учетом новейших лингвистических исследований», вышедшей в 1877 г., он сместил свой интерес в сторону древности. Как и Тьерри, он в основном заимствовал факты из классических источников, но больше доверял мифологии и активно использовал выводы лингвистики. Археологии он касался только мельком, как постороннего для себя предмета, упомянув, что, по данным археологов, древние люди, подобно циклопам, жили в пещерах. Уйдя на пенсию, он занял пост первого профессора кельтологии в Сорбонне, и большинство его поздних трудов базировались на прочитанных там лекциях — например, это был обширный компендиум античных источников, имеющих отношение к кельтам.

В книге 1863 г. он писал о четырех фазах колонизации, которым дал название «империй». Не вполне ясно, что имелось в виду, поскольку он часто преувеличивал уровень социальной и политической организации скотоводов с их примитивным хозяйством. Этими четырьмя фазами были:

1) Без даты. Жители пещер, живущие охотой и скотоводством, наподобие циклопа Полифема, описанного в «Одиссее».

2) 6000 г. до н.э. Иберийская империя, созданная охотниками и скотоводами, говорившими на неиндоевропейских языках. Автор предположил, что иберийцы могли быть обитателями Атлантиды, вынужденными колонизировать новые земли, когда их страна затонула. Согласно Плинию, он датирует это событие 6000 г.

3) 1500 г. до н.э. Лигурийская империя. Он предположил, что лигуры были первыми индоевропейцами, прибывшими с востока. Они принесли с собой земледелие и в значительной степени вытеснили иберов.



22. Реконструкция теории д'Арбуа де Жюбенвилля о происхождении и расселении кельтов



4) 500 г. до н.э. Кельтская империя. Кельты представляют вторую волну индоевропейцев, прибывших с востока.

Ранние «империи» д'Арбуа де Жюбенвилля могут быть отвергнуты как фантастические образования, хотя в отличие от Тьерри он признает присутствие неиндоевропейцев, отраженное в названиях таких рек, как Секвана (Сена). Причины его уверенности в позднем появлении кельтов, отраженные в трудах 1903 и 1904 гг., требуют более подробного рассмотрения. Во-первых, к тому времени появились свидетельства восточного происхождения индоевропейских языков и их относительно позднего появления на западе Европы. Во-вторых, он, как ему казалось, обнаружил свидетельства смены населения в исторических документах, касающихся юга Франции, запада Испании и бассейна Северного моря.

Относительно юга Франции и атлантического побережья его главным источником наличия докельтского населения стали различные периплы — инструкции для мореплавателей античных времен. «Перипл Гимилькона», датированный временем около 500 г. до н.э., упоминает кельтов только где-то на атлантическом побережье и в Британии, а испанским племенам дает не те названия, что встречаются позже. Однако во времена Геродота, около 440 г. до н.э., кельты уже обитали на атлантическом побережье по соседству с кинетами, жившими, вероятно, в Иберии. «Массалиотский перипл» (или «Перипл Скилака» по Авиену) также упоминает, что река Рона образует границу между иберами и лигурами, но когда Ганнибал и Гамилькар в конце III в. до н.э. пересекли Пиренеи, на юге Франции жили только кельтские племена. На этом основании д'Арбуа де Жюбенвилль предположил, что этот регион был завоеван кельтами около 300 г. до н.э.

Авиен упоминает в Испании, рядом с Тартессом, «Лигурийскую топь», в чем д'Арбуа де Жюбенвилль видит свидетельство присутствия лигуров на Иберийском полуострове; тот же Авиен помещает их на севере, рядом с Сефесом и Кемпсесом. Он же, цитируя Гимилькона, пишет, что лигуры покинули местность на севере Галлии (д'Арбуа де Жюбенвилль считает, что это Нидерланды) из-за наступления моря. Это доказывает широкое в прошлом распространение в Западной Европе лигуров, позже замененных кельтами. Относительно восточного происхождения кельтов он упоминает слова Геродота о Дунае, текущем из земель кельтов (то есть из



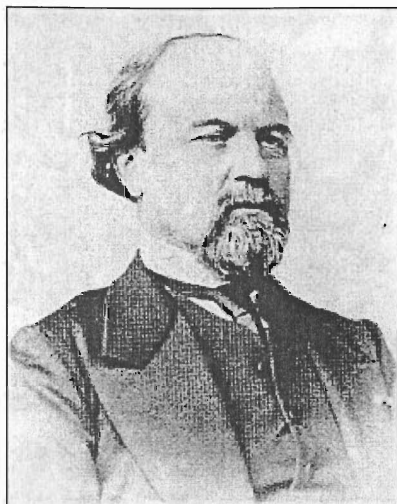
Южной Германии), и утверждение Полибия, что кельты вторглись в Северную Италию с другой стороны Альп, то есть с севера. Д'Арбуа де Жюбенвилль считает, что кельты-галлы пришли из-за Рейна, где в отличие от Франции не обнаружены докельтские названия рек. Он допускает также раннее заселение ими Нижнего Рейна (по свидетельству Гимилькона) и Британских островов, поскольку кельтское слово «касситерос» было упомянуто Гомером, а их появление в Испании датирует 450 г. до н.э. Колонизация ими юга Франции завершилась только в третьем столетии до н.э. с прибытием вольков. Он отверг идею Бертрана о различии между кельтами и галлами — соглашаясь с тем, что термины «галлы» и «гала-ты» не появляются в источниках ранее III столетия до н.э., он доказал, что большинство авторов использует эти термины как синонимы.

### **Александр Бертран (1820—1902)**

Бертран был директором Музея национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Лэ, археологом по основной специальности. В двух книгах, одна из которых написана совместно с Соломоном Рейнаком, он попытался совместить исторические и археологические свидетельства, опираясь на новые методы датирования находок (см. следующую главу). Следуя д'Арбуа де Жюбенвиллю, он искал прародину кельтов и галлов к востоку от Рейна. Игнорируя эпоху палеолита, Бертран писал о трех главных периодах заселения Франции. Первый, не имеющий этнического имени, связан со строителями мегалитов каменного века. Вторыми пришли кельты, принесшие технологии бронзового века — по данным краниологии, это случилось между 2000 и 1500 гг. до н.э. По его утверждению, в бронзовом веке кельты появились и в Британии, поскольку Гомер упоминает кельтское слово «касситерос» (олово), происходящее от островов Касситерид, которые, по мнению Бертрана, находились в Британии. В этом он следует д'Арбуа де Жюбенвиллю и Динану. Наконец явились галлы, принесшие технологии железного века и связанные с полями погребений в Шампани (мы уже упоминали, что д'Арбуа де Жюбенвилль отвергал отличие кельтов

от галлов). В совместной с Рейнаком книге он описал галльштатские погребения в Северной Италии и Южной Германии как кельтские. Как и д'Арбуа де Жюбенвилль, Бертран признавал северное происхождение галлов, вторгшихся в Италию через Альпы, и принимал позднюю дату этого события — около 400 г. до н.э.

В более ранней книге (1876) он отмечал чересполосное размещение различных археологических культур. При этом мегалитические гробницы в основном концентрировались вдоль атлантического побережья, а погребения с железными орудиями были обычными на востоке и севере Франции. Это он объяснял тем, что каждая волна пришельцев не уничтожала предшествующее население — например галлы образовывали изолированные колонии внутри кельтского населения бронзового века. Он предположил, что строители мегалитов с запада Франции дожили до железного века. Интересно, что в 1923 г. раскопки «аллеи менгиров» в Трессе доказали, что она построена в железном веке с использованием инструментов той эпохи (Collum, 1935).

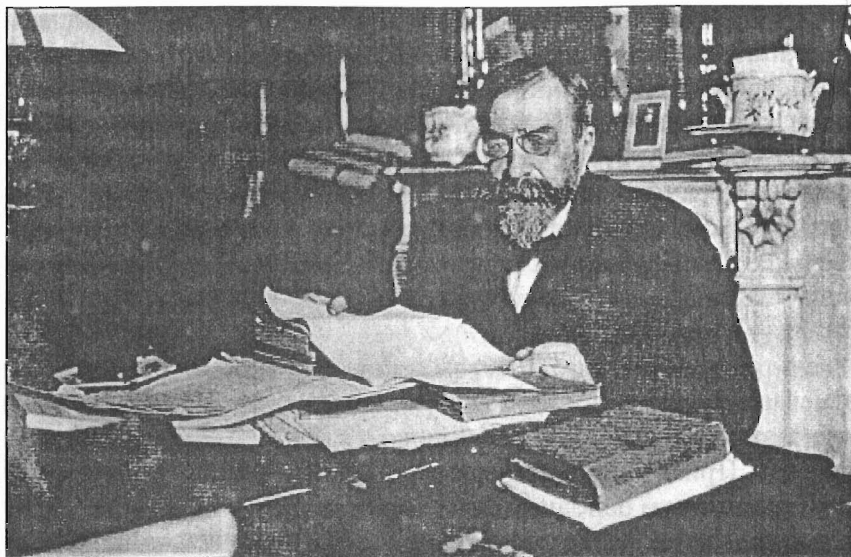


**23. Александр Бертран.**  
Публикуется с разрешения  
профессора Дерекы Роу

### **Камиль Жюллиан (1859—1933)**

Продолжением «Истории галлов» Тьерри стал монументальный труд Камиля Жюллиана «История Галлии», вышедший серией из восьми томов с 1907 по 1926 г. и завершённый учеником Жюллиана Альбертом Гренье. Хотя его идеи были раскритикованы д'Арбуа де Жюбенвиллем, они заложили основу представления широкой публики о кельтах на протяжении всего XX столетия, причем не только во Франции. Только сейчас они подвергаются пересмотру

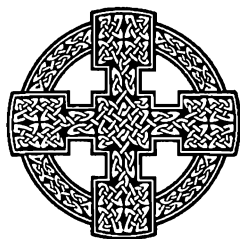




**24. Камиль Жюллиан. Публикуется с разрешения  
Музея национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ**

под воздействием археологических находок последних десятилетий.

Как мы увидим дальше, взгляды д'Арбуа де Жюбенвилля и Бертрана во многом повлияли на Жозефа Дешелетта, когда он сводил обширный археологический материал в свое «Руководство по археологии». Некоторые идеи этих авторов до сих пор находят отклик в общественном мнении. В центре Франции еще можно купить открытки с изображением круглых каменных хижин со ступенчатыми крышами, названных жилищами древних лигуров, хотя на самом деле это пастушьи постройки XVII—XIX столетий. Отличие кельтов от галлов также дожило до наших дней в трудах ряда французских археологов. Мой коллега Робер Перишон еще в 1980-х гг. доказывал мне, что отсутствие латенских находок на плато Центрального массива объясняется тем, что их населяли кельты («пастухи предгорий»), в то время как плодородные низины были захвачены пришельцами-галлами.



## 5. ИСКУССТВО И АРХЕОЛОГИЯ

Прежде чем рассмотреть главные достижения археологии в XIX в., я должен сказать несколько слов о развитии идей происхождения британцев в предшествующий период. Такие авторы, как, например, Кэмден, говоря о доисторических обитателях Британии, обычно использовали термин «древние бритты». С начала XVIII столетия термин «кельты» стал более употребительным, и к концу века уже считалось общепризнанным, что древними обитателями Британских островов были кельты, от которых произошли шотландцы, ирландцы и валлийцы. Саймон Джеймс предположил, что слово «кельтский» в смысле «иной, отличный от английского» стало активно употребляться валлийцами и шотландцами после унии 1707 г. Хотя эта «инакость», без сомнения, существовала, ее не следует переоценивать; восстания 1715 и 1745 гг. в Шотландии были вызваны не стремлением к независимости, а борьбой за английский трон. Как уже говорилось, я не вижу у Эдварда Ллойда никаких признаков валлийского национализма. Сложность данной проблемы нельзя сводить к простым выводам некоторых современных историков, которые пишут «кельтский» там, где их источники употребляют слова «английский», «ирландский» или «гэльский». Как и в случае с античными авторами, нужно отложить новейшие предрассудки и непредвзято взглянуть на то, какие термины и почему употребляются в тех или иных текстах. Я вижу здесь воздействие целого ряда процессов.

Первым было влияние Джона Толанда. Бегло говоря по-ирландски, он заинтересовал как Ллойда, так и Лейбница языком и древней литературой Ирландии. Его памфлет «Христианство без тайн», опубликованный в 1696 г., внедрил концепцию деизма, связанную с приматом научного знания над слепой верой, отвергавшую мифы и фальсификации — впоследствии она породила радикальные по-



литические теории Томаса Пейна и Роберта Оуэна. Хотя он утверждал, что изгнание иррациональности из христианства лишь сделает его сильнее, его взгляды вызвали гнев в верхах общества. Чтобы защитить себя, он обратился к «природной религии», что привело его к пифагорейству, которое античные авторы вроде Диодора Сицилийского связывали с друидизмом. Он решил написать книгу о друидах и, хотя она так никогда и не вышла, в попытке найти денег на издание Толанд изложил свои взгляды в ряде писем, включая три письма виконту Молсворту, написанных в 1719 г. и опубликованных в книге последнего «История друидов» (1746). Оппонентом деизма был антикварий Уильям Стакли, полный благочестия и в 1730 г. заявивший, что при изучении Эйвбери его «главной целью была борьба со спекуляциями деистов вокруг этого белого пятна и защита столь благородного памятника веры наших предков, которую можно по праву назвать ортодоксией» (Piggott, 1985, с. 104).

Другим «белым пятном», вокруг которого развивались представления о кельтах, стал спор об организации шотландской церкви — должна ли она быть епископальной как английская или менее иерархической по образцу пресвитериан? Участники дебатов обратились к истории; одни считали, что христианство в Шотландию принесла римская церковь с ее епископальной структурой, другие — что это сделали ирландцы, у которых главную роль играли монахи и аббаты. Это, в свою очередь, поставило на повестку дня вопрос о происхождении шотландского государства и роли в нем ирландских и пиктских компонентов, что, в свою очередь, нашло связь с противостоянием горцев и жителей низин — хайлендеров и лоулендеров. Споры достигли крайностей в утверждении об отсутствии у ирландцев и шотландских гэлов собственной литературы (эту точку зрения поддерживал Сэмюел Джонсон) и в противодействии переводам Библии на «варварские» языки — гэльский и ирландский. Шотландский историк Джон Пинкертон (1758—1826) дошел до утверждения, что «готуны» Бьюкенена на самом деле были готами и принесли в Шотландию германский язык, ставший основой для лоулендерского диалекта. Тем не менее Бьюкенена начали активно читать и цитировать как одного из историков, доказавших ирландское, то есть кельтское, происхождение шотландских королей, а также одного из основателей шотландской пресвитерианской церкви.



Третьим из взаимосвязанных явлений стал романтизм. В конце XVII столетия развернулись дебаты о происхождении Стоунхенджа и Эйвбери, которые приписывались римлянам, скандинавам и друидам. Главным сторонником последней версии выступал Джон Обри в своем неопубликованном сочинении «*Monumenta Britannica*» (Памятники Британии), основные идеи которого повторил Уильям Стакли. Поскольку друиды были жреческой кастой, произошло смещение акцентов, и в 1723 г. Стакли издал манускрипт Обри под названием «История храмов древних кельтов» — так слово «кельты» было впервые в Британии употреблено в контексте археологии. Этот термин использовал и Генри Роулэндс в своем сочинении «*Mona Antiqua Restaurata*» (Возрождение древней Моны), изданном в том же 1723 г., — в истории острова Англси (по-валлийски Мона). Смайлс недавно описал влияние кельтского романтизма на визуальное и поэтическое искусство XVIII в.; одним из примеров было стихотворение Томаса Грея «Бард» (1757). В конце столетия в эту романтическую струю влились сфабрикованная эпическая поэма Джеймса Макферсона «Оссиан» (1765) и романы Вальтера Скотта «Уэверли» (1814) и «Роб Рой» (1817). Влияние этих книг было всемирным, и тот же Огюстен Тьерри в юности увлекся историей под влиянием романов Скотта.

Из-за неверного употребления термина «кельты» в дискуссиях XVIII столетия очень трудно проследить историю распространения этого термина. Как мы уже видели, Джеймс Парсонс в 1767 г. был знаком с идеей о том, что бритты были кельтами, хоть и отвергал тезисы Бьюкенена. В шотландской литературе того времени выводы Бьюкенена и Ллойда нашли широкую поддержку, тем более что Ллойд считал ирландцев и шотландцев первоначальными обитателями Британии. Джеймс Босуэлл в своем «Путешествии на Гебриды с Сэмюелем Джонсоном» упомянул шотландского священника Дональда Макуина из Килмура, остров Скай, который показал им место, где, по его утверждению, стоял некогда «храм Анаистис» — имя этой богини он заимствовал из писаний Плиния и Павсания о Малой Азии (дело было 17—18 сентября 1773 г.). Макуин говорил им: «Малая Азия была населена скифами, предками кельтов, значит, в Малой Азии и на Скае была одна и та же религия», — явно считая, что древние обитатели острова были кельтами. Хотя Босуэлл пишет о защите Макуином подлинности макферсоновского



«Оссиана», священник явно черпал свои идеи из ирландских текстов и Бьюкенена. Последнего Босуэлл упоминает несколько раз, цитируя слова Джонсона: «Бьюкенен распространил среди нас дух познания, утерянный за время гражданских войн» (18 августа 1773 г.). Они также посетили пару «друидических храмов», хотя Джонсона они не впечатлили: ...увидеть его — значит ничего не увидеть, поскольку в нем нет ни изящества, ни силы» (30 августа 1773 г.).

Таким образом, к началу XIX в. все признавали, что до римлян в Британии жили кельты. Эта тема была развита в публикациях Эдварда Дэвиса (1746—1826) «Исследования о происхождении кельтов» и «Традиции и язык древних бриттов со вводящим очерком о примитивных обществах в целом» (обе 1804 г.). Он и его современник Эдвард Уильямс (1746—1826), известный также как поэт Иоло Морганног, могут рассматриваться как родоначальники новейшей бардовской традиции Уэльса. Этот феномен не был достоянием одних только британцев; во Франции «Овернский замок» (1796) изобразил романтические образы кельтов и друидов, послужившие источником вдохновения для оперы Беллини «Норма» (1831). На этой основе и сложилась первоначальная концепция кельтского искусства.

## Уточнение хронологии

Одним из главных достижений археологов XIX столетия стало построение хронологической шкалы не только для документированного источниками периода, но и в значительной степени для предыстории. Первой стадией этого стало признание развития технологических навыков в прошлом, породившее теорию «трех веков» — каменного, бронзового и железного — которую Кристиан Томсен разработал на основе коллекции Датского национального музея в Копенгагене. Разработанная в 1823 г., она была опубликована только в 1837 г. и быстро усвоена такими физическими антропологами, как Причард. В 1840-е гг. эту схему распространил ученик Томсена Ойханнес Ворзее, посетивший Британию и Ирландию. Сам Ворзее в 1859 г. разделил датский каменный век на две эпохи, отделив находки из мегалитических гробниц от тех, что были



извлечены из «кухонных ям» (кьеккенмедингов) — последние теперь относят к эпохе мезолита. В 1863 г. систему развил сэр Джон Лаббок, выделивший в своей книге «Доисторические времена» ранний каменный век, отсутствовавший в Дании. Его он назвал палеолитом, а более поздний — неолитом.

Вторым элементом в построении детальной хронологии стала типология артефактов. Основы классификации природного мира заложили в XVIII в. такие натуралисты, как Джон Рей и Карл Линней, и в путешествиях того времени обычно участвовали ученые, которые описывали и зарисовывали местную флору, фауну и население. Джозеф Бэнкс путешествовал с Куком и Блаем, а Дарвин с той же целью отправился на Галапагосские острова. Та же традиция сложилась относительно искусства и памятников древности; изображения древнеегипетских памятников, привезенные из Египетского похода Наполеона в 1798 г. и из научной экспедиции Росселини и Шампольона в 1828 г., оказали заметное влияние на французскую архитектуру и дизайн. Но для местных артефактов такой традиции не существовало до начала XIX в., когда такие антиквари, как Ричард Колт Хор и Томас Бэйтмен, начали систематически описывать и публиковать свои находки. В тот же период появились национальные и региональные музеи, где собирались и каталогизировались обширные коллекции артефактов (например, каталог древних британских монет сэра Джона Эванса). Сравнительные исследования стали важной отраслью науки благодаря не только публикациям, но и традиции обмена экспонатами между музеями или приобретения их у антикваров и археологов, работавших в других странах (можно вспомнить покупку Британским музеем коллекции Мореля, собранной в Шампани).

Признание исторической важности археологии для национального и регионального престижа означало, что отныне общественные средства будут расходоваться не только на покупку экспонатов для музеев (чем занимался, например, Петр Великий в России), но и на масштабные раскопки, наподобие тех, что велись при Наполеоне III в Герговии, Алезии, Бибракте и в других местах Франции в рамках проекта по изучению галльских походов Цезаря. Кроме этих работ обширный материал для изучения кельтов дали раскопки в Гальштатте (Австрия) и Латене (Швейцария).



Систематические раскопки в Гальштатте начал в 1840-е гг. Георг Рамзауэр, горный мастер местных соляных шахт. Уровень раскопок был выше среднего для того периода, и хотя Рамзауэр, как правило, не собирал мелкие обломки посуды и человеческих костей, но металлические изделия можно довольно точно распределить по отдельным захоронениям благодаря обширным каталогам, снабженным иллюстрациями работы местного художника Исидора Энгеля — он зарисовывал не только сами предметы, но и места, в которых они были найдены. Большинство находок были помещены в Национальный музей в Вене, который издал для интересующихся их детальные описания с нарисованными от руки рисунками (Protokolle). Копии этих «Протоколов» поступили в Мюнхенский музей и Антикварное общество в Лондоне.

Условия раскопок в Латене были совсем другими. Это место на северном берегу озера Невшатель обнаружилось после опускания уровня озера. Там были найдены остатки знаменитых свайных жилищ неолита и бронзового века, но большую часть находок составили предметы железного века, случайно или намеренно попавшие в озеро или впадающие в него реки. Латен был открыт в 1857 г. и несколько лет разорялся местными кладоискателями, которые в буквальном смысле выуживали находки со дна и продавали их местным торговцам. Затем находки продавались в музеи по всей Западной Европе и быстро стали известны ученым. Хотя часть материалов была быстро опубликована Эмилем Дезором и Фридрихом Швабом, широко разбросанные и плохо документированные находки до сих пор не описаны во всей полноте. Например, описание мечей и ножен только в 1972 г. было опубликовано британским ученым Джоном Наварро после многолетнего изучения находок и сравнения их с оригинальной документацией.

Затем последовал нарастающий поток артефактов, доступных для изучения, — некоторые были добыты при научных раскопках, но многие случайно найдены при строительстве дорог или осушении рек. Скоро стало возможно выделить специальные типы артефактов — например стало ясно, что мечи из Гальштатта отличаются от латенских стилем украшения. Похожие по стилю находки были обнаружены на обширных пространствах Европы, от Скандинавии до Северной Италии и от Ирландии до Венгрии. В 1874 г. шведский ученый Ханс Хильдебранд предположил, что эти отли-



25. Эволюция монет железного века в Британии  
(по данным Эванса, 1849)

чия представляют собой не региональные явления, а общеевропейский феномен. Хотя обычно считают, что именно он установил хронологическую границу между Гальштаттом и Латеном, недавно Жильбер Кенель указал, что он говорил только о «стилях», а деление железного века на гальштаттский и латенский периоды первым предложил швейцарский историк Дезор. Важно отметить, что это было чисто хронологическое различие, не заключавшее в себе никакого расового или этнического содержания.

Типология артефактов не просто фиксирует различия между классами предметов (мечи, броши, топоры) или между типами артефактов (мечи гальштаттские, латенские, викингов и так далее); она также выявляет небольшие различия в пределах типов, помогающие хронологически проследить их эволюцию, как и эволюцию животных и растений, описанную Дарвином. Эволюция артефактов была признана уже через десять лет после выхода дарвиновского «Происхождения видов». В 1849 г. сэр Джон Эванс опубликовал серию рисунков древних британских монет, показав, как из узнаваемых подражаний золотым статерам Филиппа Македонского изображение на них постепенно превращалось в простой набор линий и пятен на бронзовых монетах из Дорсета. Эта эволюция сопровождалась уменьшением веса монет и чистоты металла — от золота через различные сплавы к чистой бронзе. Иногда такое типологическое развитие функционально, как, например, пре-



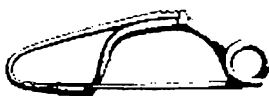
## Abbildungen zum Vortrage des Herrn Tischler:

Hallstadt und La-Tène No. 10 S. 157.

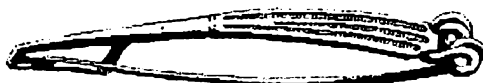
### Fibeln.



Früh La-Tène  
(Campagnat).



Mittel La-Tène  
(Station La-Tène bei Maria Neureburger See).



Spät La-Tène  
(Hradiste von Stradonic, Böhmen).

### Schwerter.



Früh La-Tène  
(Gorge Meilbet-Marne).



Mittel La-Tène  
(Station La-Tène).



Spät La-Tène  
(Aller St. Reine, Alesia).

Die Schwert-Formen sind sehr deutlich abgebildet bei:

Young: Les Helvètes à La-Tène: Früh La-Tène: Tafel IV  
III 4-6, IV 2, IV 5; Spät La-Tène: Tafel II 1-3, IV, 3, 4, 5, 7.

sowie bei:

oppidum Helvète: Tafel III und IV; vergl. auch Tafel I II,  
1; Mittel La-Tène: Tafel III 1, 2, 5, 7, 8; Tafel IV 3; Tafel VII 5;

## 26. Хронологическая схема мечей раннего и позднего латена (по данным Отто Тишлера, 1885).

Собственность Бодлеянской библиотеки, Оксфорд

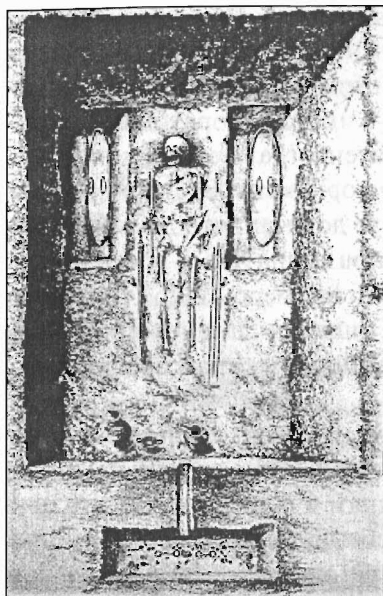
вращение гладкого бронзового топора в топор с кромкой, чтобы он не слетал с топорща, и наконеч в пальстаб со стопором, не позво-



лявшим лезвию при ударе расщеплять рукоятку. Иногда это была чистая мода, как, например, эволюция старинных часов XVII—XVIII вв. или дизайна автомашин в XX в. Иногда черты, бывшие вначале функциональными, превращаются в чисто декоративные (скеоморфные), как у брошей позднего латена, где крестовидное крепление в основании броши переросло в орнамент. Ведущий специалист по типологии Оскар Монтелиус доказал, что декоративное оформление железнодорожных вагонов конца XIX в. восходит к их прототипу — дорожной карете. Ранним примером такой типологии является разделение в 1887 г. Отто Тишлером латенского периода на ранний, средний и поздний по различным типам брошей и ножен от мечей.

Это ведет нас дальше к принципам, на которых основана археологическая хронология. Во-первых, это «типы орудий»; Тишлер распределил латенские броши по типам и периодам, так что одна из таких брошей, найденная в погребении, датировала все погребение и найденные в нем предметы. Это создало второй принцип «ассоциации» или «связи находок» — один типологически датированный артефакт помогал выявить даты типологии других. В случае Тишлера его раннелатенские ножны были датированы по ассоциации с брошами того же периода. Оба этих принципа были заимствованы из геологии, поэтому удивительно, что третий принцип геологической датировки был применен к археологии железного века только в XX столетии — «стратиграфия», выявление хронологической последовательности слоев, лежащих один над другим. Возможно, это произошло из-за того, что находки XIX в. в основном поступали с кладбищ, где слои были перемешаны или находились случайно, вне своего контекста. Раскопки поселений стали обычными только в 1920-е гг., причем поселения железного века часто располагались на скрытых вершинах холмов с нарушенной стратиграфией.

Уникальными для археологии являются методы «абсолютной» датировки, фиксирующие даты в типологической последовательности. В XIX в. применялись три таких метода. Первым были раскопки исторически датированных поселений — например места битвы при Алезии, где Цезарь летом 52 г. до н.э. разбил Верцингеторикса. Это дало возможность точно датировать обнаруженные там монеты, оружие и другие предметы. Другим стало присутствие



**27. Погребение эпохи раннего латена из Соммы-Бьонны, содержащее привозную греческую керамику V в. до н.э.**

датированных монет — например в кельтских погребениях в Орнавасо и Персоне в Северной Италии, где были найдены монеты Римской республики. Правда, здесь возникал вопрос, как долго эти монеты находились в обращении до их попадания в могилу.

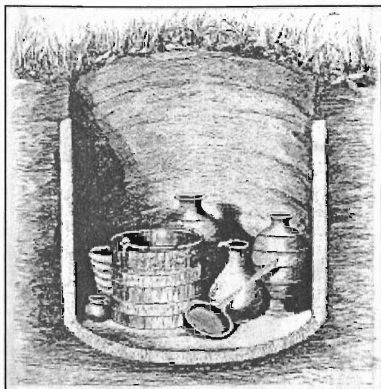
Третий метод получил название «перекрестной датировки». Он сводился к ассоциации артефактов с другими предметами, привезенными из других областей, где их можно было датировать. Идеальным здесь был постоянный обмен товаров, наподобие существовавшего между Египтом и Критом, который позволял удостовериться в отсутствии временных провалов. Такие провалы для экспортных изделий встречаются нередко — например, итальянский бронзовый ковш IV в. до н.э.

был найден в Дании среди предметов I в. до н.э. Поскольку в доисторической Европе обращалось удивительно много товаров, в принципе возможно установить связь между сходными предметами, распространенными от Скандинавии до Египта, и датировать их по надежно установленной хронологии последнего. Для археологов железного века XIX столетия наиболее полезной оказалась находка аттических краснофигурных ваз, датированных V в. до н.э., в погребениях Северной Франции и Южной Германии, таких как Клейн-Аспергль в Баден-Вюртемберге или Сомма-Бьонна в Шампани. Другим примером были броши и бронзовые сосуды типов, датированных по контексту в итальянском Орнавасо, которые сэръ Артур Эванс в 1894 г. обнаружил в погребении позднего железного века в Элсфорде, графство Кент. К 1900 г. шведский археолог Оскар Монтелиус, используя эти методы, построил хронологическую шкалу для бронзового и железного веков Западной



Европы, которая с тех пор подверглась довольно небольшим изменениям.

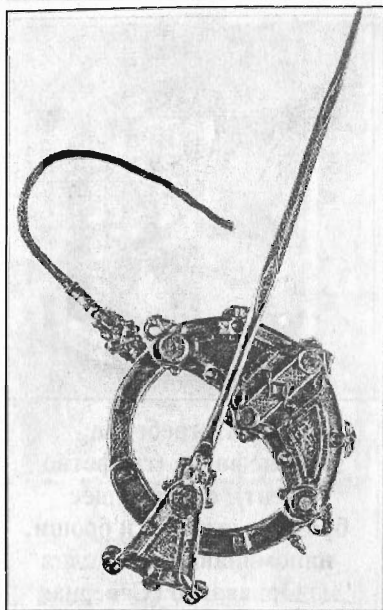
В первые десятилетия XX в. произошло выделение отдельных фаз европейского железного века. Немецкий археолог Пауль Рейнеке в серии статей на основе находок Южной Германии разделил железный век на шесть периодов — Гальштатт С и D (Гальштатт А и В был отнесен к бронзовому веку) и Латен А, В, С и D. Для каждого из этих этапов он выделил типичные орудия, и хотя в некоторых случаях эти типы были пересмотрены, а его периоды разделились на подпериоды, классификация Рейнеке до сих пор остается общепринятой для Европы и применяется в этой книге вместе с более общим делением Латена на ранний, средний и поздний, введенным Тишлером. В то же время французский археолог Жозеф Дешелетт выработал похожую схему, состоящую из Гальштатта I и II и Латена I, II и III. В этой схеме Латен I соответствовал Латену А и В у Рейнеке или раннему Латену у Тишлера.



**28. Погребение из Элсфорда (графство Кент), содержащее бронзовые кубки и броши, напоминающие изделия из Орнавассо (Северная Италия), которые относятся к V в. до н.э.**

## **Кельтское искусство**

С XVIII столетия непрерывно возрастал интерес к ранним и экзотическим стилям искусства и архитектуры, отличным от зодчества, живописи и скульптуры нового времени. В этом столетии Иоганн Якоб Винкельман описал основные нормы древнегреческого и романского искусства, и архитекторы начали сознательно имитировать античный и готический стили. Экспедиция Наполеона в Египет познакомила западный мир с еще одной древней цивилизацией, с ее собственным способом изображения мира, и в



**29. «Брошь из Тары»,  
датированная VIII в. н.э.  
и найденная в Бетгистоуне  
(графство Мит) в 1850 г.  
Национальный музей  
Ирландии**

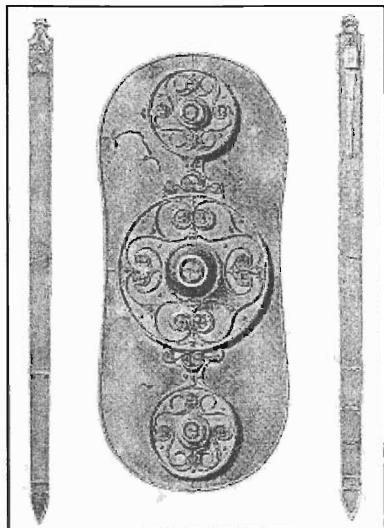
Европе, особенно во Франции, египетский стиль получил распространение в архитектуре и мебельном дизайне. Тогда же торговцы и миссионеры начали собирать предметы искусства со всего мира — не только наследие великих цивилизаций Китая, Индии и арабского мира, но и этнографический материал великого множества народов и культур, часть которого отвечала западным вкусам, а часть резко им противоречила. Археологи тоже начали выделять в прошлом различные стили. Одним из первых был Кристиан Томсен, начавший в 1830-е гг. отличать стиль бронзового века от стиля германцев и викингов. В рамках этого общего отличия была выделена форма искусства, получившая название «латенской», или «кельтской».

Непосредственным стимулом к этому стало открытие двух произведений искусства. Первым была так называемая Брошь из Тары (на самом деле из Бетгистоуна в графстве Мит), найденная в 1850 г. Она вызвала громадный интерес в обществе, и сама королева Виктория заказала для себя несколько копий. Второй — щит из Баттерси, обнаруженный в 1857 г. при строительстве моста через Темзу. Секретарь Британской археологической ассоциации Х.С. Камминг описал эту находку как доримскую и «кельтскую». Он объяснил это лишь смутной ассоциацией щита с черепами «кельтской» формы и другими предметами.

Первое определение стиля искусства дал Джон Кембл (1807—1857). Он был учеником Якоба Грима и испытывал большой интерес к языкам и народам Западной Европы. Его главный вклад в археологию заключался в сфере романо-германских (или «тевтонских»)



исследований. Он первым связал схожесть обрядов кремации в Северной Германии и Восточной Британии с историческим вторжением англосаксов и написал труд об этом и первоначальном (неиндоевропейском) языке Западной Европы, который он считал финским. Перед смертью он дал также определение кельтского искусства; лекции на эту тему он читал в Дублине в 1857 г., но они были опубликованы только посмертно в 1863 г. Его идеи отразились во второй части каталога древностей из музея Королевской Ирландской академии, составленного Уильямом Уайльдом в 1861 г.:



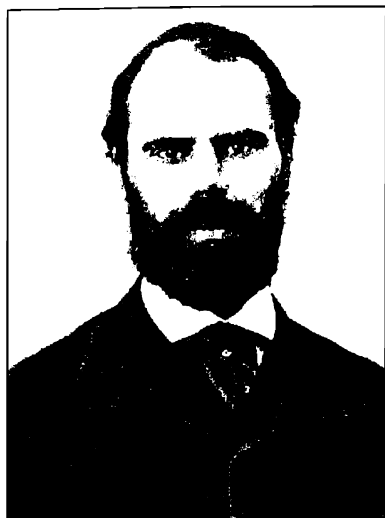
**30. Щит из Баттерси  
(с иллюстрации к работе  
Кембла, 1863)**

«Щиты: кованые пластины из бронзы, украшенные трубообразным узором, напоминающим соединение изогнутых горнов и характерным для кельтов».

*(Wilde, 1861, с. 519)*

Далее в каталоге Уайльд везде пишет о «кельтских трубообразных узорах» (Wilde, 1861, с. 567, 569).

Труд Кембла опубликовали с собственными статьями на ту же тему двое его коллег — Р.Дж. Латем и Огастес Фрэнкс (1836—1897), позже куратор Британского музея. Для Кембла главным отличительным признаком кельтского искусства была треугольная форма с изогнутыми краями, которая с тех пор именуется «трубообразной» (trumpet shape). Он собрал множество изображений предметов, иллюстрирующих этот стиль, однако именно Фрэнкс завершил эту коллекцию и дополнил ее текстом. В нее вошли щиты из Уондсворта и Баттерси, щит из реки Уитем в Линкольншире вместе с другим оружием из Темзы и Уитема, а также собрание деталей конской сбруи из так называемого клада Полден-Хиллс. Фрэнк утвер-



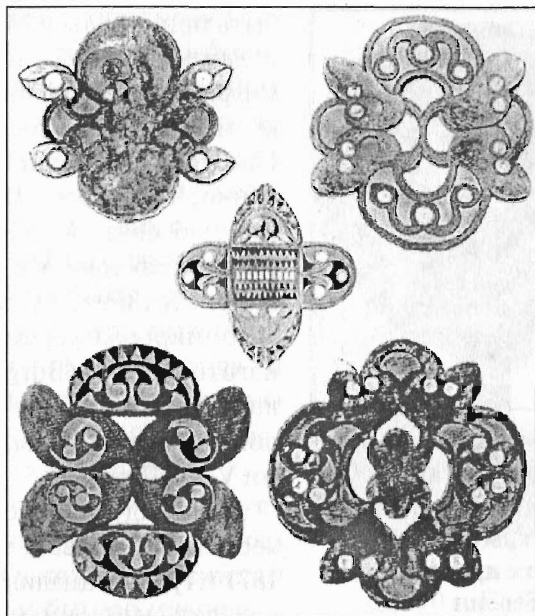
**31. Огастес Фрэнкс, придумавший в 1863 г. термин «позднее кельтское искусство». Публикуется с разрешения профессора Дерека Роу**

ждал, что стиль этих предметов нельзя назвать римским, саксонским или викингским, поэтому его можно связать только с кельтами. Он назвал его «позднекельтским», чтобы отличить его от керамики с геометрическим узором и металлических предметов, связанных с бронзовым веком (их, как мы видели, сочли «кельтскими» на основании краниологии). Поскольку ножны с соответствующим узором были сделаны из железа, Фрэнкс оспаривал существующую датировку железного века. Он также нашел континентальные параллели, включая находки из Латена.

Таким образом, новому стилю с самого начала дали имя «кельтского», основываясь на выводах лингвистики о том, что древние обитатели Британии и Ирландии были

кельтами. В 1895 г. сэр Артур Эванс в своих лекциях в Ринде уделил большое внимание этому стилю и его формированию. К сожалению, эти лекции никогда не публиковались и лишь в усеченном виде изданы в записках Ливерпульского научного общества. Первое детальное исследование «кельтского искусства» было издано в 1904 г. Дж. Ромильи Алленом. Оно включало некоторые находки времен раннего христианства, в том числе «брошь из Тары». Аллен дал типичную для XIX в. интерпретацию, связав все находки бронзового века с кельтами, поэтому они включали каменные кресты с перекрестным узором, больше напоминающим германский стиль искусства.

Британские исследования не находили параллелей на континенте. Единственной книгой на эту тему было изданное в 1908 г. «Кельтское искусство» Шарля Ресслера — собрание материалов без всякой попытки их современной интерпретации. В 1860-е гг. в Германии была открыта серия богатых захоронений, центр которой находился в Гунсрюке, к югу от Мозеля. Были найдены, в частно-



32. Детали сбруи из клада Полден-Хиллс,  
графство Сомерсет

сти, золотые торквесы из Дюркгейма и Бессерингена. Эти и многие другие находки были описаны Людвигом Линденшмидтом между 1858 и 1881 гг. В 1874 г. Герман Генте опубликовал труд о этрусской торговле к северу от Альп и греческой торговле вокруг Марселя, рассмотрев в этом контексте немецкие находки. Для Линденшмидта торквес из Дюркгейма был этрусским, и когда Адольф Фуртвенглер описывал золотую чашу из Шварценбаха, он приписал ее мастерам из Массалии, что признал и Рейнеке в 1902 г. Таким образом, хотя орнаментированные ножны и некоторые из бронзовых брошей были признаны местными, у основных шедевров местное происхождение было отнято.

## Культуры и культурные группы

Одновременно с выделением этих стилей искусства было высказано предположение, что отдельные группы предметов могут





**33. Золотая чаша из богатого латенского курганного захоронения в Шварценбахе, случайно открытого в 1849 г. Хранилище древностей, Берлин**

быть приписаны разным народам и даже свидетельствовать об их миграциях. Признание схожести кремационных урн из региона Гамбурга и Южной Англии, сделанное Кемблом в 1850-е гг., позволило связать их с вторжением англосаксов в V в., описанным Бедой. В 1869 г. Рудольф Вирхов ассоциировал керамику ручного изготовления (Burgwallkeramik) из укреплений Центральной Европы со славянскими поселениями V—VIII вв.

На Международном археологическом конгрессе в Болонье в 1871 г. граф Гоццадини представил находки, найденные им при раскопках этрусского города Мардза-

ботто и сочтенные этрусскими. Однако швейцарский археолог Эмиль Дезор и его французский коллега Габриэль де Мортилье доказали, что находки в некоторых погребениях отличаются от остальных. Дезор сравнил их с латенскими, а Мортилье — с находками из Северной Франции. Мортилье озвучил свои выводы в 1871 г., опубликовав изображения итальянских находок рядом с теми, что были найдены на Марне. Он связал их с сообщением Ливия о том, что сеноны, жившие на Марне в I в. до н.э., входили в состав кельтов, вторгшихся в Италию между 600 и 400 гг. до н.э. Однако он избежал общих выводов о галлах или кельтах и их материальной культуре.

В конце XIX столетия антропологи выдвинули концепцию «культуры», чтобы обозначить отличия в верованиях, идеологии и образе жизни разных народов. Культура была чем-то локализованным в пространстве (территория, занятая определенным народом) и времени (передача от одного поколения к другому). Археологи осознали, что эту концепцию можно распространить на материальную культуру (виды керамики, орнаменты и т.д.), а также на погребальные ритуалы, типы домов и структуру поселений. Все это было



названо словом «культура» (по-немецки Kulturgruppe, по-французски Civilisation). В последние десятилетия века и в начале следующего концепция была принята историками — например Жозефом Дешелеттом в его словах о «цивилизациях Гальштатта и Латена» в 1902 г. Это было значительным удалением от первоначальной формулировки Гильдебранда и Дезора в 1870-е гг., которая была чисто хронологической, не привязанной к расе или народу.

Первое определение археологической культуры (Kulturgruppe) было дано Густавом Коссинной (1858—1931) и быстро привело к отождествлению кельтов с латенским искусством и культурой. Оно подразумевало «четко определенные археологические области, на протяжении долгого времени связанные с определенными народами или группами племен» (Kossinna 1911).

Более четко то же понятие определил в 1920-е гг. Гордон Чайлд:

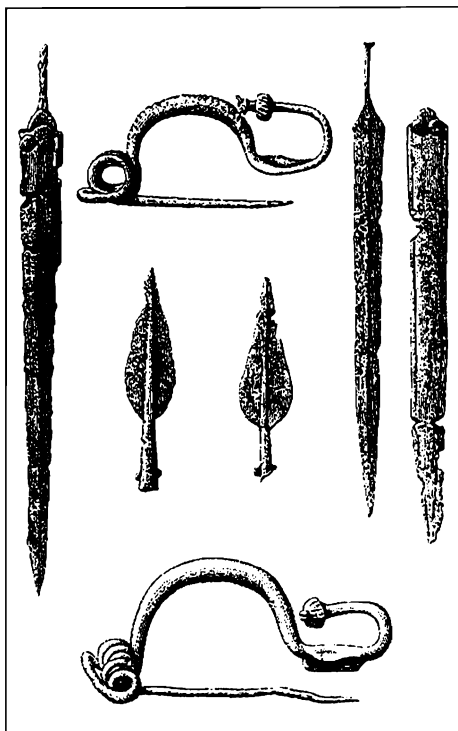
«Определенные типы древностей — орудия, украшения, захоронения, структура домов — постоянно соответствуют друг другу. Такой комплекс взаимосвязанных находок можно назвать «культурной группой», или просто «культурой». Мы полагаем, что такой комплекс можно считать материальным выражением того, что сегодня именуется народом».

*(Childe, 1929, с. V—VI)*

Коссинна интересовался происхождением и расселением германских народов и придал своим выводам националистический характер. По образованию он был лингвистом, но обратился к ар-



**34. Габриэль де Мортилье в 1870 г. Публикуется с разрешения профессора Дерекы Роу**



**35. Сравнение между археологическими находками в этруском городе Мардзаботто и во Франции (по данным де Мортилье, 1870)**

хеологии, пытаясь проследить происхождение языковых групп во времена, от которых не осталось письменных источников. Он был впечатлен показанной Монтелиусом преемственностью культуры Скандинавии и Северной Германии со времен неолита и предположил, что это связано с преемственностью народов. Поскольку первые письменные свидетельства связывали эти народы с германскими языками, он выдвинул гипотезу северного происхождения этих языков, если не всей индоевропейской семьи. Затем он попытался проследить расселение германцев, составив карты распространения отдельных типов артефактов. Такой подход он назвал *Siedlungsärchaologie*, «археологией расселения», хотя к нему больше подходило название «археологии завоевания». Его взгляды изначально были противоречивы, что вызвало конфликт между его



школой и сторонниками ведущего немецкого археолога Карла Шухардта, о чем будет сказано далее.

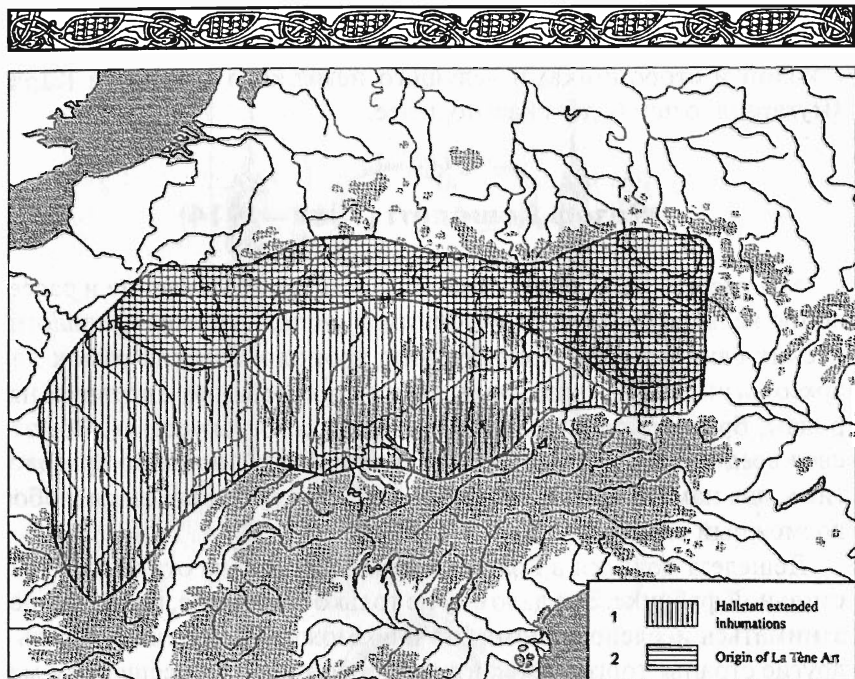
## **Жозеф Дешелетт (1862—1914)**

Мы рассмотрели следующие вопросы: происхождение и расселение кельтов по данным источников; использование археологических свидетельств; конструкцию хронологических рамок для археологии; концепцию культуры и ее применение к древним народам; британское определение «кельтского искусства». Все это свел воедино Жозеф Дешелетт в своем «Руководстве по археологии», дав нам основу, на которой с тех пор осуществлялся любой возможный синтез.

Дешелетт родился в Роанне и начал карьеру на отцовской текстильной фабрике. Это дало ему не только состояние, позволившее заниматься исследованиями, но и возможность путешествовать в другие страны: торговые визиты сопровождались посещением местных музеев. Он знал несколько языков — даже выучил чешский специально для того, чтобы перевести на французский публикации Й. Пича о находках в оппидуме Страдонице, весьма напоминающих Мон-Бовре. Его интерес к археологии стимулировал дядя Габриэль Буллио, который между 1867 и 1895 гг. проводил раскопки в том же Мон-Бовре, идентифицированном им как древний Бибракте, столица эдуев. Дешелетт возглавлял эти раскопки между 1897 и 1907 гг. Он также активно работал в местных археологических обществах, публиковал находки и способствовал сохранению городищ. Его интересы и охват публикаций простирались от палеолита до средних веков.



**36. Фото Жозефа Дешелетта. Европейский археологический центр в Мон-Бовре**



**37. Реконструкция теории Дешелетта о происхождении и расселении кельтов. Легенда: 1 — зона гальштаттских захоронений, 2 — ареал первоначального распространения латенского искусства**

Свою грандиозную схему, охватывающую главные археологические находки Европы, он изложил в «Руководстве по кельтской и галло-римской археологии». Его дальнейшие планы были оборваны Первой мировой войной, в которой он стал одной из первых жертв, погибнув при пехотной атаке в Северной Франции. Галло-римская часть его труда была завершена Альбертом Гренье в 1920-е гг. Тем не менее он успел выпустить пять томов, из которых нас интересуют три: «Эпоха бронзы» (1910), «Первый железный век, или Эпоха Гальштатта» (1913) и «Второй железный век, или Эпоха Латена» (1914).

Он нигде не обсуждал теоретический базис своих трудов, но испытал глубокое влияние концепции культуры и постоянно упоминал о «цивилизациях» Гальштатта и Латена, не уточняя, относилось это к материальной культуре или к расовой принадлежности в духе Коссинны. В определении различных расовых групп он не пошел дальше д'Арбуа де Жюбенвилля, считая, что лигурское



население сменилось кельтским, и оспаривая только дату этого события:

«Здесь мы не согласимся с д'Арбуа де Жюбенвиллем, который помещает первоначальную кельтскую территорию между Рейном, Майном и верховьями Дуная... (Он верит, что кельты) не могли пересечь Рейн до седьмого столетия. Мы уверены, что прибытие кельтов не может быть точно зафиксировано, но явно совершилось еще до гальштаттского периода».

*(Dechelette, 1914, с. 571)*

Что касается археологической идентификации различных групп, упомянутых в древних источниках, он считал решающим для нее погребальные ритуалы и выстроил следующую схему:

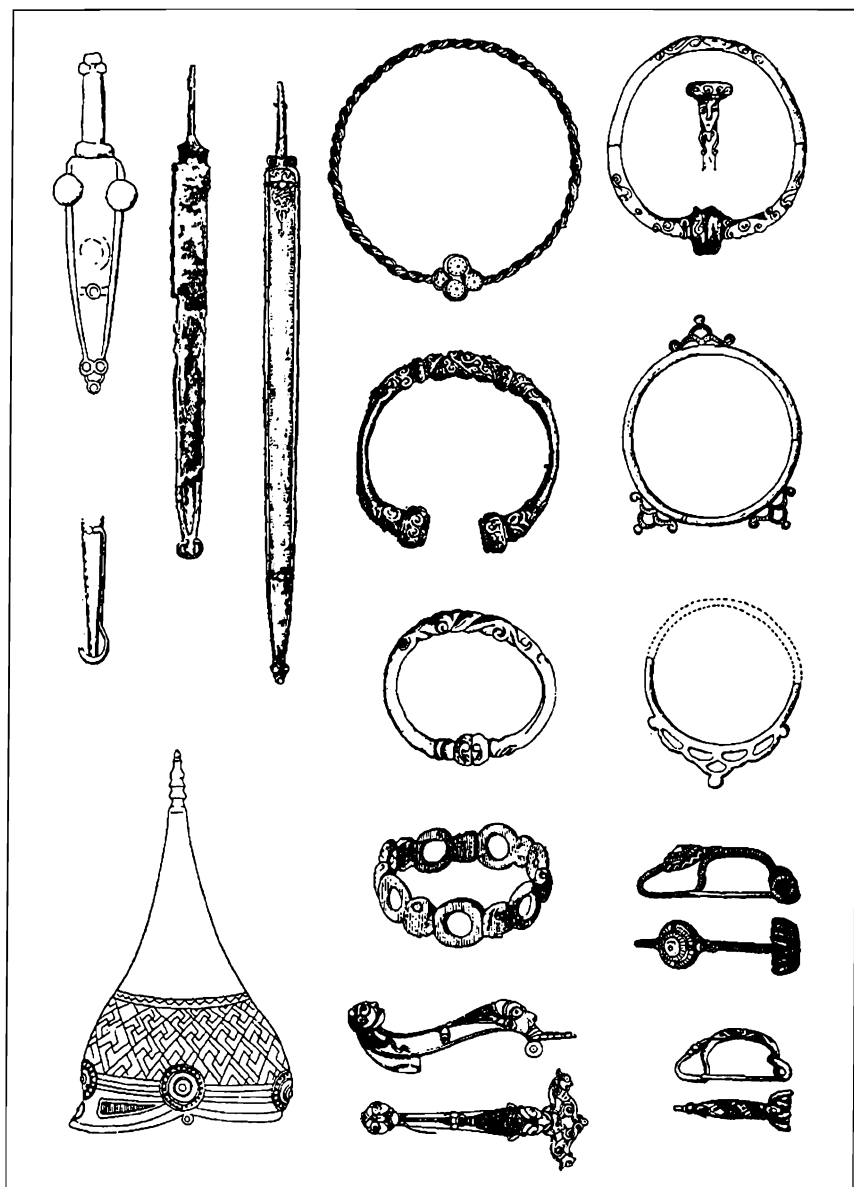
Лигуры = скорченные захоронения  
Кельты = плоские захоронения  
Германцы и белги = кремация

Происхождение кельтов он возводил к гальштаттскому периоду:

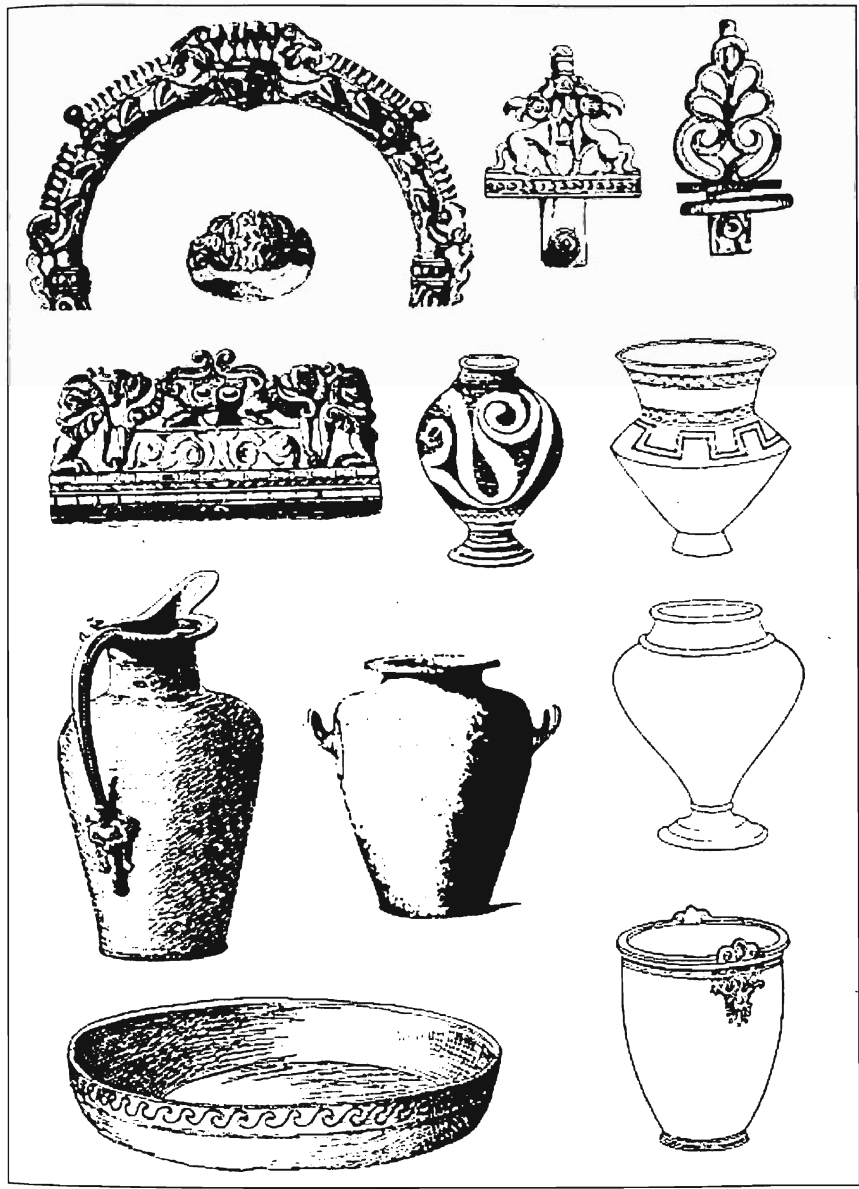
«На основе схожести похоронных ритуалов и основных типов артефактов, а также антропологических данных мы можем считать, что население гальштаттского периода принадлежало к этнической группе, занимавшей, с одной стороны, Южную Германию, Богемию и, возможно, восток Австрии, а с другой — северо-восток и центр Галлии, то есть Лотарингию, Бургундию, Берри и Овернь. В пятом столетии восток этой области был, по данным исторических источников, заселен кельтами; то же может быть верно для западной части. Нет признаков каких-либо перемен в этой области до конца Латена II, времени вторжения белгов».

*(Dechelette, 1914, с. 571)*

Он также воспринял британскую концепцию кельтского искусства, используя в качестве источника Фрэнкса и Ромильи Алена, и предположил местное происхождение многих искусно сделанных предметов из Северной Франции и Южной Германии. Используя



38. Характерные предметы Латена I  
(по данным Дешелетта, 1914)



39. Характерные предметы Латена I  
(по данным Дешелетта, 1914)





внедренную им хронологию Гальштатта и Латена, он отнес самые ранние из предметов «кельтского стиля» к периоду Латен I с распространением в восточно-западной зоне, включающей юг Чехии, Баварию, Баден-Вюртемберг и северо-восток Франции — то есть территорию, где он поместил кельтов. Таким образом, была установлена связь между островным искусством и континентальной территорией происхождения «кельтского стиля», и хотя некоторые предпочитали по-прежнему называть этот стиль латенским, термин «кельтское искусство» стал более популярным.

Однако материальная культура создавала новые проблемы. Гальштаттские металлические предметы, например мечи, имели чрезвычайно широкое распространение и не могли быть сведены к расовым границам. Даже более локальные ареалы погребальных ритуалов, керамики или типов брошей занимали области, которые могли быть заселены кельтами, иллирийцами или другими народами. Для позднего латена одинаковые мечи в зависимости от контекста могли считаться кельтскими или германскими:

«Если гальштаттская культура делилась между многими народами и имела множество местных вариантов, то латенская культура представляется нам по преимуществу кельтской, хотя в периоды наибольшего распространения она также выходила за пределы расселения кельтов — прежде всего в германском направлении».

*(Dechelette, 1910, с. 5)*

Наконец, Дешелетт решил разделить латен на три провинции: кельтскую, германскую и островную (Британия и Ирландия). В Испании он, признавая позднюю датировку кельтиберских полей кремации, все же причислил их к гальштатту на основании того, что главным оружием являлся короткий кинжал (как в европейском Гальштатте D), а женские браслеты были близки к гальштаттским украшениям центра Европы (Dechelette, 1913, с. 682—692). С другой стороны, в этом регионе отсутствовали латенские мечи, броши и произведения искусства, и ученые, несмотря на широкое распространение оружия кельтиберов в римском мире, считали их отсталыми. Немногие латенские предметы в Испании были найдены в Каталонии и относились к периоду Латен II (Dechelette,



1914, с. 1100—1102), хотя ученый приписывал их кельтиберам, а не населявшим этот район иберийцам.

Таким образом, установившаяся интерпретация предполагала зарождение кельтского искусства в верховьях Дуная, на Среднем Рейне и севере Франции; его тесную связь с распространением латенской культуры; вторжение носителей этой культуры в Британию с берегов Марны; распространение ее в железном веке по всей Западной Европе с «латенизацией» или «кельтизацией» Южной Франции и вторжением в Италию с севера около 400 г. до н.э. Правдивость этих предположений будет рассмотрена далее.





## 6. ЛОКАЛИЗАЦИЯ КЕЛЬТОВ

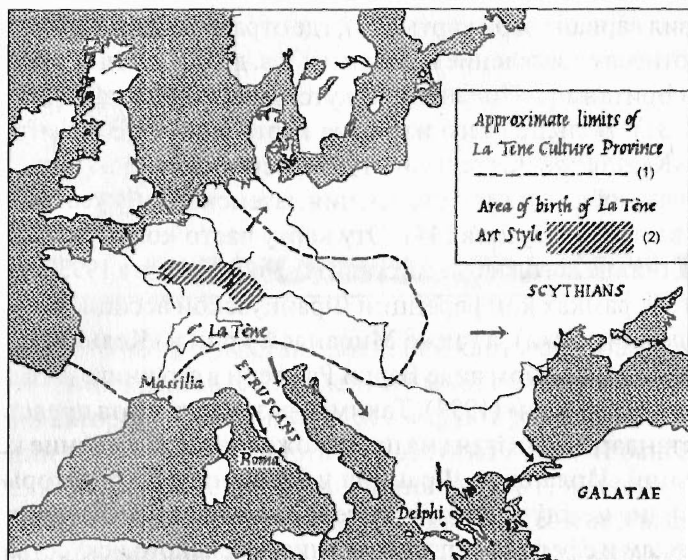
Рисунки с 40 по 46 представляют собой карты с разными версиями расселения кельтов, составленные мною по данным соответствующих авторов. Для меня они суммируют развитие кельтской концепции в XX в. Первая карта (40) взята из книги Теренса Пауэлла «Кельты», впервые опубликованной в 1958 г. и много раз переизданной; частично она повторяет выводы Дешелетта. Вторая (41), чье происхождение неясно, взята из работы Жака Моро «Кельтский мир», также вышедшей в 1958 г. На этой карте мы сразу узнаем идею Дешелетта о начале расселения кельтов в гальштатте и сравнительно позднем заселении Южной и Западной Франции и Центральной Европы. В то же время по контрасту с д'Арбуа де Жюбенвиллем, Британия и Ирландия названы районами поздней колонизации. Стрелки показывают направления миграций или вторжений. Те из них, что ведут в Дельфы и Малую Азию, исторически документированы, как и вторжения в Италию, которые автор, однако, переносит с 600 на 400 г. до н.э., как это предложил еще Нибур в 1830-е гг. Западные стрелки, очевидно, взяты из Бьюкена, но с поправками XIX в. — например кельты пришли в Ирландию из Галлии, а не из Иберии.

Карта Моро оказала влияние на более поздние карты вроде той, что представлена в книге Пьера-Мари Дюваля «Кельты» (42). На ней территория, занятая кельтиберами в Испании, отражает распространение топонимов, а не само расселение кельтиберов. В своей книге (Duval, 1977, с. 290—291) ученый довольно осторожен относительно дат кельтской колонизации; Британия, по его мнению, была оккупирована только после 300 г. до н.э., как предположил Кристофер Хоукс в 1930-е гг. (Дюваль и Хоукс работали вместе с 60-х гг.). Для Испании он предложил дату около 500 г. до н.э. Для выставки в Кельтском музее в Галлейне (Австрия) Людвиг Паули

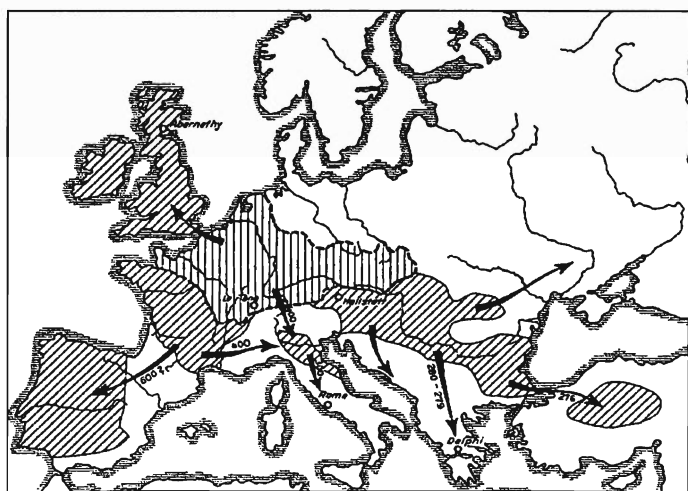


изготовил вариант этой карты (43), где отразил новые находки в Австрии, отнеся ее заселение кельтами к V в. до н.э., хотя его представления о Британии и Ирландии кажутся довольно странными (Pauli, 1980, с. 31). Больше всего известна карта в книге Винсента и Рут Мегоу «Кельтское искусство» (1989), основанная на Дювале с добавлением «области происхождения латенского искусства и культуры», взятой у Пауэлла (44). Эту карту часто копируют; она, например, использовалась на выставках в Розенгейме в 1993 г. и в Труа в 1995 г. (в рамках конференции Французской ассоциации изучения железного века), а также Мирандой Грин в «Кельтском мире» (1995) и в измененном виде Барри Рафтери в его книге «Языческая кельтская Ирландия» (1994). Таким образом, эта карта представляет собой стандартный взгляд на происхождение и расселение кельтов в Британии, Ирландии, Франции и Германии. Хотя авторы делают различие между областью расселения кельтов по историческим источникам и сферой распространения латенского искусства, на их картах эти понятия становятся синонимами. Это то, что я называю «интерпретацией 2».

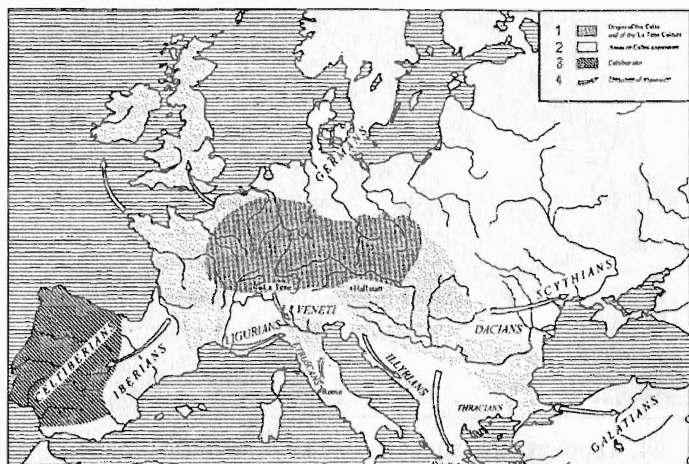
Следующая карта (45) приведена в книге Барри Канлиффа «Древние кельты» (1997). Она напоминает карту из книги Саймона Джеймса «Мир кельтов» (1993) и представляет «интерпретацию 3». Здесь все вторжения идут с севера и северо-запада, хотя единственное свидетельство на этот счет говорит о переходе бойев через Альпы, причем не с севера на юг, а с юга на север, после их разгрома в битве при Мутине в 193 г. до н.э. Вторжения исходят из районов богатых погребений Шампани и Гунсрюк-Эйфеля, а у Канлиффа также из Чехии. На этих картах археология взяла верх над источниками: кельты уравниваются с латенской культурой, а указания Ливия относительно битуригов и Буржа оставлены без внимания. В своей книге Канлифф почти целиком игнорирует Центральную Францию (сугубо кельтскую, по данным Цезаря) и указывает только районы распространения кельтских языков, а не районы расселения кельтов. В поздней версии той же карты у Хейвуда (2001) археологические группы получили племенные имена бойев, треверов и паризиев. Таким образом, наука совершила круг и вернулась к источникам, но, к сожалению, не в той точке, откуда начался исход — ведь ни паризии, ни треверы не названы у Ливия, а паризии еще и помещены на карте не в том месте.



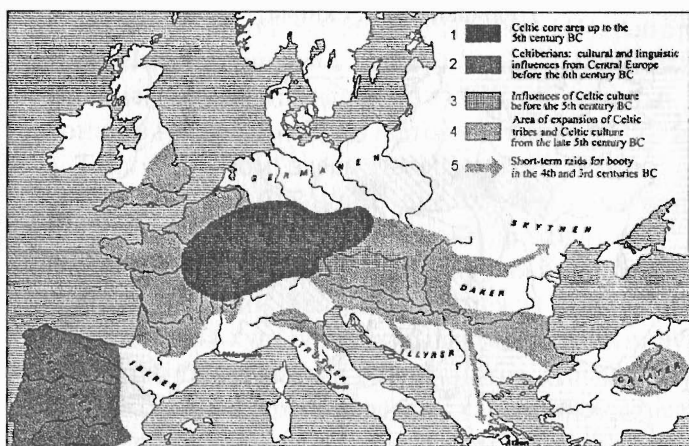
40. Экспансия кельтов с конца V в. до середины III в. до н.э. (по данным Пауэлла, 1958). Легенда: 1 — предполагаемые границы латенской культурной провинции; 2 — ареал происхождения латенского стиля. Надписи на карте: Латен, Массалия, Рим, этруски, галаты, скифы



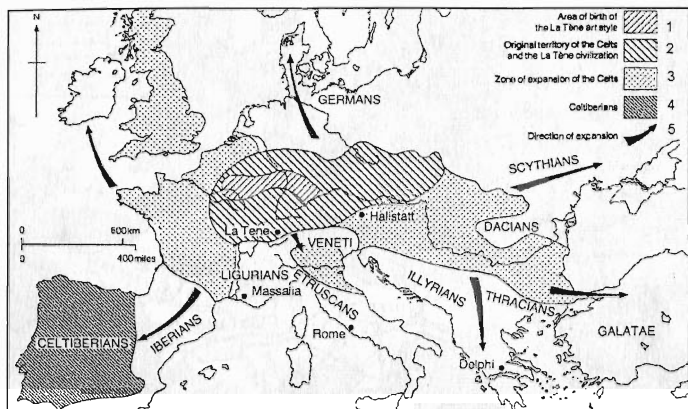
41. Кельтская экспансия (по данным Моро, 1958). Надписи на карте: Гальштатт, Латен



42. Кельтский мир (по данным Дюваля, 1977). Легенда: 1 — ареал происхождения кельтов и латенской культуры; 2 — области кельтской экспансии; 3 — расселение кельтиберов; 4 — направления экспансии. Надписи на карте: кельтиберы, иберы, лигуры, венеты, этруски, иллирийцы, даки, скифы, галаты

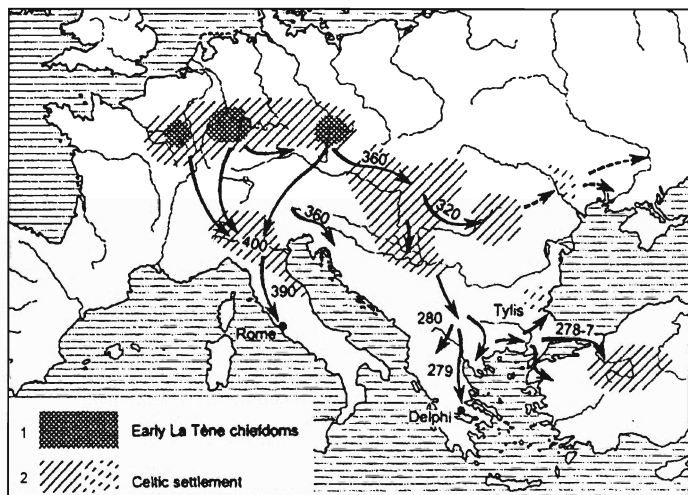


43. Происхождение кельтов и их экспансия (по данным Паули, 1980). Легенда: 1 — первоначальная область расселения кельтов в V в. до н.э.; 2 — кельтиберы: культурные и языковые влияния из Центральной Европы до VI в. до н.э.; 3 — области влияния кельтской культуры до V в. до н.э.; 4 — области экспансии кельтских племен и кельтской культуры с конца V в. до н.э.; 5 — кратковременные набеги кельтов в IV и III вв. до н.э.

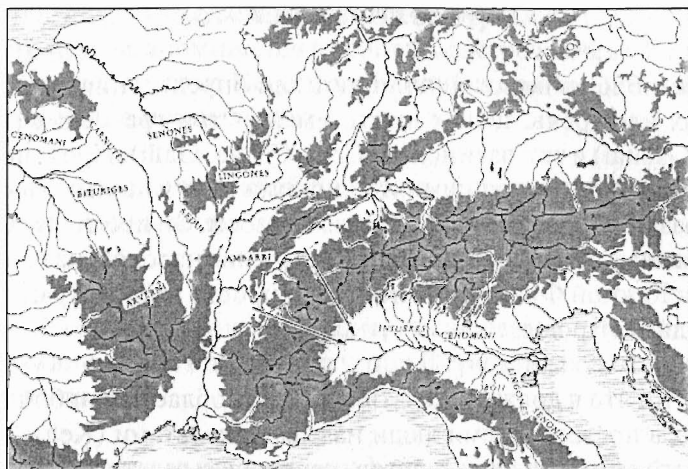


44. Территории, заселенные кельтами с V в. до н.э. до римского завоевания (по данным Мегу, 1989).

Легенда: 1 — ареал происхождения латенского стиля; 2 — первоначальная территория расселения кельтов и латенской культуры; 3 — область расселения кельтов; 4 — расселение кельтиберов; 5 — направления экспансии. Надписи на карте: кельтиберы, иберы, германцы, лигуры, Массалия, Рим, Карфаген, Латен, Гальштатт, венеты, этруски, иллирийцы, фракийцы, Дельфы, даки, скифы, галаты



45. Главные направления кельтских походов. 400—270 гг. до н.э. (по данным Канлиффа, 1997). Легенда: 1 — ранние племенные союзы кельтов; 2 — области расселения кельтов, Рим, Тилис, Дельфы



**46. Кельтские племена, упоминаемые Титом Ливием и Полибием (курсив) и Юлием Цезарем (прямой шрифт). Стрелки показывают пути движения кельтов через перевалы Большой Сен-Бернар и Мон-Сени (по данным Пэра, 1991)**

Последняя карта опубликована Кристофером Пэром в 1991 г. и касается только кельтского вторжения в Италию (46). Автор признает датировку Нибура относительно 400 г. до н.э., принимая при этом и допущение Тьерри, что народы Галлии, упомянутые Цезарем и Страбоном в I в. до н.э., жили на тех же местах в V в. (интерпретация 1). Таким образом, здесь завоеватели Италии начинают свой путь из Центральной Франции, а не с севера и, уж конечно, не из Германии или Чехии, хотя на карте они проходят через Мон-Сени, а не через Монженевр и Большой Сен-Бернар. Если исходить из этой интерпретации, прямая связь между кельтами и происхождением латенской культуры разрывается, и доминирующая в XX в. интерпретация нуждается в пересмотре. Когда я спросил Кристофера Пэра о таком пересмотре, он с удивлением отреагировал на заявление о своем радикализме и ответил, что всего лишь нанес на карту данные источников. Как мы увидим, все не так просто, и в данной главе я попробую показать, какая из трех интерпретаций более правильна. Хотя, исходя из природы источников, точный вывод не слишком вероятен, я все же считаю, что по совокупности археологических и исторических данных версия Тьерри—Пэра более близка к истине.





## Определение кельтов

Древние источники используют для определения народов, о которых идет речь, целых шесть имен — три греческих (Keltoi, Keltaí, Galatai) и три латинских (Celti, Celtae, Galli). Проигнорируем разницу между мужскими и женскими окончаниями, поскольку это различие проводит один лишь Страбон. Он предполагает, что название народа Keltoi произошло от группы народов, называемых Keltaí, в Южной Франции, и что греки просто распространили его на соседние народы:

«Вот то, что я должен сказать о жителях области Нарбонитиды, которых в прежнее время люди называли кельтами (Keltaí); я полагаю, что от имени этих кельтов греки и всех галатов целиком называли кельтами благодаря славе кельтов или потому, что массалиоты, как и другие греки-соседи, содействовали этому в силу своей близости к ним».

*(Страбон. География, 4.1.14).*

Я также предполагаю, что термин Galatai эквивалентен латинскому Galli, а латинское Celtaí в свою очередь равнозначно греческому Keltoi, и что ни один автор не заимствовал этот термин из другого языка. Из этого правила есть только одно или два исключения. Греки называли Кельтикой район, примерно соответствующий нынешней Франции (хотя такие авторы, как, например, Дионисий Галикарнасский, распространяют это название и на территории к востоку от Рейна), и обитателей этой Кельтики они именовали Keltoi. Римляне, в свою очередь, называли ее Галлией, а ее обитателей — Galli. Для греков и римлян Галатия была в первую очередь территорией в Малой Азии, населенной галатами (Galatai). Следует отметить, что после римского завоевания такие термины, как Аквитания, Кельтика и Галатия, определяли административные, а не этнические области; например, римская провинция Аквитания простиралась до центра Франции, включая такое явно кельтское племя, как арверны.

Уже в споре между д'Арбуа де Жюбенвиллем и Бертраном отмечалось, что термин «галаты» появился сравнительно поздно, не раньше начала III в. до н.э., а именно во времена нападения на



Дельфы (279 г. до н.э.) и вторжения в Малую Азию (278—277 гг. до н.э.). Его первые упоминания в основном встречаются у Павсания, и самое раннее взято из Иеронима Кардийского (ок. 370—266), который говорит о пришельцах:

«Эти галаты заселяют крайние страны Европы около моря, столь огромного, что до конца проплыть его невозможно».

*(Павсаний, I.3.6)*

Другой отрывок описывает щит, посвященный Дельфам в память о Кидии, герое второй битвы при Фермопилах, который пал в битве с галатами:

«Щит этот ныне тоскует о Кидия юности светлой;  
Мужа-героя он щит, Зевсу он здесь посвящен.  
Первым он был, который держал он левой рукою,  
Бурный когда Арес копыя в галатов метал».

*(Павсаний, X.1.12)*

Наконец, можно привести эпитафию трем девушкам из Милета, которые убили себя, чтобы не попасть в руки галатов или кельтов (эти названия употребляются здесь как синонимы):

«О Милет, дорогая родина, мы разлучились с тобой навеки. Так мы избегли безбожной похоти галатов, не чтящих законов. Нас было трое, дев из города, кого любимый кельтами буйный бог войны обрек на эту участь. Мы не извели ни бесчестного насилия, ни брачных уз. Женихом нам стал бог смерти».

*(Цитируется по: d'Arbois de Jubainville, 1902, 84)*

Диаграмма на рис. 47 показывает пять возможных соотношений между названиями «галлы» и «кельты»:

1. Некоторые галлы — кельты, а все кельты — галлы. Это утверждение мы встречаем в «De bello gallico» Цезаря, где говорится о различных народах — аквитанах, белгах, германцах, — которые живут в Галлии и потому называются галлами; среди этих народов были и кельты. Самой знаменитой цитатой на этот счет открывается книга, но ту же концепцию можно найти у Аполлодора Афинско-



го, писавшего около 144 г. до н.э. и цитируемого Стефаном Византийским: «Эдусии (эдуи), союзники римлян в Кельтской Галлии» (Müller 1885, с. 437, фр. 60). Или: «Арверны, самое воинственное племя галатов в Кельтике» (Müller, 1885, с. 437, фр. 62).

2. Все галлы — кельты, и все кельты — галлы, эти два слова синонимичны и взаимозаменяемы. Это утверждение часто встречается в античной литературе, например в приведенной выше эпиграфии милетским девам. Иероним Кардийский (ок. 360—270), которого цитирует Павсаний, использует термины «кельты» и «галаты» как синонимы («кельты» — 11 раз, «галаты» — 21).

3. Галлы — не кельты, а кельты — не галлы. Это мы находим в греческой терминологии у Диодора Сицилийского, цитирующего Посейдония:

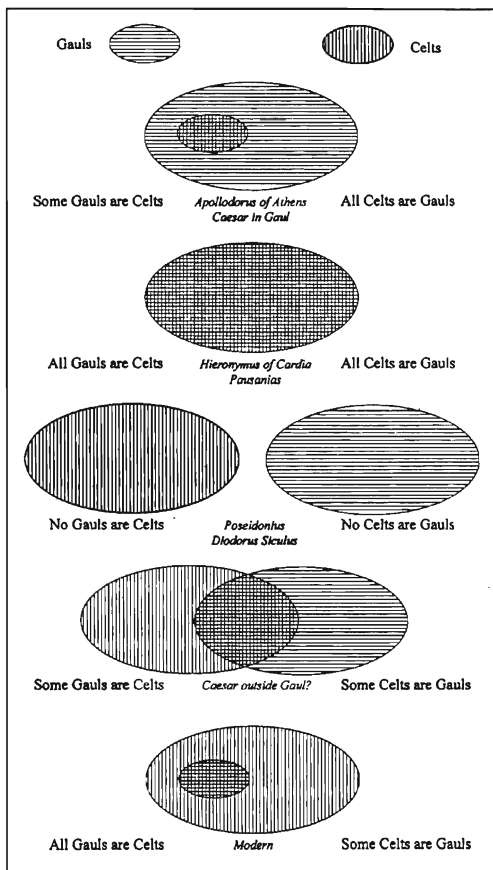
«Полезно также уточнить и нечто для многих неизвестное. Народ, который обитает во внутренних областях за Массалией и у Альп, а также по эту сторону Пиренейских гор, называют кельтами, а народ, обитающий на землях к северу от этой Кельтики, близ Океана и у Геркинской горы и далее до самой Скифии, называют галлами, римляне же дали всем этим племенам одно общее имя, назвав всех галлами».

*(Диодор Сицилийский, V, 32)*

4. Некоторые галлы — кельты, и некоторые кельты, но не все — галлы. Это утверждение нелегко вывести из античных источников. Возможно, оно отражено у Цезаря, когда он говорит об испанских кельтах, которые не являются галлами, поскольку не живут в Галлии.

5. Все галлы — кельты, и некоторые кельты — галлы. Это современное представление, согласно которому галлы вместе с бриттами и белгами составляют часть более крупной группы, называемой «кельтами» и говорящей на «кельтских» языках. Древней литературе оно неизвестно.

Из этого анализа вытекают два важных вывода. Первый — что у античных авторов не было единого мнения, и мы вынуждены рассматривать отдельно каждого автора, если не каждое сочинение, чтобы выяснить, в каком контексте употребляется тот или иной термин. Второй — что мы не можем механически переносить в древность современные формулировки.



47. Диаграммы, демонстрирующие связь между терминами «кельты» и «галаты/галлы».

Надписи на схеме (сверху вниз): галлы, кельты.

Некоторые галлы — это кельты. Аполлодор Афинский.

Все кельты — это галлы. Цезарь о Галлии.

Все галлы — это кельты. Иероним из Кардии.

Все кельты — это галлы. Павсаний.

Галлы — не кельты. Посейдоний.

Кельты — не галлы. Диодор Сицилийский.

Некоторые галлы — это кельты. Цезарь об областях за пределами

Галлии (?). Некоторые кельты — это галлы.

Все галлы — это кельты. Современная точка зрения. Некоторые кельты — это галлы



Малькольм Чэпмен (1992) предположил, что древние кельты не существовали как особая этническая группа, и это название было приписано им греками или римлянами. Он также доказывал, что современные кельты приняли это самоназвание довольно поздно, как австралийские аборигены, которые назвали себя этим европейским термином, поскольку не имели для себя собственного общего названия. Как я уже показывал, название «кельты» в новое время впервые употребили шотландец Бьюкенен, бретонец Песрон и валлиец Ллойд. В древности также есть ряд свидетельств того, что определенные народы сами называли себя «галлами» либо «кельтами». В первую очередь нужно вспомнить Цезаря:

«Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут белги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами».

*(Цезарь, 1.1)*

Мы также знаем как минимум трех или четырех древних авторов, имеющих кельтское или галльское происхождение и употребляющих эти слова для характеристики себя или своих сородичей. Во-первых, это Помпей Трог из южного галльского племени во-контиев; его дед воевал с Помпеем в Испании против Сертория (76—71 гг. до н.э.) и получил за это римское гражданство. Его отец Гней Помпей во время завоевания Галлии служил при штабе Цезаря и был переводчиком в переговорах с Амбиориксом. Хотя историк нигде не называет себя кельтом или галлом, он не раз употребляет это слово в отношении своих соседей. По контрасту, поэт Марциал в конце I в. н.э. несколько раз называет себя «полукельтом, полуиберийцем». Третьим в этой компании является Сидоний Аполлинарий, который в конце V в. н.э. извиняется перед своим шурином Экдицием, сыном императора Авиты, за кельтский акцент (или даже язык) его самого и других арвернских аристократов. Наконец, поэт IV в. Авсоний из Бурдигалы (Бордо) описывает происхождение нескольких своих коллег от друидов, что с большой долей вероятности говорит об их кельтской родословной. Другие латинские авторы также происходили из районов, населенных кельтами, но нигде не говорили о своем происхождении.



Я предполагаю, что термины «кельты» и «галлы» употреблялись в четырех случаях:

1) как название определенного племени (это можно увидеть в «Географии» Страбона, 4.1.14);

2) как группа племен или стран, называемых или называющих себя кельтами (так у Цезаря);

3) как более общее название родственных народов, часть которых называлась кельтами, и это название было распространено на остальных, которые, возможно, не были кельтами в собственном смысле (у Полибия, Ливия и др.);

4) как название народов разного происхождения и языка, ошибочно связанных друг с другом, по мнению чужеземцев, как мы называем всех аборигенов Америки «индейцами», а коренных жителей Австралии — «аборигенами» (у Эфора, который включал в состав кельтов предков нынешних басков).

## Время и точность

Мы вправе ожидать большей детальности и точности от греческих и латинских авторов, по мере того как они лучше знакомились с народами к северу от Средиземного моря и расширяли свои географические познания (рис. 48). Так, у Гесиода мы встречаем гиперборейцев — народ, живущий «за северным ветром». Эсхил в «Освобожденном Прометее» говорит, что Дунай берет начало в землях гиперборейцев, и даже в IV—III столетиях до н.э. Гераклид Понтийский применяет этот термин к галлам, осаждавшим Рим. В V в. бытовали общие названия народов (кельты и иберы), ко II в. уже различали кельтов, галатов и скифов. После Цезаря и Страбона мы встречаемся с большей точностью — например в Галлии различаются аквитаны, кельты, белги и германцы, между которыми фиксируются четкие границы (часто проходящие по рекам). Хотя неизвестно, реальные это границы или римские представления о них.

Это поднимает проблему германцев как этнической группы — ту же, что связана с кельтами. Как отличить их от других народов? Для Цезаря германцами были все, кто живет на восточном берегу Рейна, и некоторые из живущих на западном берегу. Тацит назы-



<b>700 - 350 BC</b> <i>Hesiod</i> <i>Aeschylus</i> <i>Heracles of Pontus</i>					HYBERBOREOI			
<b>500 - 100 BC</b> <i>Herodotus</i> <i>Eratosthenes</i> <i>Ephorus</i>					KELTOI		SKYTHAI	
<b>100 - 50 BC</b> <i>Poseidonius</i>					KELTOI		GALATAI	SKYTHAI
<b>50 BC - AD 100</b> <i>Caesar</i> <i>Strabo</i> <i>Tacitus</i>						BRITANNI		
		AQUITANI		CELTAE		BELGAE		GERMANI

**48. От гиперборейцев к реальным народам:**  
расширение географической номенклатуры с VII по I в. до н.э.  
Надписи на схеме: Гесиод, Эсхил, Гераклид Понтийский.  
Гипербореи. Геродот, Эратосфен, Эфор. Кельты, скифы.  
Посейдоний. Кельты, галаты, скифы. Цезарь, Страбон, Тацит.  
Аквитаны, бритты, кельты, белги, германцы

вает германцами племена, говорящие на кельтском языке (например, треверов), или тех, кого сам причисляет к бриттам. Самое раннее упоминание германцев встречается незадолго до Галльской войны, в контексте восстания Спартака, о котором Саллюстий пишет:

«Крик с его галлами и германцами, не согласные со Спартаком, пожелали двинуться вперед и принять бой».

(Саллюстий, цитируемый в *d'Arbois de Jubainville*,  
1902, с. 213)

Возможно, отсутствие более ранних упоминаний связано с тем, что германцы жили далеко на севере, и римляне не имели с ними контактов. Или тем, что они неуклонно продвигались к югу, сгоняя со своих мест другие племена — например, гелветов в первой половине I в. до н.э. Или же они были теми, кого Посейдоний на-



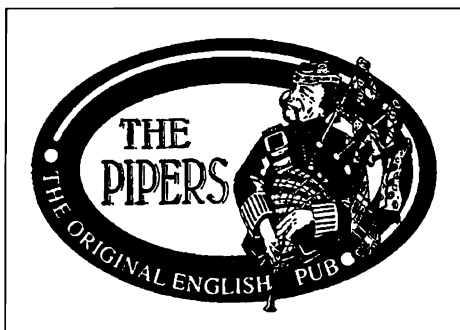
зывает галатами. Откуда происходили германцы Крикса? Были ли они вывезены с германских земель в результате работорговли? Тогда эта торговля, о которой археология не говорит почти ничего, должна была быть весьма значительной, учитывая число вовлеченных в восстание. На все эти вопросы исторические источники ответить не могут.

## Государства и народы

Со времен Цезаря и Страбона мы начинаем различать по именам и местам проживания отдельные племена. В современном языке термин «племя» подразумевает низкий уровень социальной организации, относящийся к далекому прошлому. Я предпочитаю термин «народы», хотя Цезарь и другие авторы чаще называют их *civitas* — в точном переводе «государство». Этот термин больше подходит к сложно организованным обществам Центральной Галлии вроде эдуев с их общинными фондами, выборными магистратами (вергобрематами) и собственным сенатом. Члены этих обществ связывали с ними свою идентичность: так, Помпей Трог считает себя членом «государства» воконтиев, а не галлов, хотя воконтии благодаря римскому завоеванию достигли более высокого уровня развития, чем другие племена галлов. Такой подход подтверждается множеством надписей и надгробий римского периода, где общий термин «кельт» не употребляется никогда, а термин «галл» — очень редко (Goudineau, 1998, с. 328).

Местонахождение этих государств Галлии довольно точно документировано не только по Цезарю и Страбону, но и потому, что многие из них позже стали римскими административными округами и упоминались в трудах таких географов, как Птолемей. На севере и западе Франции, где племенные имена применялись к административным центрам, они дожили до наших дней — Париж (*Parisii*), Аппас (*Atrebatas*), Трир (*Treveri*), Бурж (*Bituriges*). Хотя о точных границах расселения племен можно спорить, не вызывает сомнения, что доримские границы сохранялись в римский период в качестве административных, а позже превратились в границы средневековых епископств. Некоторые из этих границ известны по таким географическим названиям, как *Fain (fines)* или *Iguerande (aequeranda)*, а также по римским верстовым камням.

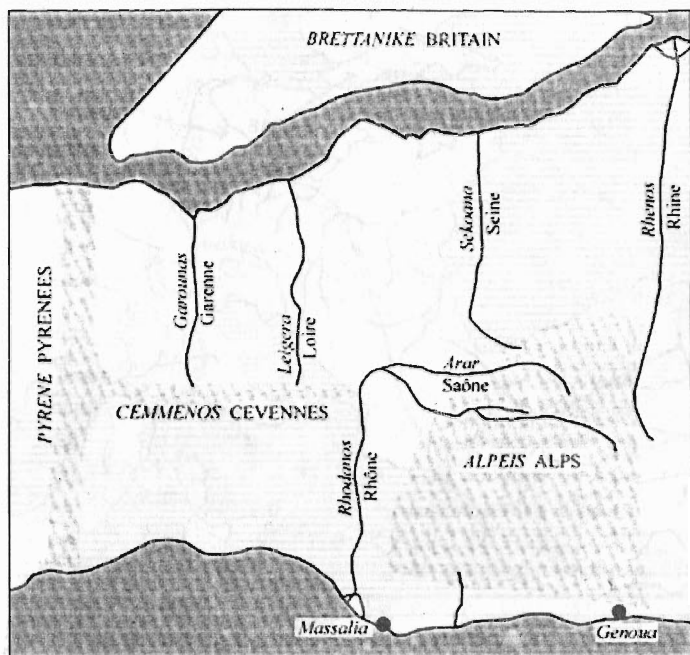




**49. Подставка под пивную кружку,  
привезенная из Аликанте (Испания) в 1999 г.  
Она демонстрирует, как восприятие извне (из Испании)  
контрастирует с восприятием изнутри (из Шотландии)**

Несмотря на общее стремление к большей точности, необходимо проследить, как отдельные авторы употребляют термины «галльский» и «кельтский». С одной стороны, мы видим Цезаря, для которого кельты — отдельная группа галлов, живущая на определенной территории, ограниченной морем и реками. С другой стороны, Эфор, живший в III в. до н.э., употребляет это слово как общий термин для всех варваров Западной Европы. Для него весь мир за пределами Средиземноморья заселен четырьмя народами — кельтами на западе, скифами на севере, индийцами на востоке и эфиопами на юге. Точно так же европейцы решили, что вся Америка населена «индейцами». В локализации кельтов нам нужно избегать такого общего подхода и выделять из описания Эфора кельтов, басков, бриттов, германцев и, возможно, другие, ныне исчезнувшие народы.

Следует также помнить, что кроме случаев Помпея Трога, Марциала и Сидония Аполлинария мы имеем дело с мнением чужеземцев, хотя такие римские авторы, как Плиний и Тацит, происходили из Северной Италии или Южной Галлии, населенных кельтскими народами, и, вполне возможно, сами имели галльские корни. Извне вполне естественно объединять какие-либо народы в группы, о которых представители самих этих народов не имеют понятия. Другое обычное явление — наименование всей группы по имени одной из ее составных частей, как правило, ближайшей. Так римляне называли эллинов «греками», а французы немцев (которые сами называют себя «дойч») — аллеманами в честь племени,



### 50. Представление о галлах у Страбона.

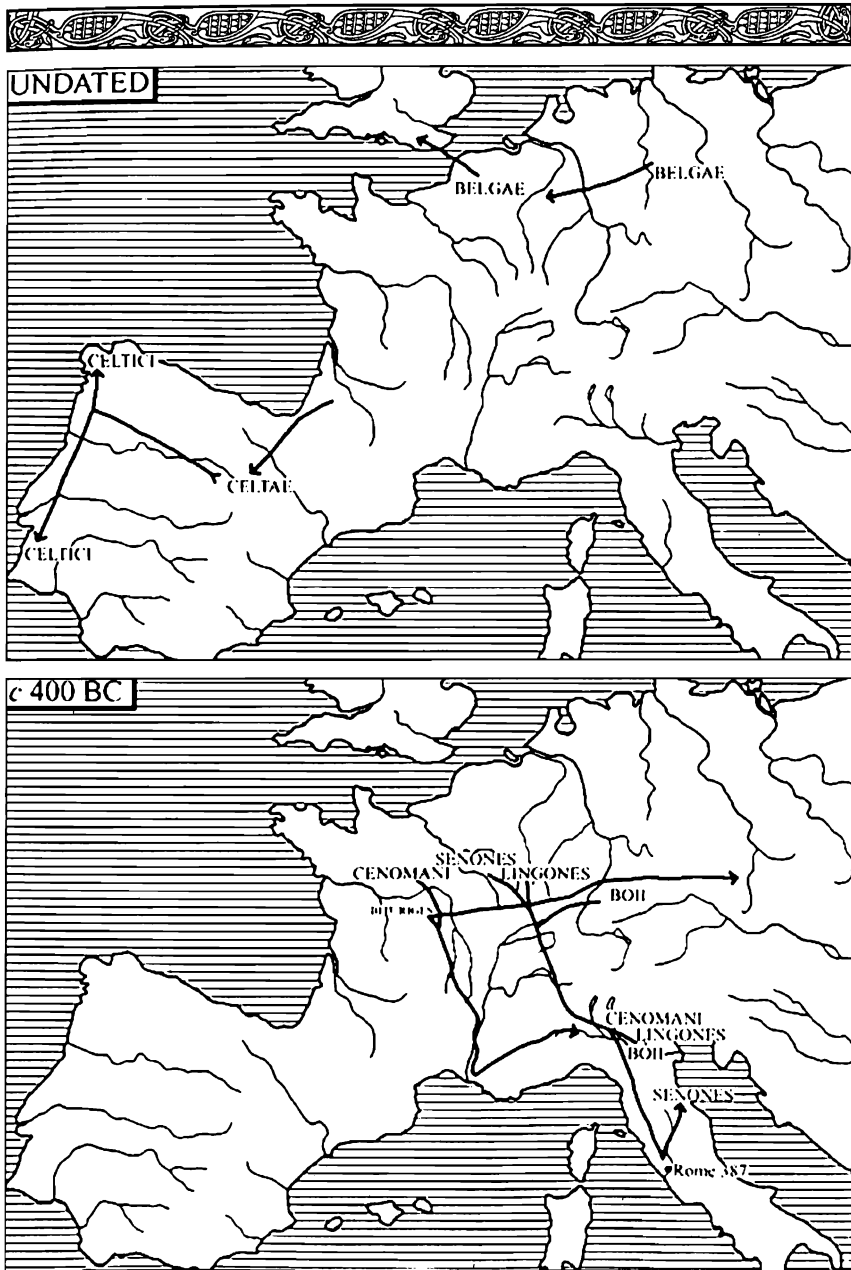
Надписи на карте: Пиренеи, Гаронна, Луара, Севенны, Рона, Массалия, Сона, Сена, Британия, Альпы, Генуя, Рейн

жившего на юго-западе Германии в III в. н.э. На континенте до сих пор принято называть всех жителей Британских островов «англичанами». Как мы отмечали, Страбон предположил, что кельты получили имя от племени, жившего в районе Нарбонна, хотя мы встречаем это название только на западе Иберии (Celtici).

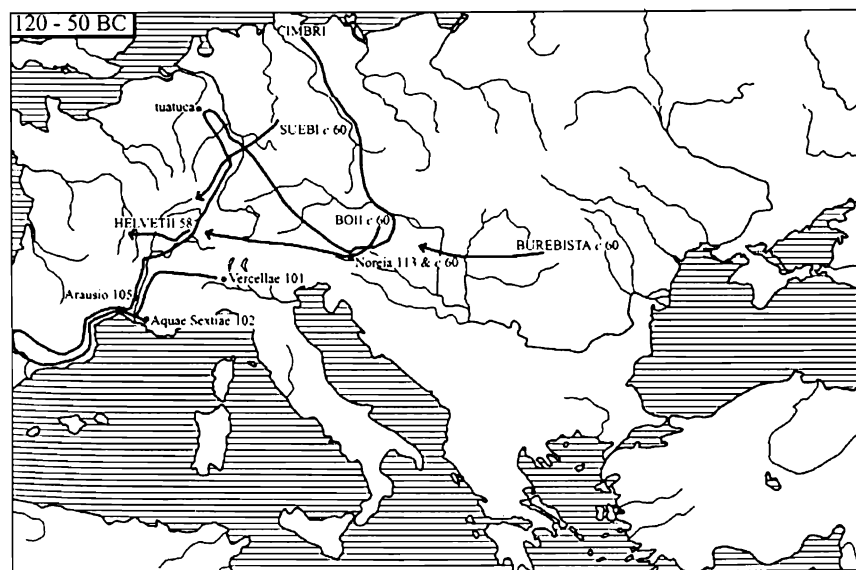
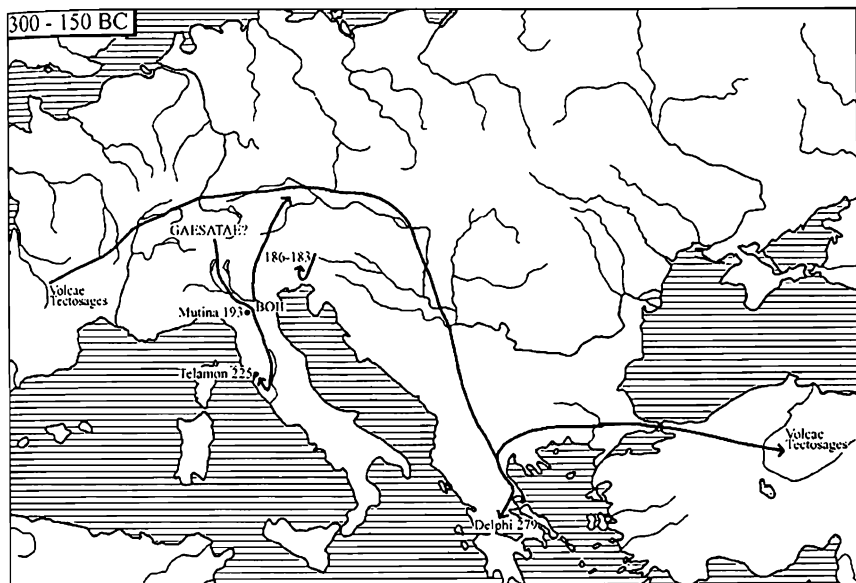
Наконец, следует помнить, что представления даже таких информированных авторов, как Страбон и Птолемей, о географии Европы были далеки от современных. В современной литературе, особенно немецкой, эти представления часто изображаются графически (рис. 50).

## Миграция и колонизация

Как показывают проанализированные нами карты, в конце I тысячелетия до н.э. миграции народов происходили довольно часто.



51. Недатированные и датированные временем около 400 г. до н.э. кельтские миграции, по данным античных источников. Надписи на карте: кельты, белги, сеноны, сеноманы, битуриги, лингоны, бойи, Рим



52. Кельтские и другие миграции, датированные временем с 300 до 50 г. до н.э., по данным античных источников. Надписи на картах: волки тектосаги, гезаты (?), Мутина, Теламон, бойи, Дельфы; Адуатука, кимвры, свевы, гельветы, Араузия, Аквы Секстиевы, Верцелли, Нория, Бурбиста



В этом разделе я хочу рассмотреть те из них, что хорошо документированы, а также те, что использовались древними авторами для объяснения похожести различных племенных групп (рис. 51, 52). Перемещение населения было частью римской пограничной политики; в период после завоевания Галлии два германских племени, сугамбры и убии, подверглись переселению с восточного на западный берег Рейна — отчасти для обеспечения защиты этих союзников Рима, отчасти для восполнения убыли населения в районах, пострадавших во время завоевания.

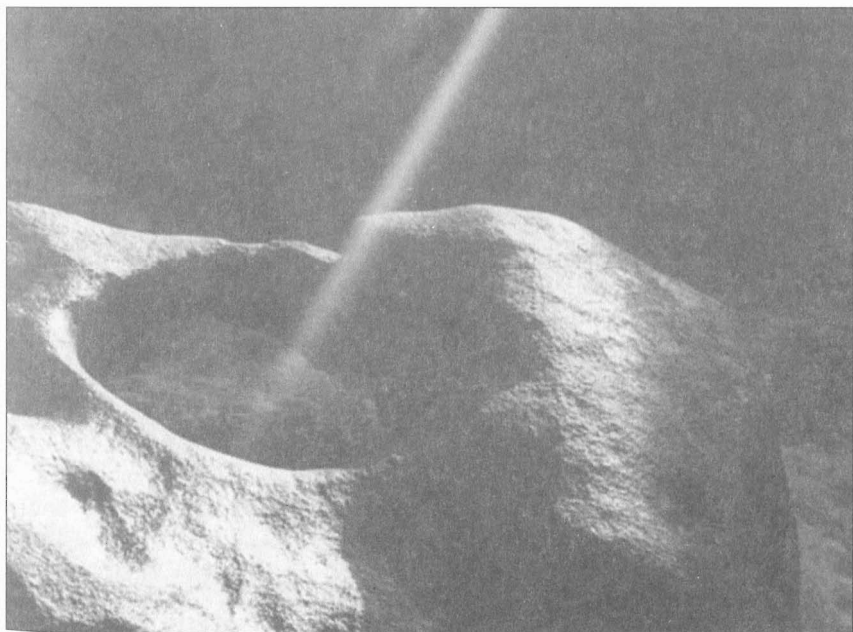
Во времена вторжения Цезаря в Галлию произошли два переселения народов. Первое охватило гельветов и их союзников — тулингов, латобригов, раураков и бойев (последние уже переселились с востока, спасаясь от завоевания даков), — всего, по данным Цезаря, 368 тысяч человек. Они планировали оставить свои земли в нынешней Швейцарии (Гельвеции) и перейти на территорию сантонов на юго-западе Галлии, минуя римскую провинцию Нарбоннская Галлия. Когда римляне отказали им в доступе и помешали перейти Рейн в районе Женевы, они двинулись на север, но были разбиты Цезарем к югу от Бибракте (Мон-Бовре). Их вынудили вернуться на родину, и только бойи расселились где-то в землях эдуев. Цезарь утверждает, что они подвергались натиску германцев с севера, но нигде не говорит, что они потеряли какие-либо территории. Однако Рейн к тому времени пересекли некоторые племена германцев — например свевы под предводительством Ариовиста, который вызвался помочь секванам в их борьбе с эдуями, а потом, согласно Цезарю, попытался стать правителем секванов. Цезарь говорит, что эдуй Дивитиак оценивал число свевов в 120 тысяч человек.

Цезарь упоминает два других перемещения населения, которые касаются белгов. Он считает белгов германцами, пришедшими из-за Рейна и изгнавшими коренное галльское население, и говорит также об их вторжении в Британию. Оба события он не датирует, хотя расселение белгов в Британии подтверждается наличием их племенных имен в Южной Англии. Это, например, *Venta Belgarum* (Винчестер) и *Calleva Atrebatum* (Силчестер), названная по имени племени атребатов.

До этого происходили миграции кимвров и тевтонов, последние из которых хорошо документированы сведениями историков о раз-



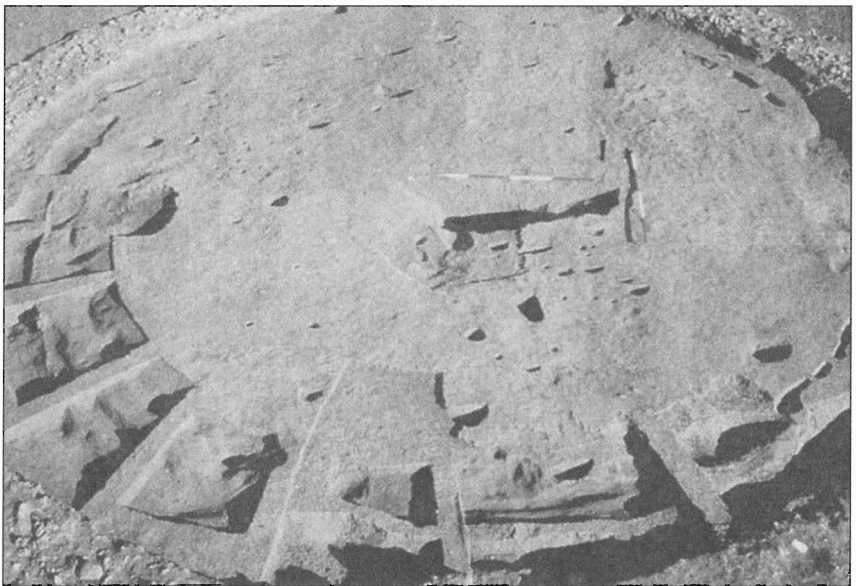
*«Гробница Оссиана». Неолитическое надгробие над долиной Ан.  
Графство Антрим, Ирландия*



*Камень друидов. Дартмур, Великобритания*



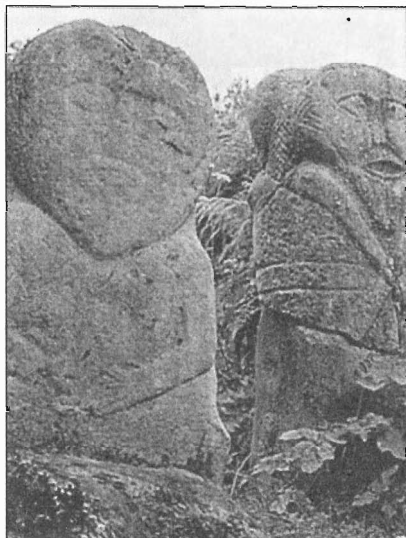
*Кельтское городище Мэйден Касл.  
Дорсет, Великобритания*



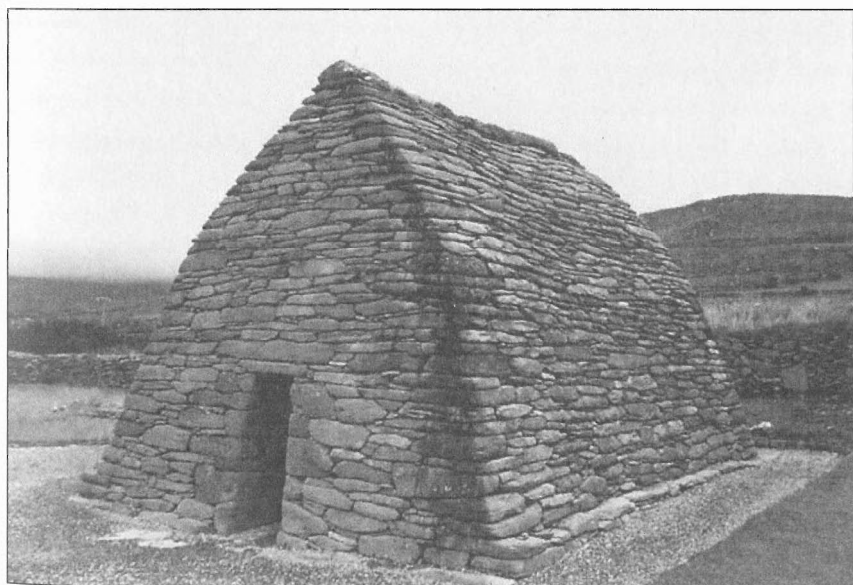
*Фундаменты кельтского храма на о. Хэйлин,  
Великобритания*



*Турский камень —  
сакральный кельтский камень  
плодородия. Латенская  
культура, Ирландия*



*Древнекельтские изваяния  
на о. Боа, Лох Эрне,  
графство Ферманах,  
Ирландия*

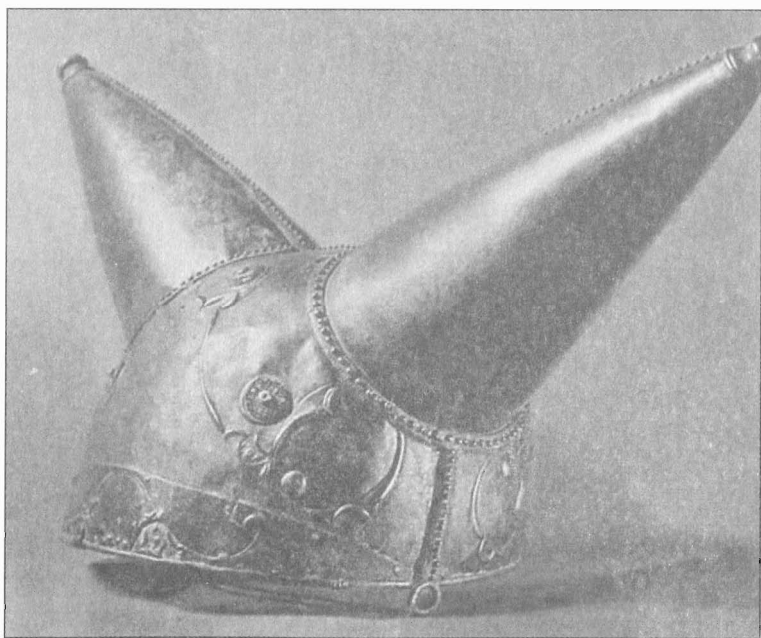


*Так выглядели древнекельтские жилища и некоторые храмы*

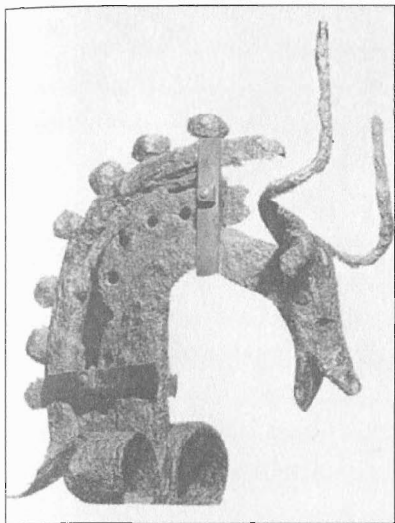




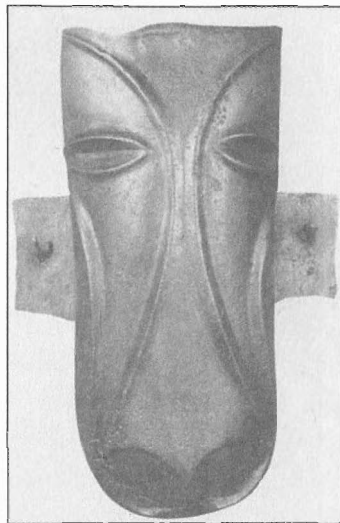
*Бронзовые кельтские шлемы*



*Кельтский рогатый шлем,  
найденный в Темзе у моста Ватерлоо*



*Наконечник железной подставки  
вертела в виде головы быка. Уэльс*



*Кельтская лошадиная маска  
из Стэнуика. Из селения  
племени бригантов,  
разрушенного римлянами*



*Сражение этрусков с галлами.  
Рельеф погребальной урны из Пьева, Италия*



*Вооруженный галл.  
Римская скульптура*



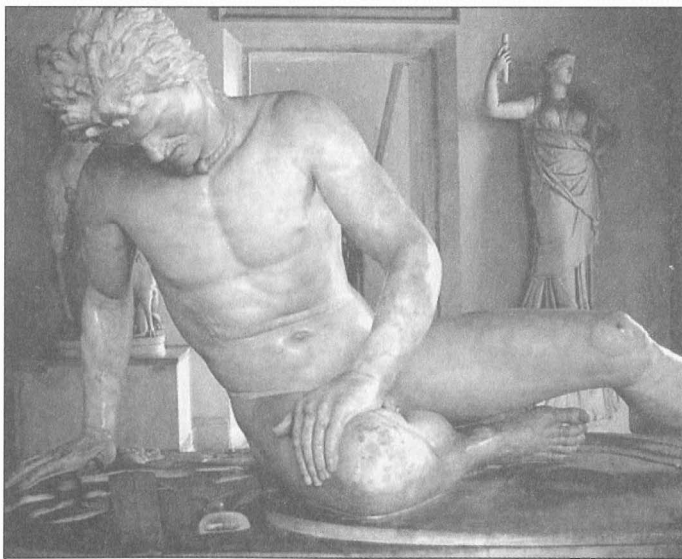
*Галльский пленник.  
Римская скульптура*



*Бронзовый крючок ремня  
из немецкого Тироля*



*Восточнокельтская голова  
из Мшецке-Жегровице,  
Чехия*



*Умиравший галл.  
Римская копия с утраченного оригинала*



*Изображение бога Нуада*



*Изображение солнечного бога,  
спутника богини Сулис*



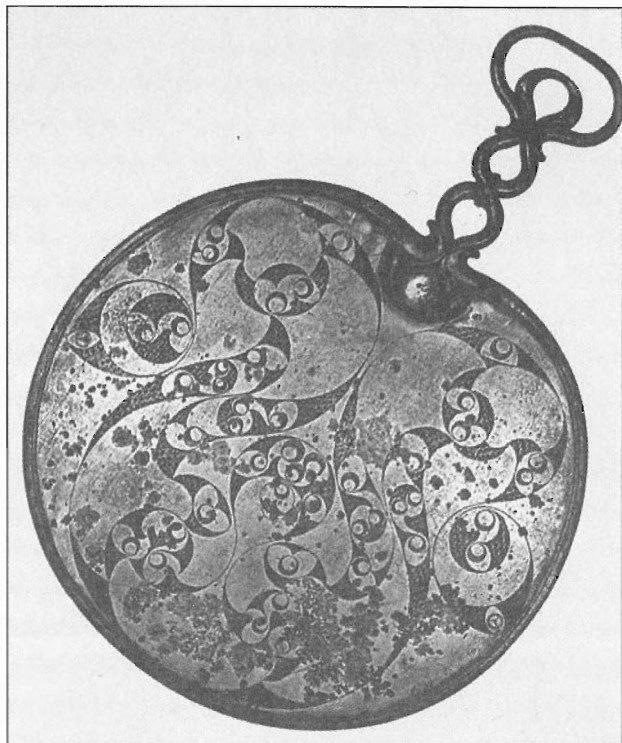
*Изображение рогатого бога Цернунна*



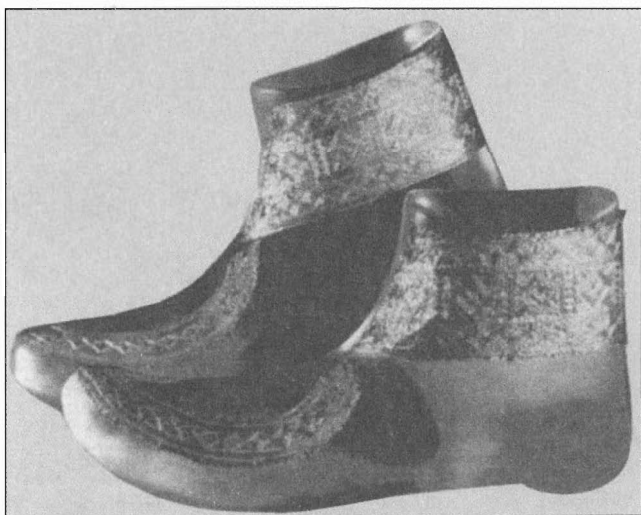
*Изображение богини Эпоны на коне*



*Изображение лошади, вырезанное на меловом холме*

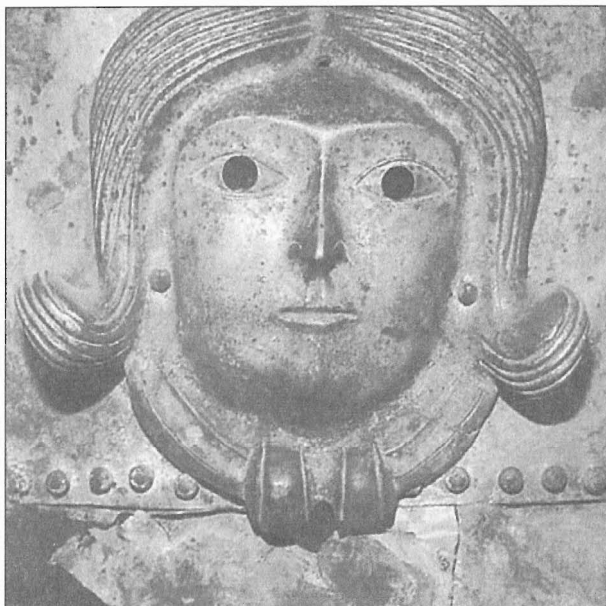


*Кельтское зеркало с витой ручкой из Десборо*

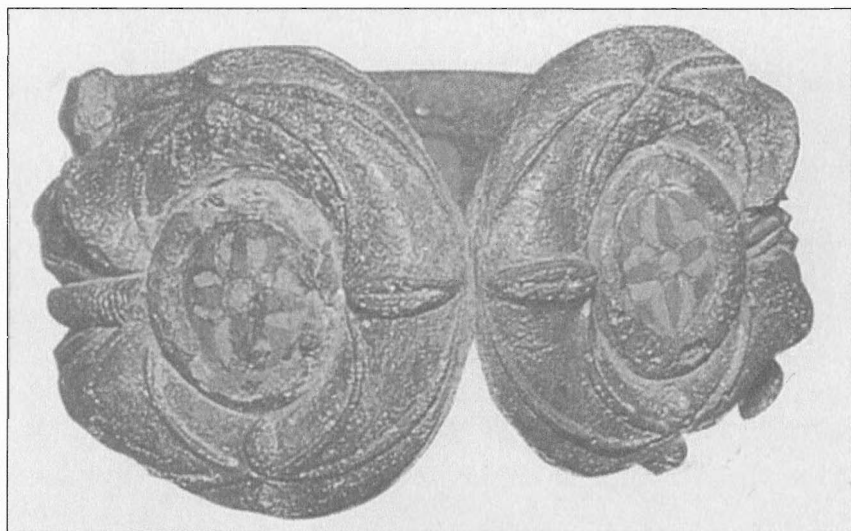


*Кельтская обувь*





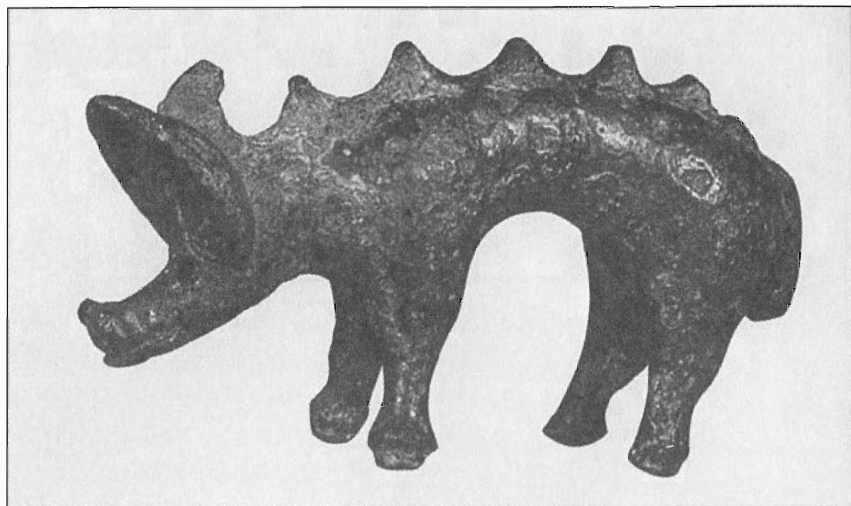
*Человеческая голова  
на большом ритуальном бронзовом котле  
из Ринкебю*



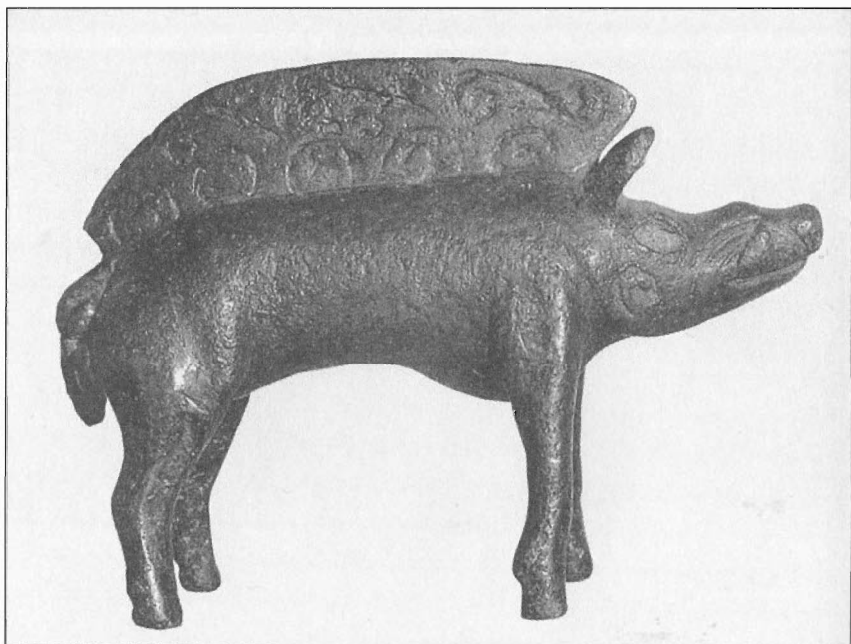
*Бронзовый кельтский наручник из Питкеллони.  
Тэйсайд, Шотландия*



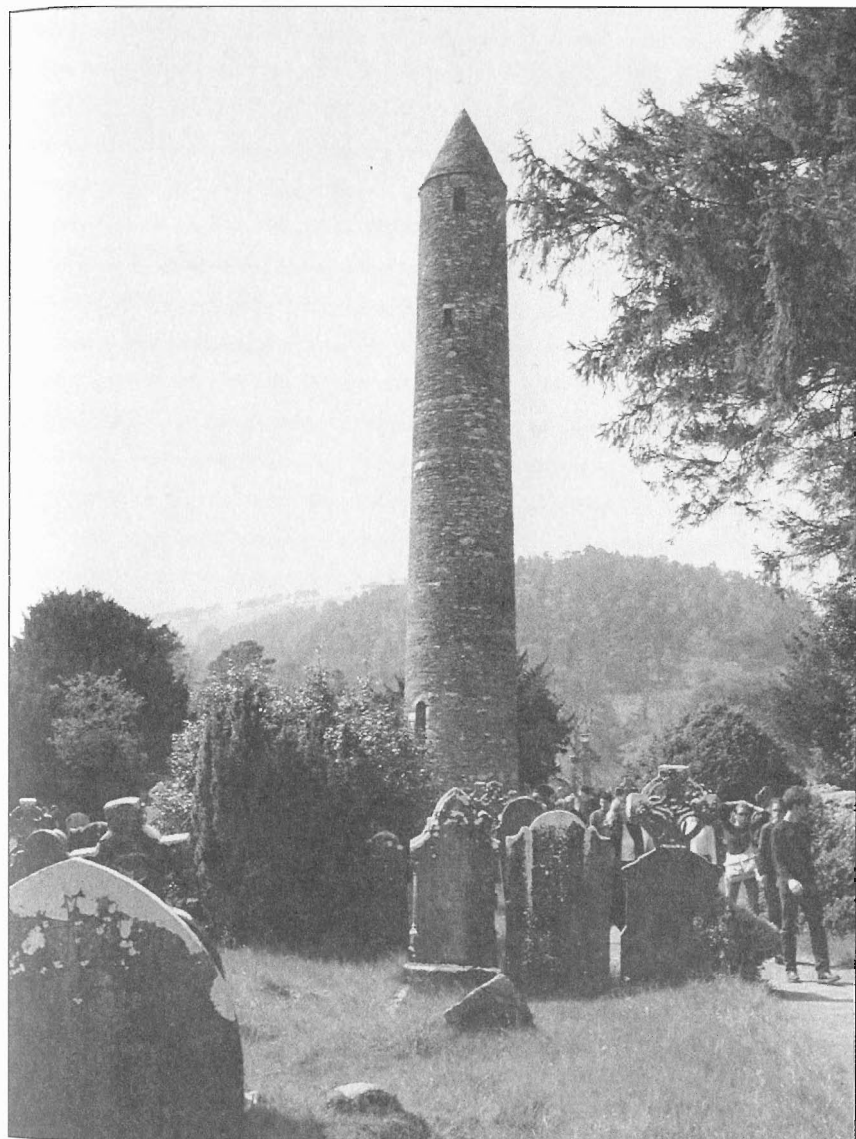
*Изображения на котле из Гундеструпа*



*Кельтская votивная фигурка вепря, Великобритания*



*Бронзовый вепрь. Венгрия*



*Круглая башня, Ирландия*



*Кельтский крест*



громе Марием тевтонов у Верцелл (Верчелли) в 102 г. до н.э. и кимвров в Аквах Секстиевых (Экс-ан-Прованс) в 101 г. до н.э. Последние вернулись из рейда на Испанию, о котором мы имеем только общие сведения, и до этого разбили римлян при Араузии (Оранж) в 105 г. до н.э. Кимвры к тому времени находились в пути уже несколько лет и в 114 г. до н.э. разбили римлян у Нории (вероятно, Магдаленсберг в Австрии) — в том самом районе, откуда их позже изгнали бойи. Вероятно, они атаковали также Северную Галлию, поскольку, по словам Цезаря, Критогнат рассказывал ему, что белги выдержали осаду кимвров, укрывшись в своих oppida. Цезарь добавляет, что адуатуки были потомками кимвров, оставшихся на севере Галлии, чтобы охранять награбленную добычу. Тацит («Германия») пишет о множестве укреплений вдоль берега Рейна, хотя, вероятно, значительная их часть представляла собой более ранние «оппидумы» вроде Кирхцартена (возле Фрайбурга в Брейсгау). Истинное происхождение тевтонов и их союзников амбронов неясно, но кимвры позже отмечены на юге Ютландии.

Во II и III вв. отмечены вторжения в Италию. В 186—183 гг. до н.э. группа кельтов перешла Карнийские Альпы, но была разбита и вернулась в Центральную Европу, хотя незадолго до того они начали строительство города недалеко от Аквилеи (Ливий, 39.22, 39.45). В 193 г. до н.э. бойи были разбиты при Мутине (Модене) и бежали за Альпы. Гезаты (не название племени, а категория воинов, которые в битве сражались обнаженными) пришли откуда-то из-за Альп и сыграли важную роль в битве при Теламоне в 225 г. до н.э.

В 279 г. до н.э. галаты совершили хорошо документированное нападение на Дельфы. Их происхождение неясно; возможно, они явились из венгерских степей, хотя большинство источников выводят их с границ Океана, то есть с крайнего запада Европы. На следующий год другая группа галатов появилась в Малой Азии, где после многих сражений поселилась вокруг Анкиры (Анкары) и основала государство Галатия. Позже оно стало римской провинцией, и апостол Павел написал послание к галатам. В конце V столетия святой Иероним отмечает, что этот народ все еще говорит на своем языке, похожем на язык жителей Трира. Они также имели связи с Южной Францией, поскольку одно из их племен, тектосаги, проживало там (а также на юге Германии). Помпей Трог упо-



минает о том, что сокровища, захваченные римлянами в 123 г. до н.э. в Толосе (Тулузе), происходили из Дельф.

Самое раннее из известных нам кельтских вторжений было нацелено на север Италии. Его датировка вызывает трудности. Полибий пишет о кельтах так:

«Первоначально кельты не только утвердили за собой эту область, но подчинили себе и многие соседние народы, наводя на них ужас своей отвагой. Некоторое время спустя кельты разбили римлян и союзников их в сражении, преследовали бегущих и через три дня после битвы овладели самим Римом, за исключением Капитолия».

*(Полибий, II, 18)*

Ранее он датировал нападение на Рим 19 г. после битвы при Эгоспотамах (405 г. до н.э.), что равняется 387 или 386 г. Таким образом, вторжение в Италию Полибий относит к концу V — началу IV вв. Ливий в отличие от него утверждает:

«Совершенно ясно, что осаждавшие Клузий не были первыми, кто перешел через Альпы. Ведь галлы пришли в Италию за двести лет до осады Клузия и взятия Рима; воинства же галльские сражались сперва не с этими этрусками, но еще много прежде они нередко сталкивались с теми из них, что жили между Апенниннами и Альпами».

*(Ливий, V.33.5—9)*

Далее он говорит:

«Вот что мы узнали о переходе галлов в Италию: когда в Риме царствовал Тарквиний Древний, высшая власть у кельтов, занимавших треть Галлии, принадлежала битуригам, которые давали кельтскому миру царя».

*(Ливий, V.34.1)*

Далее он пишет о том, как царь Амбигат, чтобы уменьшить численность населения Галлии, отослал две группы кельтов под началом своих племянников — Сеговеза в Герцинский лес (Централь-



ная Европа), а Белловеза через Альпы в Италию. Он повествует, как вторая группа помогла массалиотам прогнать салиев и основать Массалию (ок. 600 г. до н.э.).

О происхождении и маршруте этой группы он пишет:

«Он (Белловез) повел за собой всех, кому не хватало места среди своего народа, выбрав таких людей из битуригов, арвернов, сенонов, эдув, амбаров, карнутов и аулерков».

*(Ливий, V.34.5)*

«Они перешли Альпы по Тавринскому ущелью и долине Дури и разбили этрусков в сражении при реке Тицине. Узнав, что выбранное ими для поселения место называется Инсубрское поле, они сочли это благим предзнаменованием, поскольку инсубрами именуется одна из ветвей племени эдув. Они основали там город Медиолан».

*(Ливий, V.34.9)*

Далее он упоминает целую серию недатированных нашествий (Ливий, V.15):

«2. Кеноманы под началом Этитовия прошли тем же путем, расселившись вокруг Брешии и Вероны.

3. Либуи и саллувии поселились в районе Тичино.

4. Бойи и лингоны, пришедшие через Пенинский проход (Большой Сен-Бернар), заняли земли этрусков и умбров.

5. Наконец, сеноны захватили земли между реками Утенс и Эзис; они же, по словам Ливия, напали на Клузий и Рим».

О миграциях в Центральной Европе Ливий знает гораздо меньше, упоминая лишь Герцинский лес (Шварцвальд) как направление одной из них. Еще туманнее сведения об Испании. Вот упоминания о ней в хронологическом порядке:

«В древности иберы и кельты воевали друг с другом из-за этой страны, однако затем прекратили распри и стали проживать там совместно, заключая между собой браки, и вследствие смешения и получили такое название».

*(Диодор Сицилийский, 5.33)*





«Бероны, соседи конисков, живут к северу от кельтиберов; они также ведут свое происхождение от времен кельтского переселения».

*(Страбон, 3.4.12)*

«Марк Варрон отмечает, что иберийцы, персы, финикийцы, кельты и карфагеняне захватывали некогда всю Испанию».

*(Плиний, 3.1.8)*

«Кельтики, живущие вокруг мыса (Финистерр), общего происхождения с теми, кто живет у реки Анна (Гвадиана); говорят, что они вместе с турдетанами затеяли туда экспедицию, но вслед за пересечением реки Лимей (Лима) они перессорились и вдобавок потеряли своего вождя, поэтому они рассеялись и расселились в той области».

*(Страбон, 3.5.5)*

«Был при латинских войсках не знающий устали астур,  
Был и проворный веттон, и кельты, которые бросив  
Галлии старой поля, смешали с иберами род свой».

*(Лукан. Фарсалия, 4.1.9)*

«Очевидно, что кельтики вышли из Лузитании, от кельтиберов, как это следует из их религии, языка и названий их оппидумов в Бетике».

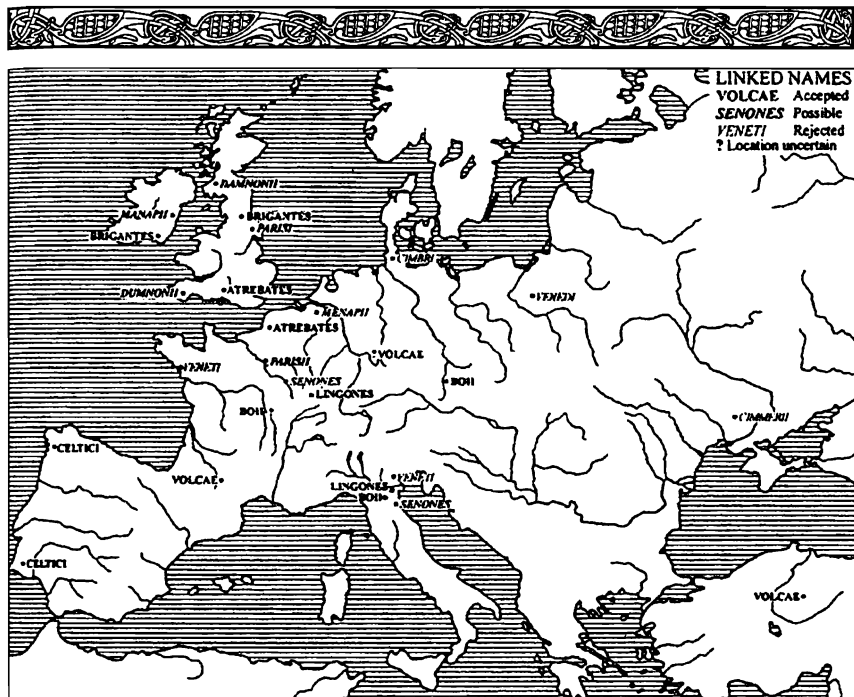
*(Плиний, 3.1.13)*

«Кроме того, я думаю, что когда-то кельты, пройдя через Пиренеи, смешались с местными жителями и так приобрели имя кельтиберов».

*(Аппиан, Испания, 2)*

«Кельтиберы произошли от кельтских галлов, и страна их зовется Кельтиберия. Имя кельтиберов произошло от соединения двух имен — от реки в Испании, на которой они поселились, и от галлов, которых называли кельтами».

*(Исидор Севильский, Этимологии, IX.2.113—114)*



### 53. Названия народов, связанных с кельтами.

Легенда: названия, общепринятые, вероятные, отвергнутые наукой, точное размещение неизвестно.

Надписи на карте: менапии, бриганты, думнонии, дамнонии, паризии, атребаты, менапии, венеты, паризии, сеноны, лингоны, бойи, вольки, кельтики, лингоны, бойи, сеноны, венеты, вольки, венеды, киммерийцы

Таким образом, все древние источники объясняют происхождение кельтиберов вторжением кельтов из Галлии, к чему Плиний добавляет, что кельтики юго-запада вышли из Кельтиберии и откололись от одноименного племени на северо-западе в результате ссоры. Никакой хронологии не приводится, кроме помещения кельтов в один временной контекст с финикийцами и карфагенянами. Варрон предполагает, что их вторжение совершилось в I тысячелетии до н.э. Все источники, включая Марциала, считают, что имя кельтиберов произошло от соединения кельтов с иберами, кроме Исидора, по мнению которого оно происходит от реки Эбро.



В дополнение к этим примерам движения населения античные авторы выдвигают предположения о родстве племен, основанные на схожести их имен. Мы уже упоминали о мнении Плиния, согласно которому кимвры были потомками киммерийцев. Он также предполагал связь между венетами Северной Италии и теми, которых Цезарь встретил в Арморике, но в итоге отверг ее на том основании, что первые говорили по-италийски, а вторые — по-кельтски. Тацит находит третий народ с тем же именем, который говорил, судя по всему, на германском или балтском языке и проживал на юго-восточном побережье Балтики. Подобные свидетельства могут хранить память о переселении народов, как, например, наличие атребатов по обеим сторонам Ла-Манша с упоминанием их вождя Коммия у Цезаря и на британских монетах (хотя эти монеты на 30 лет старше событий, описанных Цезарем). Мы уже упоминали о вольках-тектосагах в Малой Азии и на юге Франции, а Цезарь упоминает народ с тем же именем к востоку от Рейна. В других случаях идентичность имен менее вероятна — например, у сенонов Северной Галлии и сенонов или семнонов Северной Италии, чьи имена, несмотря на внешнее сходство, произносились по-разному — с долгой и краткой гласными. Д'Арбуа де Жюбенвилль предполагает, что название последних происходит не от галльского племени, а от реки Сена в Италии. Связаны ли паризии Северной Галлии и Йоркшира? Были ли бриганты племенем, расселенным по всему Западу, или это просто нарицательный термин? На рисунке 53 можно увидеть примеры похожих имен; некоторые из них история позволяет связать друг с другом, в отношении других можно лишь выдвигать предположения.

## Народы и государства

Между датой события и временем его письменной фиксации часто существует значительный временной разрыв, доходящий иногда до нескольких столетий. Например, Ливий сообщает нам о наиболее древних событиях из истории кельтских народов, но писал он об этом в I столетии до н.э., и даже Цезарь не всегда повествовал о современных ему событиях. Большинство известных



нам названий кельтских племен встречается в «Записках о галльской войне» Цезаря; между ним и Страбоном (конец I в. до н.э.) и Птолемеем (II в. н.э.) в Галлии произошли некоторые изменения — исчезли эбуроны, стёртые с лица земли тем же Цезарем, но появились убии (переселенные римлянами из-за Рейна) и катауны (во времена Цезаря они могли быть пагом, но позже превратились в полноправный *civitas*). Для нас важнее ранние упоминания племенных названий. Древнейшим современным упоминанием кельтского племени является имя гельветов, найденное археологами на глиняном черепке из Мантуи в Северной Италии и датированное приблизительно 300 г. до н.э. Древнейший письменный источник — Аполлодор Афинский, который около 144 до н.э. упоминал о договоре римлян с эдусиями (эдуями) и арвернами, «самыми воинственными из кельтских галатов». Дальше идет Полибий (205—123 гг. до н.э.), который упоминает не только племена Северной Италии и Испании, но и одно галльское племя ардиев (возможно, эдув), жившее на Роне. Он также пишет об аллоброгах в контексте перехода Ганнибала через Альпы в 218 г. до н.э., но другие племена остаются ему неизвестны. Арверны впервые появляются при описании римского завоевания Прованса в 125—123 гг. до н.э., но рассказ Посейдония о Луэрнии уводит их в середину II в. Более поздний источник, поэт Силий Италик (25—101 гг. н.э.), упоминает, что на сторону Ганнибала перешли вольки, трикастины и воконтии.

Таким образом, мы не можем проследить племенные имена до периода раньше II, в крайнем случае, III в. до н.э. Можно ли доверять Ливию, который в I в. перечисляет галльские племена V в. или еще более раннего периода? Он и Полибий сообщают нам имена народов, живших в Северной Италии, часть этих имен встречается также в Галлии, и мы вправе предположить, что они явились именно оттуда. При этом список Ливия включает имена, не встречающиеся больше нигде — например, либуи и саллувии. Это позволяет предположить, что он восходит к достаточно древним источникам, как и значение, которое он придает битуригам. В I в. этот народ не имел такого значения, несмотря на важность осады Аварика (Буржа) Цезарем; как будет сказано дальше, археология доказала, что в V в. влияние этого города было гораздо больше.



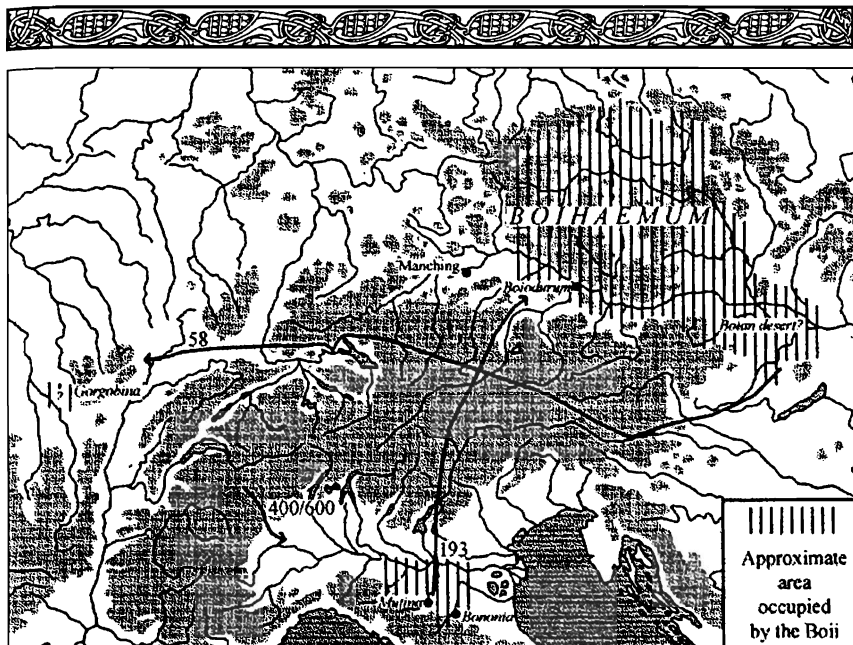
Если все эти племена действительно существовали в V в. трудно предположить причину, по которой они вдруг решили двинуться на юг из Северной Галлии или Южной Германии, особенно если Ливий прав относительно путей их движения. Логично предположить, что более ранние пришельцы происходят из Центральной Галлии, а поздние — например лингоны — из более северных районов. Главной проблемой остаются бойи, которые жили в Центральной Европе и должны были вначале перебраться на запад, чтобы потом двинуться на юг через Большой Сен-Бернар. Беатус Реан (1485—1547) первым заметил неувязку у Ливия, когда тот говорит о том, как первая волна переселенцев помогла массалиотам при основании их колонии, а потом перешла Тауринские и Юлийские Альпы. Последние находились в Австрии, что было явной нелепицей, и, хотя все манускрипты сохранили это прочтение, с XVIII в. его заменили на Дурийские Альпы, которые находятся на западе (d'Arbois de Jubainville 1902, с. 240—247).

Кроме того, мы знаем о случаях, когда вторгшиеся племена навязывали свои названия аборигенным группам — очевидно, так случилось с гельветами и вольками-тектосагами. Лучшее всего документировано передвижение бойев (рис. 54). Ливий включает их в северную группу, прошедшую через Большой Сен-Бернар, но их истинное происхождение нам неизвестно. В Италии различные источники помещают их вокруг Бононии (Болоньи), получившей от них свое имя. Они не раз воевали с римлянами, пока не были разбиты в 193 г. до н.э. при Мутине и, согласно Страбону, ушли через Альпы.

«Бойи, изгнанные из этих мест, переселились в земли по реке Истру и жили там вместе с тавриками, воюя с дакийцами, пока все их племя не было уничтожено; земли свои в Иллирии они оставили соседям на пастбища для овец».

*(Страбон, V.1.6)*

Страбон также писал, что в Центральной Европе бойи выдержали нападение кимбров, живших в то время в Герцинском лесу. И он, и Тацит упоминают о «пустыне бойев», возникшей в результате разгрома этого племени даками:



#### 54. Область расселения бойев.

Легенда: предполагаемая область расселения бойев.

Надписи на карте: Манхинг, Боюдурум, Горгобина, Мутина, Бонония, пустыня бойев (?), Богемия

«Таким образом, между Герцинским лесом и реками Рейном и Майном осели гелветы, еще дальше — бойи, причем оба племени — галлы. До сих пор эта местность носит название Бойгем, и в ней сохраняется память о давнем прошлом, хотя обитают в ней ныне совсем другие».

*(Тацит, Германия, 28)*

Это подводит нас к выводу, что территория бойев находилась ниже по Дунаю и соответствует названию Voiodurum, упомянутому Птолемеем и другими источниками, у нынешнего Инштадта-бай-Пассау. Современная Богемия (Чехия), также названная именем бойев, тоже, вероятно, была областью их расселения, хотя Страбон и Веллей Патеркул говорят о пребывании здесь в 8 г. до н.э. короля Маробода и его маркоманнов. В баварском Манхинге был найден черепок с нацарапанным на нем словом BOIOS (Rieckhoff and Biel, 2001, с. 220). Мы ничего не знаем о присут-



ствии боев в Галлии до Цезаря, когда они приняли участие в миграции гельветов (возможно, атаковав вначале Норрию, столицу Норика) и были поселены Цезарем на территории эдуев, в оппидуме Горгобина.

Хотя у нас нет свидетельств пребывания боев в Центральной Европе до II в. до н.э., в Галлии мы не видим их и в более позднее время. Объяснением этого факта можно считать то, что их родина находилась в нынешней Чехии, Баварии и Австрии, а возможно, следуя Тациту, и на севере до Майна. Затем они приняли участие в завоевании Италии, но сохранили связи с севером, куда и отступили через Альпы в 193 г. до н.э. Затем в 58 г. до н.э. они приняли участие в миграции гельветов, а их главная база в Центральной Европе была уничтожена даками и маркоманнами в конце того же столетия. Непонятно, однако, почему источники приписывают им такую большую территорию, на которой одновременно проживали другие народы. Таким образом, хотя бои остаются одной из лучше всего документированных племенных групп, их история по-прежнему полна загадок.

## **Родина кельтов**

Мы можем выделить две области, где кельты появились на протяжении второй половины I тысячелетия до н.э. — это долина По и Малая Азия. Известны также районы, где древние источники не упоминают никаких признаков кельтов (не считая предельно обобщенных свидетельств таких авторов, как Эфор) — это Великобритания с Ирландией, большая часть Средиземноморья, Северная Германия и Скандинавия. Имеются также области Центральной Европы, где не сохранилось сведений о раннем пребывании кельтов — это Венгрия, Чехия, Польша и часть Австрии. Таким образом, на роль изначального района проживания кельтов могут претендовать Южная Германия, Швейцария, центр и восток Франции и, возможно, часть Испании.

Следует вспомнить, что существует три теории размещения кельтов в V в., которым я дал имя «интерпретации 1» (центр и север Франции), «интерпретации 2», принятой большинством современных ученых (север Франции и юг Германии) и «интерпретации 3» (север Франции, юг Германии и Чехия). От того, какую



из них мы примем, зависит решение вопроса, в какой степени латенскую культуру и искусство можно уравнивать с понятием «кельтского». Обычно, говоря о расселении кельтов, современные авторы начинают с древнейших источников, самых неинформированных и ненадежных. Будет логичнее начать с поздних авторов и постепенно двигаться в глубь веков.

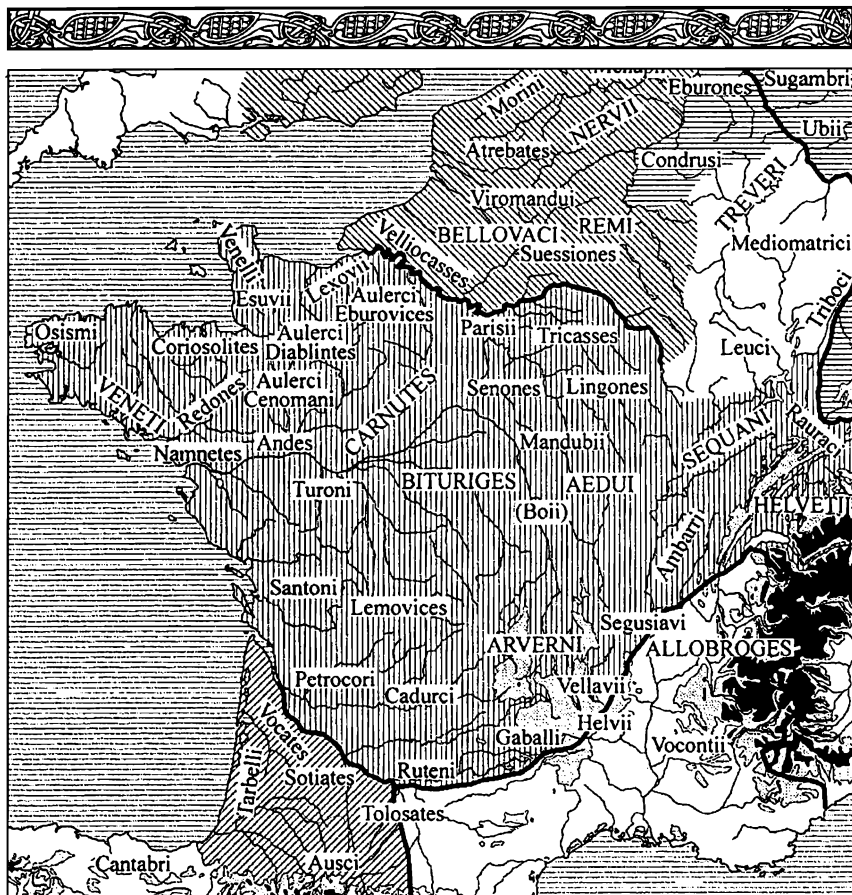
Логично также использовать в вопросе о расселении кельтов мнение самих кельтов, но на этот счет имеется только два поздних источника, которые сами испытали влияние классической традиции. Первый из них написан в I в. поэтом Марциалом из города Биллибис возле современного Калатаюда в Испании — будучи кельтибером, он считал себя наполовину кельтом, наполовину ибером. Вторым был Сидоний Аполинарий, писавший в середине V в. н.э. и принадлежавший к народности арвернов в Центральной Галлии. Мнение этого последнего совпадает со словами Цезаря, утверждавшего, что кельтами называют себя жители центра Галлии. Вот что он пишет о разделении этой страны (рис. 55):

«Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут белги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна (Гаронна), а от белгов — Матрона и Секвана (Марна и Сена)... Та часть, которую, как мы сказали, занимают галлы, начинается у реки Родана (Роны), и ее границами служат река Гарумна, Океан и страна белгов, но со стороны секванов и гельветов она примыкает также к реке Рейну. Она тянется к северу. Страна белгов начинается у самой дальней границы Галлии и доходит до нижнего Рейна. Она обращена на северо-восток. Аквитания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию. Она лежит на северо-западе».

*(Цезарь, Записки о Галльской войне, 1.1.1)*

Это классическое определение «Косматой Галлии» (*Gallia comata*); недавно Кристиан Гудино предположил, что это понятие изобрел именно Цезарь. До него стандартным термином для этой части Европы была *Gallia Transalpina*, «Галлия за Альпами», но оно никогда не соответствовало своему смыслу. Например,





1. Celtae / Galli    3. Germani    5. Aquitani    7. Belgae  
 2. Not stated    4. Major division    6. Andes Important state    8. AEDUI Dominant state

### 55. Расселение галлов и их этнические группы, по данным Цезаря.

Легенда: 1 — кельты/галлы; 2 — не установлено; 3 — германцы;  
 4 — лавные разделения; 5 — аквитаны; 6 — значительные народы;  
 7 — белги; 8 — доминирующие народы

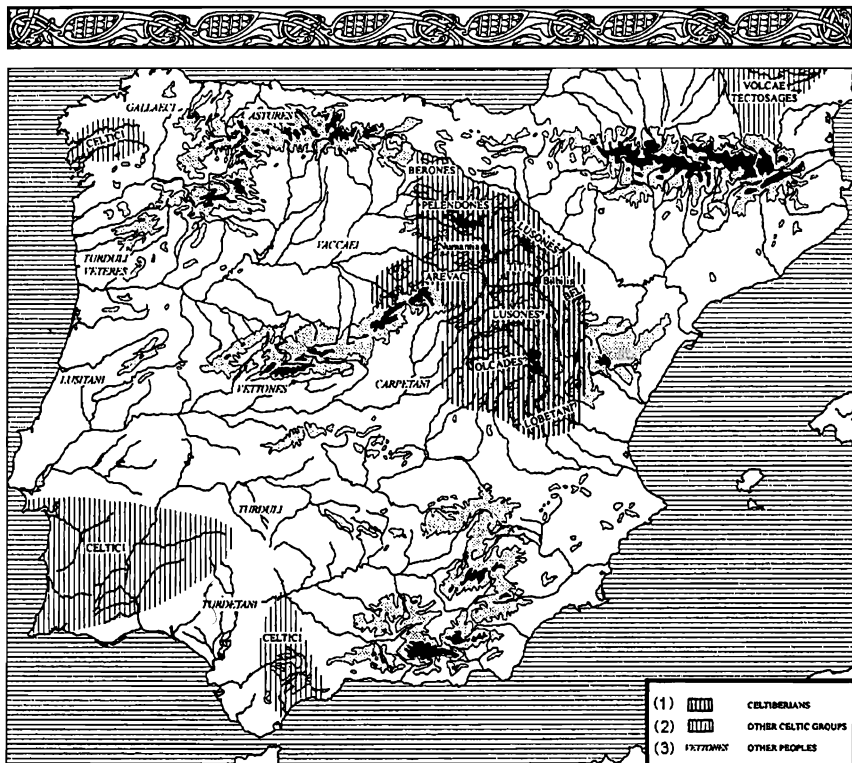
Нарбоннская Галлия не входила в описание Цезаря, хотя находилась за Альпами и лежала за границами римских земель. Спорными были и границы на северо-западе между Марной и Рейном: куда, например, относились треверы? Была ли Арморика частью Кельтской Галлии или самостоятельной областью? Кроме того, были гер-



манцы за Рейном (хотя некоторые из них, как мы видим, жили к западу от этой реки) и бритты за Ла-Маншем, часть которых, впрочем, была белгами. Страбон мало помогает ответить на эти вопросы, поскольку во многом зависит от Цезаря и следует за административным делением времен Августа, по которому арверны, жившие в центре Галлии, входили в состав Аквитании. Как показал Гудино (1998), эти границы основывались на географических представлениях древности о четырех реках, впадающих в Океан (Гаронна, Луара, Сена и Рейн) и стремлении уравнивать размер новых провинций (Аквитания казалась римским чиновникам слишком маленькой, и ее увеличили путем прибавления арвернов).

Источники III и II вв. до н.э. сосредоточены главным образом на активности галатов в Малой Азии, Греции и недолговечном Тилисском царстве на Балканах, их нападениях на Ольвию, Херсонес и Дельфы. Царство Галатия было основано через год после атаки на Дельфы, в 278 г. до н.э., и существовало вплоть до византийского периода. Главные источники для этих событий — Полибий и Павсаний, а также стихи и надписи, собранные тем же Павсанием. Из всех этих источников ясно, что галаты пришли в регион извне, из Центральной или Западной Европы; источники того времени говорят, что они пришли с крайнего запада, близкого к Океану (в «Гимне Делосу» Каллимаха и у Иеронима Кардийского, которого цитирует Павсаний, 1.3.6).

Источники для Центральной Европы очень фрагментарны, но, похоже, этническая картина там была такой же пестрой, как и сегодня. Геродот упоминает сигиннов, народ всадников, обитавший где-то в восточной Венгрии и связанный со скифами Причерноморья. В этом регионе жили также фракийцы и иллирийцы. Только у Посейдония в конце II в. мы встречаем первое упоминание здесь кельтских народов — скордисков, таврисков и бойев, которые в 113 г. отразили атаку кимвров. Все они позже названы кельтами у Страбона (VII.3.2). Скордиски жили вокруг Белграда (Сингидун), но Посейдоний упоминает их также в Тилисском царстве, откуда они были изгнаны в III в. до н.э. (Афиней 233—234 гг.). О боях мы уже говорили — их можно примерно разместить в Чехии и прилегающих районах Баварии, а впервые они упоминаются в 192 г. до н.э., когда их изгнали из Италии после битвы при Мутине. О таврисках впервые упоминает Плиний (III, 133);



**56. Кельты и связанные с ними народы Иберии, по данным Страбона. Легенда: 1 — кельтиберы; 2 — другие кельтские народности; 3 — другие народы**

они создали королевство Норик в Южной Австрии со столицей Нория. Приходится отвергнуть отождествление Нории с кельтским городом Ниракс у Гекатея — Нория у нынешнего города Магдаленсберг была основана не раньше II в. до н.э. Иногда утверждают, что прежде она называлась Вирунум, но на самом деле так назывался ее преемник, римский город на месте нынешнего Цольфельда. Признано, что все эти народы прибыли туда в IV—III вв. в рамках экспансии кельтов в направлении Герцинского леса, упомянутой Ливием или, в случае скордисков, в рамках вторжения в Грецию в 279 г. до н.э. Древние источники не приводят дат, к тому же позже хотя бы часть бойев и таврисков могла вернуться.

Южная Германия также создает множество проблем, поскольку уже во времена Страбона и Птолемея она была заселена таки-



ми германскими племенами, как винделики. Цезарь говорит, что часть Герцинского леса была занята вольками-тектосагами, расселившимися к востоку от Рейна (VII.24), но не приводит никаких деталей. Он же упоминает бойев, напавших на Норик (I,5) и примкнувших к гельветам в их прерванном походе в Западную Галлию. Тацит упоминает о гельветах между Рейном и Майном, где они заменили бойев («Германия», 28); позже этот район называли *Agri Decumates*, «ничейной землей», что говорит о каких-то событиях, приведших к исчезновению местного населения. Размер территории, приписанной этим народам, особенно бойям, гораздо больше, чем у галльских племен, что говорит о недостаточных знаниях древних авторов. Проблему Геродота и истоков Дуная я собираюсь обсудить ниже.

Картина для Северной Италии намного проще, поскольку мы имеем документальные свидетельства хотя бы о позднем этапе кельтского расселения. Типовая история гласит, что кельты вторглись в страну около 400 г. до н.э., захватили Мельпу в 396 г. (по Корнелию Непоту, это случилось в тот же день, когда римляне взяли Веий) и напали на Рим (в 390 г. по римским записям, в 387 г. по Полибию). После этого они расселились в долине По от Милана до Анконы на Адриатике. Порядок расселения с запада на восток был таким: левы (хотя Ливий считает их лигурами), либуи или лебекии, инсубры, кеноманы, анары, бойи, лингоны и сеноны. В конце III — начале II в. после вторжения Ганнибала галлы были разбиты и изгнаны римлянами, хотя сохранилось немало свидетельств их продолжающегося присутствия, и весь этот район был назван Цизальпинской Галлией.

Главной проблемой остается дата первого галльского вторжения в Италию. С 1830-х гг. ученые не доверяют дате Ливия — 600 г. до н.э. Во-первых, ее отвергал Полибий, который писал раньше Ливия, — он сообщает, что взятие Рима произошло «немного позже» начала вторжения (III.18). Во-вторых, Полибий и другие авторы говорят, что еще в V в. долина По оставалась под этрусским контролем (II.17). Другие народы Северной Италии часто сравнивались с галлами. Тот же Полибий пишет, что венеты напоминают кельтов по обычаям и платью, но отличаются по языку (их язык древние авторы считали «италийским»). Умбров Марк Антоний Гниф отнес к «древним галлам», хотя они тоже говори-



ли на италийском наречии. Полибий считал этрусков соседями кельтов, которых он помещал к северу от Альп согласно своему представлению о том, что Рона протекает именно там и имеет свой исток у Адриатики. Появление кельтских языков могло предшествовать появлению самих кельтов — надпись VI в. на лепонтийском языке, найденная в долине Тичино, напоминает кельтские. Имя инсубров принадлежало одному из племен (возможно, лигурийских) в районе Милана, именно поэтому там поселилось племя пришельцев, также называвших себя инсубрами.

Ситуация в Испании менее ясна. Главная информация о размещении народов здесь исходит из тех же источников — Птолемея, Плиния и Страбона. Однако они далеко не всегда проясняют этническую принадлежность тех или иных народов. На востоке и юге жили неиндоевропейские иберийцы, на севере — васконы, вероятно, предки современных басков. Страбон писал, что кельтиберы разделены на четыре группы, из которых он назвал две: ареваков (с городами Нуманция, Сегеда и Паллантия) и лузонов; он также причислил Сегобригу и Биллибис к кельтиберским городам (Страбон, 3.4.12—13). Он выводит происхождение кельтиберов от миграции, в которой приняли участие также бероны из Галлии; он говорит также, что когда-то они назывались кельтами и владели страной до прихода карфагенян (3.4.5). Страбон добавляет, что реки Ана (Гвадиана) и Тагос (Тахо) текут через Кельтиберию, а Дуриос (Дуэро) и Бетис (Гвадалквивир) берут в ней свое начало, что позволяет представить границы Кельтиберии, включающей весь центр Испании (рис. 56). Страбон упоминает еще одну группу кельтского происхождения — кельтиков, чье имя можно считать скорее генетическим, чем племенным. Их главная часть жила на юго-западе между Гвадианой и Тахо (3.1.6), в городах Конисторгис (3.2.3) и Пакс Августа (3.2.15). Другая часть, поменьше, обосновалась на северо-западе, у полуострова Нерион (Финистерр). Страбон отмечает, что они тесно связаны и имеют общее происхождение.

Галлия — самая документированная из кельтских областей Европы, детальная информация о которой охватывает период с I в. до н.э. до II в. н.э. Ее дают Цезарь, Птолемей, Страбон, которые вместе с данными топонимики и границами средневековых диоцезов дают возможность реконструировать доримские политичес-



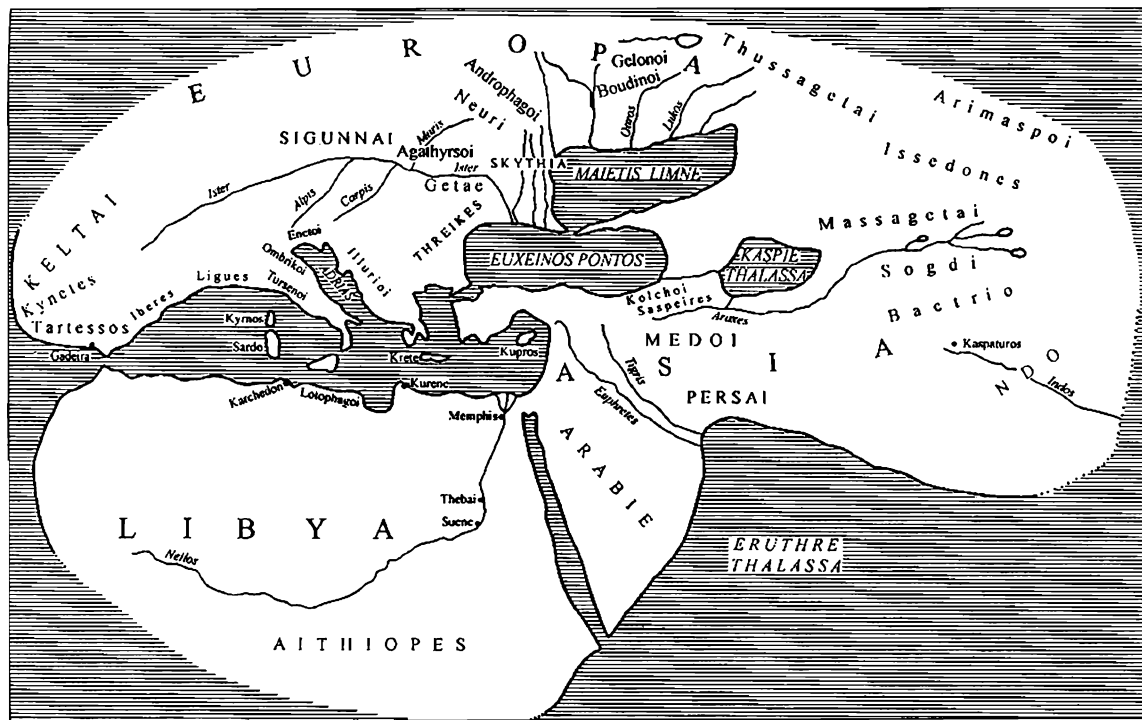
кие границы, особенно в племенных *civitates* северной и центральной Франции (рис. 55). Возможно также проследить главные изменения, вызванные римским завоеванием. Они, в частности, были связаны с проведением провинциальных границ во время реформы Августа, обусловленным скорее административными целями, чем этническим составом населения. Аквитания сильно расширилась за счет Кельтики (*Gallia Lugdunensis*), как и Белгика, включившая земли гельветов, секванов, лингонов и левков, а позже и две Германии, созданные после завоевания земель за Рейном. Некоторые *civitates* исчезли — в первую очередь, эбуроны, которых Цезарь подверг децимации. В то же время создавались новые, большие *civitates* (битуриги, трикасси, сальванекты) разделились на несколько частей, а эбуронов сменили сугамбры и убии, переселенные из-за Рейна. В Нарбоннской Галлии множество мелких городских общин объединились в более крупные. Примерно в то же время иберийские и лигурийские сообщества, частично эллинизированные, подверглись воздействию римской культуры и позднее растворились в ней.

Более ранние изменения не так легко выявить. На юге ранние источники, особенно «Перипл массалиотов», датированный IV в. до н.э., отмечают лигуров на востоке и иберов на западе с границей по Роне. Некоторые авторы утверждают, что Массалия была основана на землях лигуров. Однако во II или даже III в. в этом районе возникает кельтское присутствие в виде поселений вольков-тектосагов вокруг Тулузы и вольков-арекомиев вокруг Нима. Полибий, повествуя о продвижении карфагенской армии под командованием Ганнибала через Южную Галлию, не упоминает ни иберов, ни лигуров, ни даже греков, но только кельтов. Тьерри и д'Арбуа де Жюбенвилль видят в этом свидетельство кельтского завоевания этой территории в III в., но ни один автор не говорит о войнах на юге Галлии, не считая постоянных конфликтов между Массалией и ее соседями. Страбон считает, что кельты жили в этих местах давно, и тектосаги, вторгнувшись в Малую Азию, пришли именно оттуда, хотя, по его мнению, кельты контролировали только побережье, не углубляясь в предгорья Севенн. Археологические находки, о которых пойдет речь в главе 8, отмечают здесь смешанное население, но после римских реформ почти все местные *civitates* получили кельтские имена.



Дальше к северу возникает вопрос о дате возникновения племенных союзов, или *civitates*, впервые упомянутых Цезарем. Современные свидетельства начинаются со II в., когда Аполлодор Афинский, писавший около 138 г. до н.э., впервые упомянул эдуев и арвернов. Через некоторое время Полибий вспомнил ардиев (возможно, тех же эдуев) и аллоброгов к северу от Альп в контексте перехода Ганнибала через Альпы в 217 г. до н.э. Разгром армии арвернского царя Битуита римлянами в 123 г. до н.э. показал, что в то время арверны обладали большой силой и организованностью, как и уходящая в середину того же столетия история Луэрния, отца Битуита. До этого мы находим только черепок из Мантуи с упоминанием гелветов, датированный началом III в. Так можем ли мы верить Ливию, который в конце I в. вспоминает имена галльских народов V в. (или VII по его летосчислению)? Его правдивость подтверждают названия племен, пришедших в Италию, — кеноманы, лингоны, бойи и, возможно, сеноны. Это, конечно, не значит, что эти народы жили в то время там же, где их нашел Цезарь четыре века спустя, хотя нет и свидетельств, что они жили в других местах — их имена неизвестны за пределами Галлии. Политический контекст Ливия, давно забытый в его время (например, значение, которое он придает битуригам), также говорит о том, что он располагал источниками, не дошедшими до нас. Однако его свидетельства полностью противоречат общепринятой теории происхождения и расселения кельтов времен Латена. Как мы увидим дальше, данные археологии согласуются с Ливием.

IV—III вв. до н.э. в Галлии документированы крайне плохо — от этого периода остались лишь свидетельства греческих авторов, плохо знакомых с делами Запада. Лучший источник — Пифей из Массалии (писал ок. 310 г. до н.э.), который плавал в Британию, на «Претанские острова», но о кельтах сообщает только то, что Британия лежит к северу от Кельтики. Тимей (352—256 гг. до н.э.) говорит, что кельты живут рядом с Океаном (в передаче Диодора Сицилийского), и что реки Кельтики впадают в него (цитируется Павсанием в его «Философских речах», III, 17, 4). Такие греческие литераторы, как Каллимах (писал ок. 285—247 гг. до н.э.) и Иероним из Кардии (ок. 370—270 гг. до н.э.), сообщали, что галаты пришли с дальнего запада, где они жили у преде-



57. Представление о мире у Геродота (ок. 430 г. до н.э.)





лов Океана. Все эти источники подтверждают, что в начале III в. кельты жили, по крайней мере, на Атлантическом побережье и в Центральной Галлии. Для IV в. главным источником сведений о кельтах является Аристотель, но он ничего не сообщает об их местоположении, а его слабое знание Западной Европы доказывается утверждением, что истоки Дуная находятся в Пиренеях (Метеорологика, I, 13, 19, 20). Это незнание разделял и его ученик Гераклид Понтийский, считавший Рим греческим приморским городом, страдающим от набегов гиперборейцев (d'Arbois de Jubainville 1902, с. 52).

Это возвращает нас к более ранним свидетельствам о кельтах, относящимся к VI и V вв. — трудам Геродота, Гекатея и Гимилькона. Геродот, писавший около 440—430 гг., сообщал, что кельты были соседями кинезиев (кинетов), самого западного народа Европы (рис. 57). Еще в I столетии до н.э. большинство географов думали, что Иберия лежит на той же широте, что Галлия, и что Пиренеи тянутся с севера на юг, так что это могло относиться как к Испании, так и к Галлии. Во-вторых, он говорит, что, пройдя через Геркулесовы столбы, мореплаватель окажется в землях кельтов. Он не упоминает Пиренеев, так что речь тоже может идти о побережье Иберии или Галлии. Однако большинство ученых считают это свидетельством того, что кельты к середине V в. утвердились на Пиренейском полуострове. Следующее по времени свидетельство об Испании исходит от Эрастофена (ок. 275—195 гг. до н.э.), который пишет, что кельты занимают побережье Испании до Кадиса на юге (цитируется у Страбона, II, 4, 4).

Третье утверждение Геродота, повторенное дважды, гласит, что истоки Дуная находятся в земле кельтов, «возле города Пирены». Есть два возможных объяснения этой фразы. Во-первых, Геродот мог знать, что истоки Дуная находятся в Южной Германии, а Пирена — имя важного кельтского поселения наподобие Гейнеберга. Сторонники этой теории приводят доказательства того, что греки не только торговали с Гейнебергом и другими городами кельтов, но и приносили туда свои архитектурные традиции, вроде высушенных на солнце кирпичей и укрепленных башен. Поэтому они хорошо знали эту область и не могли ошибаться относительно ее географии. В доказательство этого приводят историю о плавании аргонатов через центральные районы Европы.



Концепция географии западного мира, изложенная Геродотом, гласит, что Европа и Африка (Ливия) отражаются друг в друге — каждая имеет большую реку, текущую с запада на восток через центр континента. В Европе это Дунай, а в Африке — Нил. Как Аристотель, Геродот мог верить, что истоки Дуная лежат в Пиренеях, как показывают его слова о городе Пирене. Эта Пирена появляется еще в одном источнике — в «Перипле массалиотов», где она описана как торговый порт к западу от Массалии. Там не упоминается греческая колония Эмпории (ныне Ампуриас, дословно «место торговли»), чему существует два объяснения: или «Перипл» написан до основания Эмпорий между 600 и 500 гг. до н.э., или Эмпории и есть Пирена, получившая это имя от соседства с Пиренеями. Альтернативой может быть упомянутый Ливием (34.8.5—7) город *Portus Rugehaei*, расположенный где-то к северу от Роды (Росас). Это предположение более вероятно, поскольку помещает кельтов к северу от Пиренеев, в Южную Францию, где мы позднее видим вольков-тектосагов.

Гекатея, писавшего около 500 г. до н.э., цитируют Страбон и Стефан Византийский. Его информация также состоит из трех частей. Во-первых, он называет город Ниракс кельтским, но мы не знаем, где он находился (во всяком случае, это не Нория, как считалось прежде). Во-вторых, говорится, что кельты жили *kata Massalia*, буквально «над Массалией» — то есть в глубине континента, на севере. Это может соответствовать любой из трех интерпретаций, описанных в этой главе. Наконец, он говорит, что Нарбонн (Нарбо) — это эмпорий и город в Кельтике. Нарбонн был римской колонией, основанной в 118 г. до н.э. и названной именем более раннего поселения, которое могло восходить к V в. (в Монлоре и Нарбонне найдены поселения железного века), поэтому определить время, к которому относится высказывание, довольно трудно. Во времена Гекатея этот район, видимо, находился под контролем иберийцев, и, как считает Gaugaud (1981, с. 77), Стефан заимствовал цитату не у Гекатея, а у Страбона или Марциана, во времена которых Нарбонн был столицей Нарбоннской Галлии и частью Кельтики. Поэтому текст не может считаться точным свидетельством о расселении этносов раннего периода (см. главу 8).

Наконец, у нас имеется «Перипл Гимилькона», известный по цитатам из поздних авторов, особенно из цветистой поэмы Авие-



на, написанной в IV в. н.э. Как мы уже показывали, его данные противоречат тому, что нам известно, показывая на Атлантическом побережье совсем не те племена, что мы ожидаем там увидеть. Кельты упоминаются только на севере Эстримна (Бретани, или Британии), в том же районе, а также в Северной Испании появляются лигуры. Единственной связью с другими источниками являются кинезии, или кинеты, на северо-западе Испании, которых мы встречаем также у Геродота. На этом документе базировалась теория д'Арбуа де Жюбевнилля о позднем прибытии кельтов в Европу, где они сменили лигуров. При этом Перипл говорит только о побережье, не касаясь внутренних районов, где, как мы видим на примере Южной Франции, могло обитать совсем другое население. Мы не знаем точно, насколько можно верить этому документу и как именно его понимать.

Подводя итог, мы можем суммировать три мнения, высказанных в начале главы, но так и не приходим к определенному выводу (к которому нас может приблизить только археология).

*Мнение 1.* В ранних источниках, даже у Гимилькона, ничто не говорится о том, что галльские народы, которые вторглись в Италию, пришли не из Центральной Галлии. К тому времени они могли еще не населять окраины — Южную Францию (хотя там кельты обосновались еще до III в., времени похода Ганнибала) или атлантическое побережье Испании, но Геродот и Гекатей скорее подтверждают теорию о раннем кельтском присутствии на юге. Мы имеем ряд неточных сведений о кельтах на атлантическом побережье в IV в. и более точные относительно III в. Трудно определить, откуда пришли народы Галлии, если их прародина находилась к востоку от Рейна, как утверждает мнение 2. Как мы увидим, это подтверждают археологические источники, особенно найденные в Бурже.

*Мнение 2.* Прародина кельтов не могла находиться западнее Рейна. Хотя, кроме сомнительных сведений Геродота и Полибия, мы не имеем данных о раннем пребывании кельтов в Южной Германии и о том, что вторжение в Италию совершилось именно оттуда, поздние свидетельства говорят, что эта область была занята кельтами или галатами еще в I в. до н.э. Раннее пребывание кельтов в Северной Франции тоже не подкреплено



достоверными источниками (Цезарь говорит лишь о том, что белги, пришедшие из-за Рейна, вытеснили живших здесь прежде кельтов). Нет также письменных свидетельств экспансии галлов на западе и юге Франции. Утверждения об этом требуют тщательной проверки.

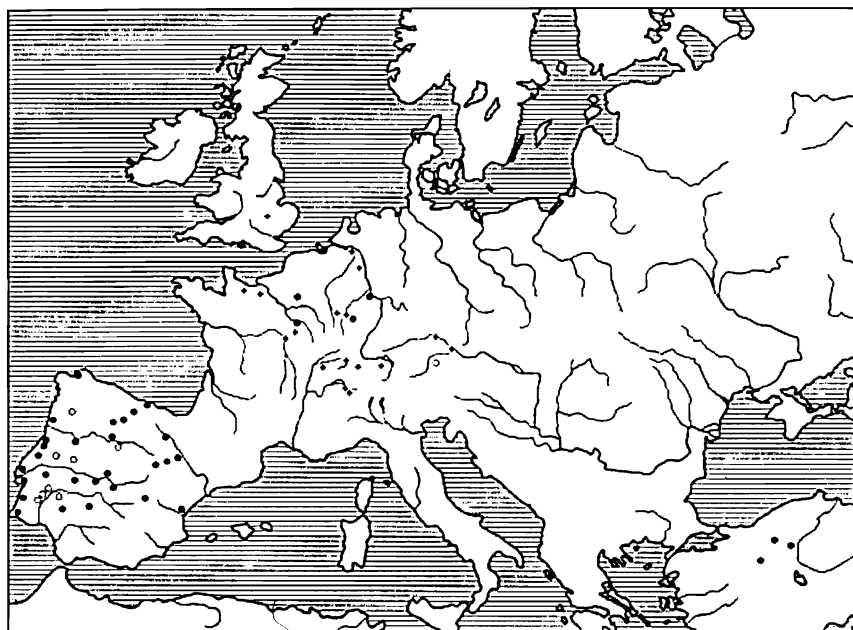
*Мнение 3.* Оно основывается прежде всего на археологических источниках и таких племенных именах, как бойи и сеноны. Оно игнорирует большинство письменных свидетельств о путях переселений и племенах, участвовавших в них. Оно наименее вероятно.

## Кельтские языки

Лингвистика и топонимика часто вступают в противоречие с данными античных авторов о происхождении и расселении кельтов. Хотя в некоторых случаях эти две группы источников явно дополняют друг друга, я считаю, что их нужно рассматривать отдельно, чтобы избежать серьезных ошибок. Как я уже говорил, в древнем мире язык не был решающим фактором при определении этнической принадлежности. Кельтское происхождение и кельтский язык часто могли не совпадать.

Каждый знает, что прародина индоевропейских языков лежит за пределами Западной Европы, где-то на востоке Европы или в Малой Азии; споры идут о том, когда и в какой форме совершился их исход.

Две крайности представлены Мэллори (1989), который относит распад индоевропейской общности к III или II тысячелетию на основании общих слов основных языков этой группы, и Ренфрю, который настаивает на более раннем размежевании, совпадающем с внедрением скотоводства в VI—V тысячелетиях. Краткие хронологии, популярные в конце XIX — начале XX в., получили удар, когда выяснилось, что индоевропейский язык не был принесен в Грецию дорийцами — на нем говорили еще крито-микенцы в середине II тысячелетия до н.э. Тогда же ученые узнали, что такой индоевропейский язык, как хеттский, утвердился в Малой Азии уже в середине II тысячелетия. Это заставило предполагать, что другие



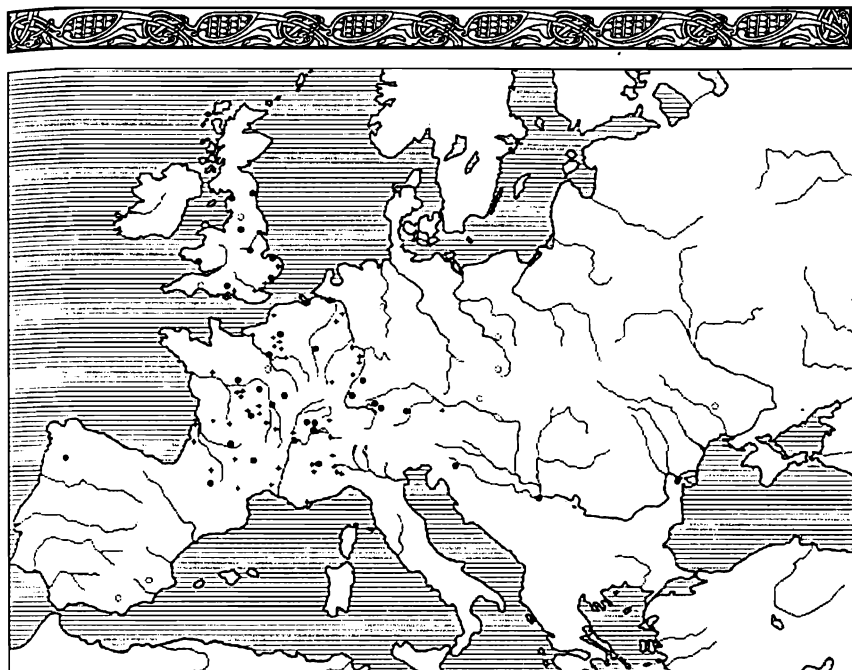
**58. Распространение географических названий, оканчивающихся на «briga» (холм) и «durum» (укрепление). Следует заметить, что большинство названий на рис. 58 и 59 относится ко временам после римского завоевания.**

Легенда:

- — «briga» (установленные);
- — «briga» (предполагаемые);
- + — «durum»

языковые группы, включая кельтскую и германскую, также возникли достаточно рано.

Языки редко меняются без смены населения, и даже Ренфрю, который в 1960-е гг. был одним из главных противников миграционного объяснения «культурно-исторической» парадигмы, в итоге признал миграции главным механизмом распространения индоевропейских языков. Однако мы по-прежнему не знаем единых правил, по которым происходило бы распространение новых языков. Так, вторжение франков в Галлию мало повлияло на местный язык, в результате чего французский основан на латыни, а вот в Англии латынь как разговорный язык была вытеснена английс-



**59. Распространение географических названий, оканчивающихся на «dunum» (укрепление) и «magus» (торг).**

**Легенда:**

- — «dunum» (установленные);
- — «dunum» (предполагаемые);
- + — «magus»

ким на востоке и кельтскими языками на западе. Напротив, римское вторжение в Галлию не вызвало смены населения, но привело к смене галльского языка латынью. В этом случае два языка некоторое время сосуществовали, но галльский очень мало повлиял на латынь, поскольку в нынешнем французском к нему восходят лишь 120 слов. По контрасту, нормандское завоевание Англии, возглавленное франкоговорящей аристократией, оказало значительное воздействие на язык. Таким образом, мнение, что отсутствие кельтских слов в английском объясняется тем, что коренное население востока и юга Англии было истреблено или изгнано, представляется весьма спорным — тем более что районы, завоеванные англосаксами, были скорее латино-, чем кельтоязычными.



Главная проблема относительно языка — то, что его смена, так же, как это обстоит с материальной культурой, не является простым линейным процессом. Постепенные изменения происходят всегда, но есть периоды, когда они совершаются чрезвычайно быстро, поэтому одной хронологии мало для установления времени разделения двух родственных языков. Обычно лингвисты выводят хронологию из числа похожих слов и языковых конструкций. Например, ирландский можно считать первым кельтским языком, выделившимся из единой группы, поскольку архаических элементов в нем больше, чем, к примеру, в валлийском. Однако, и это не дает точных временных ориентиров: американский английский, например, имеет больше архаических черт, чем возникшие значительно раньше диалекты Великобритании. Это не значит также, что архаичный язык перестает распространяться. Ко времени исчезновения кельтских языков в континентальной Европе в послеримский период бриттский язык проник в Бретань, а ирландский — в Шотландию. Это снова напоминает нам, что распространение языков — процесс нелинейный, их сохранение или исчезновение могут объясняться сугубо местными факторами, и нужно избегать простых решений, например, отождествления распространения кельтских языков с расселением кельтов.

Лингвистические свидетельства исходят из четырех источников: это современные языки, письменные и эпиграфические источники, надписи на монетах (особенно имена собственные) и географические названия. Современные языки и послеримские источники лежат за пределами интереса данной книги, и можно отметить, что кельтские письменные источники Британии и Ирландии появляются только во второй половине I тысячелетия н.э. поэтому нам приходится пользоваться данными современных языков.

Самые ранние кельтские надписи происходят из Северной Италии и относятся к VI в. до н.э. Это так называемые лепонтийские надписи из района Лаго-Маджоре, которые продолжали создаваться до I в. до н.э. Они невелики — в основном это надписи на керамике или погребальных стелах. Не ранее III в. до н.э. созданы лигурские надписи из долины Роны, которые также высечены на стелах. Имеется также много галльских надписей, начиная с раннеримского периода — это проклятия на свинцовых таб-



личках из Шамалье у Клермон-Феррана и из Ларзака, надписи на блюдах из Ля-Гросефенка и Лезу и знаменитый календарь из Колиньи близ Лиона. В Аквитании и иберийской области вокруг Нарбонна надписи не обнаружены. Монеты чеканились во многих районах Галлии и на юго-востоке Британии; кельтские географические названия охватывают куда большую область, включающую Британию с Ирландией, Галлию, Южную Германию и большую часть Центральной Европы (рис. 58, 59).

С территории кельтиберов происходят несколько кратких надписей на керамике и камнях, восходящих к III в. до н.э. II или I вв. датируются две бронзовые пластины с юридическими текстами — самые обширные документы античного периода на кельтском языке. В Испании дело обстоит сложнее, поскольку здесь найдены тексты на трех других языках. По берегу Средиземного моря обнаружены надписи иберов, которые пока не прочитаны, но ясно, что их язык не относится к индоевропейским. На юго-западе найдены надписи на языке, который так и называется «юго-западным»; он тоже непонятен и тоже не принадлежит к индоевропейским. Наконец, имеется четыре надписи на языке, условно названном «лузитанским» — они индоевропейские, но не кельтские. В дополнение следует сказать, что на севере бытовало наречие, родственное языку басков; нет свидетельств того, что оно было связано с иберийским. Топонимика говорит о том, что кельтские названия в Испании были распространены шире, чем сами кельты, и охватывали центр и запад полуострова, где жили лузитаны и «юго-западные» народы, что говорит об их возможном двуязычии.







## **7. ПРИРОДА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

С конца XIX столетия археология все чаще используется для выяснения происхождения и путей расселения кельтов, но в главе 5 уже отмечалось, что ее методология часто имеет сомнительную ценность, и мы часто сталкиваемся с неправильным пониманием и датировкой археологических находок. В этой главе я рассмотрю данные археологии более подробно, чтобы выяснить, что они способны нам рассказать.

### **Происхождение**

Фундаментальной проблемой археологических (как и письменных) памятников является то, в каком состоянии они дошли до нас. Хотя природные процессы разложения нанесли им большой вред, культурная деятельность людей железного века была слишком обширной, чтобы исчезнуть бесследно. Одни из них хоронили мертвых в земляных могилах, другие кремировали их и рассеивали пепел. Одни рыли ямы для хранения зерна или для добычи стройматериала, другие окружали свои поселения оборонительными рвами, которые можно заметить с воздуха. Часто карты распространения археологических культур отмечают не только типы керамики или металлических изделий, но и разновидности захоронений или ритуалов. Это по-прежнему карты материальной культуры, но на определенном этапе к ней примыкают религия и идеология.

#### *Погребальные ритуалы*

В Западной Европе существует обширная область, где на протяжении позднего бронзового и железного веков захоронения от-



BURIAL TRENDS IN THE NEUWIED BASIN		CREMATION				INHUMATION			
		TOTAL GRAVES	GRAVE GOODS			TOTAL GRAVES	GRAVE GOODS		
			POTTERY ONLY	POTTERY + METAL	METAL ONLY		POTTERY ONLY	POTTERY + METAL	METAL ONLY
HA C	LAUFELD	262	243	17	0	14	2	8	1
HA D	HUNSRÜCK - EIFEL I	19	11	7	1	218	38	60	120
LT A	IIA	29	16	9	4	161	47	78	24
LT B-C	IIB	11	10	1	0	23	3	9	11
LT C-D	NORTH GALLIC I	33	9	24	0	1	0	1	0

### 60. Число погребений периодов

Гальштатт С — Латен D в Гунсрюк-Эйфеле.

Горизонтальные графы:

Районы погребений в бассейне Нойвида.

Гальштатт С — Лауфельд; Гальштатт D — Гунсрюк-Эйфель;  
Латен A; Латен B — C; Латен C — D — Северогалльский I

Вертикальные графы:

Кремация. Всего погребений. Погребальный инвентарь. Только керамика. Керамика + металл. Только металлические изделия.

Захоронение — то же самое

сутствуют, или их традиция крайне недолговечна. Она охватывает всю Великобританию и Ирландию, запад и центр Франции, запад Испании и Португалию. Но и в других районах есть периоды, в которых захоронения встречаются крайне редко. Рис. 60 демонстрирует цифры для разных периодов Гунсрюк-Эйфеля, показывающие значительное сокращение числа погребений в периоды Латен B и C в районе, где другие периоды представлены весьма обильно. Это характерно не только для Среднего Рейна и Мозеля, но и для Шампани — регионов, особенно важных для этногенеза кельтов. На рис. 61 представлена составленная Дешелеттом карта раннелатенских захоронений во Франции с их заметной концентрацией на севере, и с тех пор ситуация не слишком изменилась. Эти области плюс населенный кельтиберами район Цент-

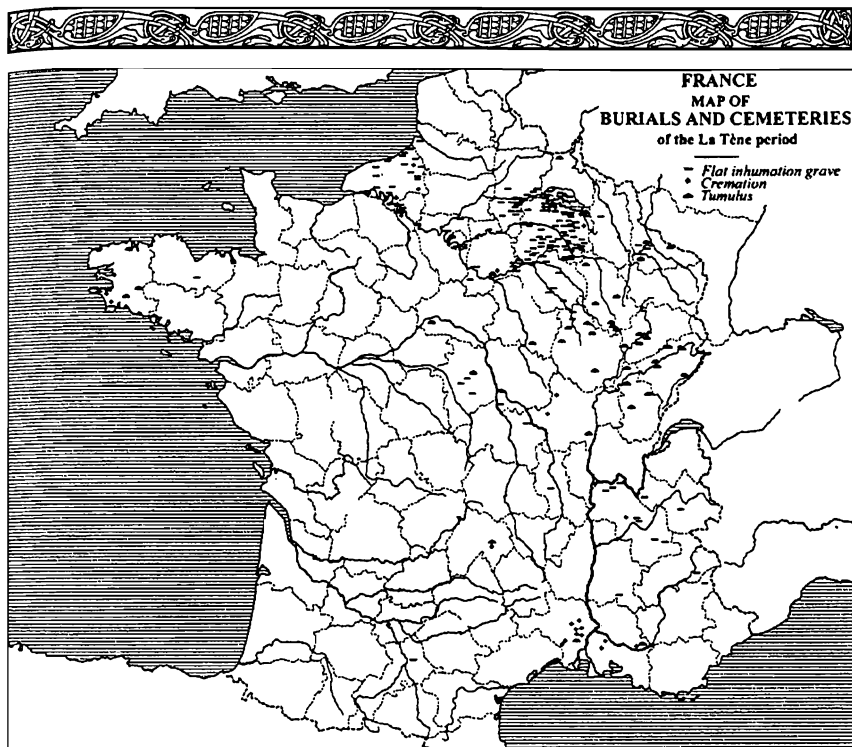


ральной Испании — единственные регионы, где мы имеем полную картину смены погребальных ритуалов в I тысячелетии до н.э.

В этих районах бытовало множество местных погребальных обрядов, от каждого из которых сохранились одно-два захоронения. Известны также более распространенные традиции, которые можно обозначить.

1. В Кельтиберии и других областях центра Испании на протяжении I тысячелетия доминирует кремация с постепенным увеличением числа захоронений. Погребения обозначаются стелами или небольшими пирамидами из камней. Последние отмечены на крупных кладбищах, связанных с такими городскими центрами, как Нуманция (близ Сориа), Лас-Коготас и Ла-Осера в Чамартине возле Авилы. По данным Силия Италика (3.340—343) о кельтиберах и Клавдия Элиана (X.22) о веттонах, убитых в бою воинов оставляли на съедение грифам, что отражено также в изображениях на сосудах (рис. 62).

2. В большей части Центральной Европы (Австрия, Чехия, Бавария, Баден-Вюртемберг, Северная Швейцария, Восточная Франция) с начала I тысячелетия до н.э. бытовала (с местными вариациями) кремация с захоронением на полях погребальных урн. В могилы клали керамику и изредка — металлические изделия и другие признаки богатства. В период Гальштатт С (конец VIII—VII вв. до н.э.) появляются захоронения в деревянных камерах в сопровождении четырехколесных повозок, мечей, украшенной керамики и личных украшений, в основном бронзовых. Богатейшими являются захоронения с трупоположением, что заметно также в центре Италии (Этрурия и Лаций). В VI в. трупоположение становится универсальным, хотя бедняков и детей продолжают кремировать. В женских могилах встречается обилие бронзовых украшений (браслеты, броши), у молодых женщин или девушек имеются также «амулеты» (бронзовые кулоны, каменные топоры или наконечники стрел, изготовленные задолго до захоронения). Мужчин часто хоронят с оружием: кинжалами, копьями или топорами (рис. 63). С погребениями в Хохдорфе и Хохмихеле на юго-западе Германии и в Виксе на востоке Франции этот ритуал достигает расцвета — в могилах появляются привозные средиземноморские предметы, местная керамика и украшения, в то время как оружие становится более редким.



**61. Карта распространения погребений позднего латена во Франции (по данным Дешелетта, 1914).**

**Легенда:**

- + — Франция. Карта погребений и кладбищ латенского периода;**
- — Обычные захоронения. Места кремации;**
- — Курганы**

3. В Центральной и Южной Франции в периоды Гальштатт С и D труположение под курганом было распространено в предгорьях Центрального массива и в Гарриге. В мужских могилах хорошо представлены мечи, иногда вместе с привозными бронзовыми сосудами, но повозки и сбруя отсутствуют. Во многих мужских могилах вообще нет инвентаря. В Гальштатте D мужские погребения с оружием исчезают, зато появляются женские с личными украшениями, также под курганами (рис. 64).

4. В Центральной Германии, Южной Польше и Моравии традиция кремации сохранилась до Гальштатта D (Лужицкая культура), но число керамических изделий заметно возрастает. Изред-

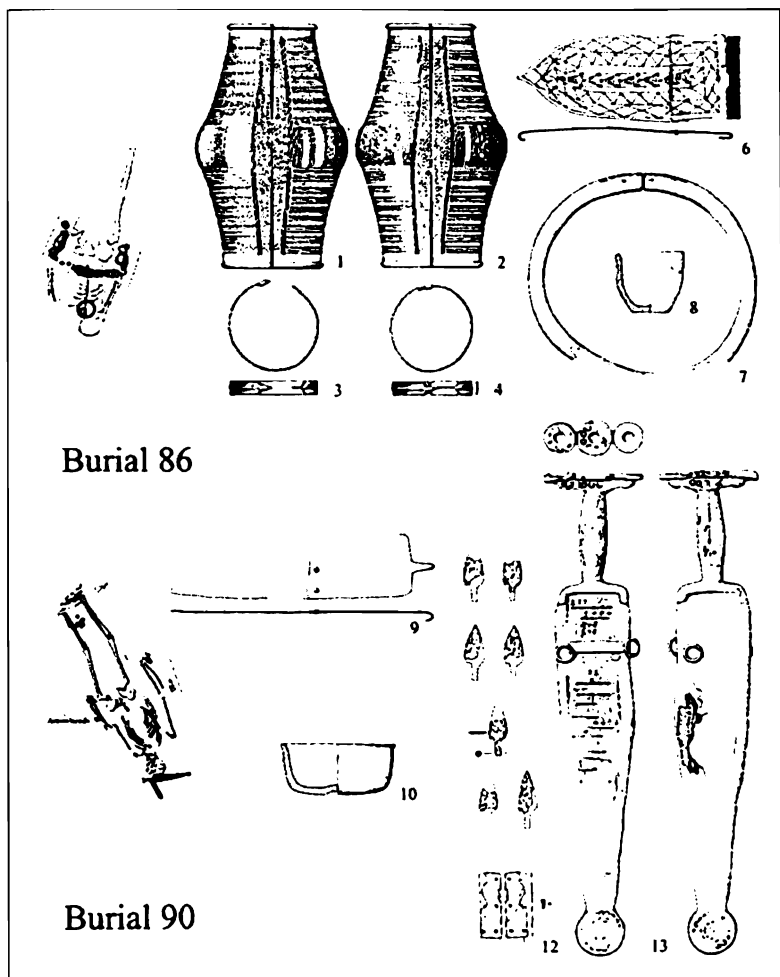


**62. Мертвый кельтиберский воин,  
пожираемый грифами**

ка встречаются металлические предметы — например гюндлингенский бронзовый меч из Платенице в Чехии.

5. В периоды Гальштатт D и Латен A на востоке и севере Франции (культура Марны) и долине Среднего Рейна и Мозеля (Гунсрюк-Эйфель) возобладала позднегальштаттская традиция плоского трупоположения, заметная также в Арденнах, Северной Баварии и Южной Чехии. Мужчин хоронили с оружием, а женщин — с украшениями, включая обязательный торквес. В южной части региона (Швейцария, Баден-Вюртемберг, Бургундия) сохраняется захоронение под курганами, но в Шампани они исчезают. Богатые захоронения содержат двухколесные повозки, золотые изделия и бронзовые сосуды из Италии и Этрурии.

6. Похожий погребальный ритуал при отсутствии богатых захоронений обнаружен в большей части Центральной Европы (рис. 65): в Швейцарии, Северной Баварии, Северной Чехии, Южной Моравии, Словакии, Южной Польше, Румынии, Венгрии, Нижней Австрии и Словении. «Кладбища с плоским трупоположением» появляются в Швейцарии и Австрии в период Латен A (Мюнсин-



**Burial 86**

**Burial 90**

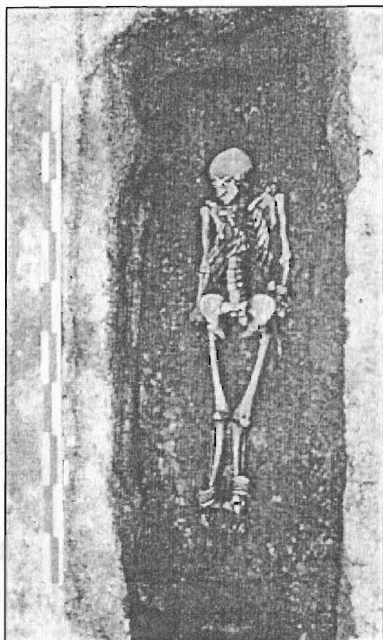
**63. Примеры погребений периода Гальштатт D из Магдаленсберга (Южная Германия).**

**Погребение 86:**

- 1, 2 — бронзовые наручья; 3, 4 — бронзовые браслеты;
- 5 — бронзовая застёжка для пояса; 6 — бронзовая гривна;
- 7 — глиняный сосуд.

**Погребение 90:**

- 8 — застёжка для пояса; 9 — глиняный сосуд;
- 11 — железные наконечники стрел; 12 — бронзовые дверные петли;
- 13 — железный кинжал в бронзовых ножнах

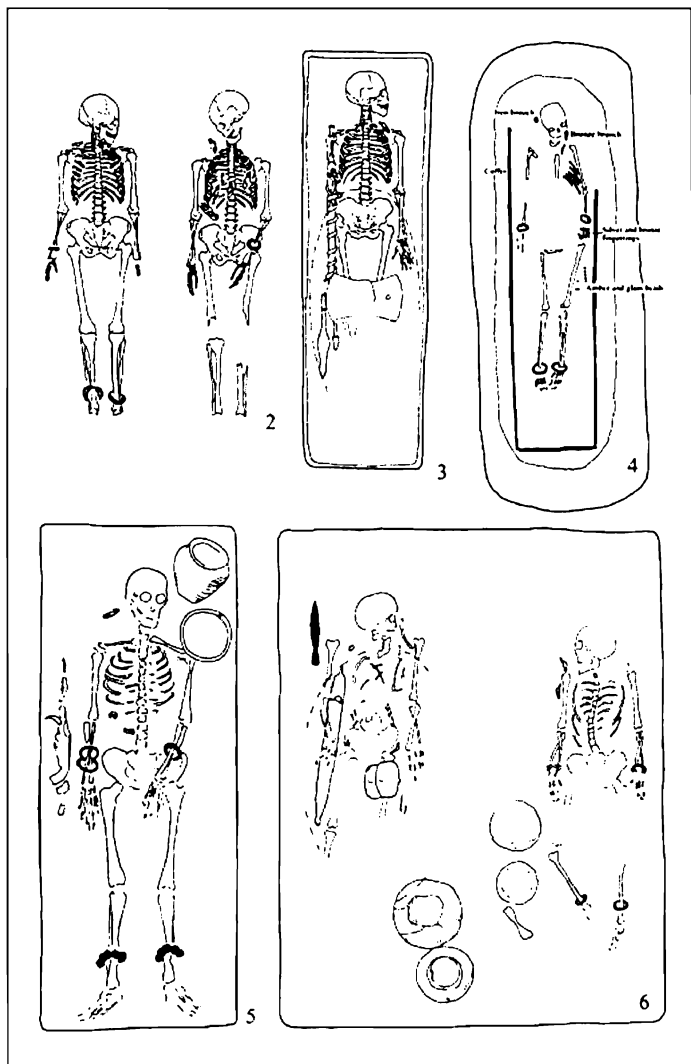


**64. Погребение периода Гальштатт D  
в Патурале близ Клермон-Феррана, Франция.  
Ассоциация исследования железного века Оверни**

ген) и становятся более типичными в Латене В («Дуксский горизонт»). Этот ритуал дожил до Латена С.

7. В Северной Франции в периоды Латен В и С центр погребальной активности смещается из Шампани в долину Эна и район Парижа, а также в Восточный Йоркшир — это Аррасская культурная группа со скорченным труположением под курганами. Во всех этих районах отмечены богатые могилы с двухколесными повозками и оружием, особенно на севере Франции.

8. В периоды Латен С и особенно D в Западной Германии (Гессен, Гунсрюк-Эйфель), Северной Франции (Шампань с ответвлениями в Бургундии и Лотарингии, включая Мон-Бовре) и на юго-востоке Англии (культура Эйлсфорд-Суорлинг). В могилах чаще всего встречается керамика, а на континенте еще и оружие. Украшения, кроме брошей, попадаются редко, зато обычны туалетные принадлежности (бритвенные лезвия, сумочки). Богатые



65. Мужское и женское захоронения методом плоского труположения эпохи раннего и среднего латена.

1, 2. Андельфинген, Швейцария, захоронения № 6, 9.

Вевей, Швейцария, захоронение № 26. Либенице, Чехия.

5. Велка-Маня, Словакия, захоронение № 28.

6. Буковице, Моравия, захоронение № 14. (1, 2, 3. Висс, 1974.

4. Рыбова и Судски, 1962. 5, 6, 7. Филипп, 1956)





погребения содержат итальянские бронзовые сосуды и амфоры для вина.

Этот обзор упрощает реальную картину. Отдельные общины создавали свои вариации общей практики, которые к тому же менялись со временем. Трудно провести четкие географические и хронологические границы между указанными традициями, которые имеют свойство перетекать одна в другую. Даже в районах доминирования одного из ритуалов он может применяться не всеми. Богатые погребения обычно говорят о богатстве всего региона, но их отсутствие не свидетельствует о бедности; по данным Посейдония, Луэрний был богатейшим человеком в Галлии, но во II в. до н.э. в Оверни нет богатых захоронений. Кроме того, даже в таких районах, как Шампань, на кладбищах хоронили далеко не всех — дети отсутствуют вовсе, а некоторые взрослые захоронены прямо в поселениях.

Погребения необходимо изучать в местном контексте. В Чехии появление плоского труположения расценили как признак миграции кельтов, однако раскопки поселения Радовешице, заселенного с Гальштатта D до Латена D, показали отсутствие смены населения, хотя кладбище там существовало относительно недолго (периоды Латен B — C). Похожий случай отмечен в Оуслбери, где поселение появилось в IV в. до н.э. и существовало до IV в. н.э., а «кладбище белгов» в нем использовалось только с 50 г. до н.э. по 120 г. н.э. Богатство погребений также нужно рассматривать в контексте. В Мюнсингене захоронения на протяжении Латена B становились все беднее, а оружие из них исчезло вовсе, хотя тогда же оно начало в больших количествах появляться в соседнем культовом центре. Очевидно, туда и переместилось большинство предметов, которые прежде клали в могилы.

### *Клады на суше и в воде*

В Атлантической Европе (Западная Испания с Португалией, Западная Франция, Великобритания и Ирландия), как и в Скандинавии (Дания, Швеция, Северная Германия) найдены многочисленные клады бронзовых и золотых предметов, восходящие к позднему бронзовому веку. В VIII в. эта традиция исчезает; в Британии, например, такие поздние клады, как Ллин-Фаур, содержат только железный меч и бронзовые стремена. В большин-



стве районов традиция кладов отсутствует до II— I вв. до н.э.; исключением являются Южная Британия и юг Германии, где найдены железные бруски (популярное средство обмена). Только с появлением денежного обращения в III—II вв. клады начали появляться вновь — теперь это были золотые монеты и золотые же торквесы. В разных местах возникали свои традиции: клады из бронзовых деталей сбруи в Южной Англии, шлемов в Австрии или железных сельскохозяйственных орудий в Центральной Европе. Традиционное объяснение «укрытия от военной угрозы» мало похоже на правду, и более вероятно ритуальное назначение таких кладов.

Помещение предметов в болота было развито в Дании со времен неолита, если не мезолита, хотя природа этих предметов со временем менялась. В железном веке обычным приношением были люди, хотя найдены также корабль с латенским оружием из Хьортспринга, котлы из Гундеструпа, Ринкебю и Бро и повозки из Дейберга (три последних выполнены в латенском стиле), а также итальянский бронзовый сосуд из Керумсгора. Однако клады украшений, обычные в конце бронзового века, вышли из моды. Находки в болотах встречаются также в Великобритании и Ирландии (человек из Линдоу, Лин-Керриг-Бах, Дескфорд) и реже в Германии (Капель и Биберах в Баден-Вюртемберге).

В Западной Европе предметы чаще бросали в реки. Иногда, например в Швейцарии, их находят в определенных местах, но чаще они рассредоточены по течению реки. Главные находки сделаны в Темзе и Уитеме в Англии, Рейне и Соне, но отмечено и множество других, особенно в Швейцарии. В Сене обнаружен выдающийся образец латенского искусства — железный шлем из Амфревилля, напоминающий шлем из Агриса в Шаранте (тоже род ритуального жертвоприношения).

Лучше всего документированы находки в Темзе, где первыми появились бронзовые «шпаги» середины бронзового века, за которыми последовали мечи конца периода. Хотя в железном веке количество votивных предметов сократилось, в периоды Гальштатт D и Латен A в реку попали кинжалы, щит из Баттерси, шлем из-под моста Ватерлоо и щиты из Уондсворта. Плотность находок во многом зависит от активности таких работ, как очистка реки, добыча песка и гравия, которые проводятся в основном на боль-



ших реках. Однако и там поиски иногда не приносят результатов, как, например, на Нижней Роне или Тренте.

### *Святылища*

Ритуальные и церемониальные места неолита и раннего бронзового века распространены по всей Европе, но потом они повсеместно исчезают вплоть до III столетия за редкими исключениями — это, например, святилище в Завиште возле Праги или культовая ограда в бургундском Виксе. Позже они снова становятся обычными и иногда процветают и в римский период. В Центральной Европе это *Viereckschanzen*, квадратные участки с ямами и культовыми зданиями, хотя часть из них сегодня интерпретируется как дома. В Северной Франции в таких культовых местах, как Гурнэ-сюр-Аронд и Рибмон-сюр-Анкр, найдено множество предметов. В разных местах находки включают оружие (иногда миниатюрное), останки животных и людей, монеты, личные украшения и т.д. В позднем железном веке святилища появились и в Южной Англии, в том числе на острове Хейлинг, и по-прежнему существовали в Центральной Европе — например в Фрауэнберг-бай-Лейбнице близ австрийского Граца.

### *Укрепления*

Наиболее явным признаком европейского железного века служат поселения с земляной или каменной оградой, предназначенной для обороны или наблюдения, хотя их размеры сильно различаются. Это могли быть фермы, города, временные убежища, сооружения для хранения продуктов, центры производства или отправления культа. Несмотря на их заметность, они до сих пор не найдены во многих регионах, например в большей части Испании. На юге Франции и востоке Испании укрепленные поселения появляются в позднем бронзовом веке и сохраняются до римского завоевания, часто перерастая в города, сравнимые по размерам с городскими центрами Греции и Италии. По контрасту, в Северной Германии и Скандинавии укрепления неизвестны до начала нашей эры. Исключением являются Восточная Германия и Польша, где они появляются в периоды так называемых «полей погребальных урн» и Гальштатта. Самый известный из них —



озерный форт в Бискупине. Однако в латенский период в этом регионе укрепления также исчезают.

На обширном пространстве от Словакии до Ирландии укрепленные поселения позднего бронзового века оставляются в VII столетии, в период Гальштатт С. В Гальштатте D (VI в.) в южной и центральной Германии, восточной Франции и Бельгии широко распространяются укрепления на холмах (Hillfort). Они найдены также в Британии, западной и центральной Иберии, где использовались вплоть до римского завоевания. В центре Испании такие укрепления, как Нуманция, превратились в города. В Центральной Европе большинство их было заброшено в V в.; исключением стали Гунсрюк, Северная Бавария и Южная Чехия, но и там они стали редкими. Для этого периода типичен полностью раскопанный комплекс в Бунденбахе (Гунсрюк). Некоторые районы, включая центр и юго-запад Франции, отмечены полным отсутствием укреплений на холмах. Во II в. появляются укрепленные оппидумы, отмеченные большими размерами и в ряде случаев городским характером, хотя и на этот раз есть районы (например, юго-запад Франции), где они полностью отсутствуют.

### *Огражденные и открытые поселения*

Большинство населения Европы в I тысячелетии до н.э. проживало в маленьких деревнях и фермах и собиралось в укрепленных поселениях только в периоды опасности. Археологическая идентификация неукрепленных мест проживания зависит от пяти главных факторов:

1. Каменные здания. Они сохранились в основном в горных районах, где камень издавна применялся для строительства домов, а также в регионах с обилием укрепленных поселений — Западной Англии, Бретани, Западной и Северной Иберии. В этих регионах неукрепленные поселения железного века встречаются очень редко, например в Корнуолле.

2. Ограды. Ограждение поселений земляными рвами или палисадами отмечено нечасто и делает их хорошо заметными при аэрофотосъемке, даже если ограды давно сравнялись с землей. Рвы в качестве ограждения часто встречаются на меловых почвах севера Франции и юга Англии, но появляются и в центре Франции — например, в Гран-Лимане в Оверни. В Южной Германии



Viereckschanzen железного века также составляют характерную деталь пейзажа.

3. Ямы и карьеры. В Каталонии, Южной и Северной Франции и Юго-Восточной Англии ямы чаще всего использовались для хранения зерна. Они, как и карьеры для добычи стройматериалов, хорошо видны с воздуха. Колодцы встречаются редко, например в Гран-Лимане.

4. Деревянные строения. В лессовых почвах Чехии сохранились остатки вросших в землю деревянных домов (Grubenhäuser) латенской эпохи, в то время как в Центральной Франции найдены большие ямы, интерпретированные как погребя. В ряде областей Британии найдены круглые дома с дренажными канавами. В Нидерландах, Северной Германии и Дании отверстия от столбов позволяют восстановить форму германских «длинных домов». Однако очень часто тип конструкции зданий распознать трудно, поскольку их строили из торфа, глины или соломы.

5. Черепки керамики. Часто предметы материальной культуры, особенно керамика, сохраняются в ямах, вырытых в земле, хотя обнаружить их достаточно трудно. Систематические поиски таких ям проводятся только в нескольких странах Европы, и только Польша еще 30 лет назад включила их в национальный план исследований. В ряде районов керамика была плохо обожженной и не сохранилась, а в других (север Великобритании и Ирландия) она вообще почти не применялась. Барри Рафтери утверждает, что во всей Ирландии не найдено ни одного черепка посуды железного века. Есть и другие «пустые» регионы, например Центральный массив во Франции во времена Латена. Неизвестно, были ли они вообще ненаселенными или просто редко пользовались керамическими изделиями.

На ранних стадиях развития археологии жилые поселения не вызывали такого интереса, как укрепления и захоронения. Хотя были исключения (раскопки Литтл-Вудбери в 1930-е гг., осуществленные Берсу), но только с появлением «новой археологии» в 1960-е гг. началось тщательное изучение костей животных и зерен растений. Теории «центрального места» или «анализа дренажной системы» включили укрепления в широкий контекст жизни вокруг них, и археология поселений выявилась в качестве самостоятельной отрасли. Широкомасштабные систематические ис-



следования позволили понять функционирование «региональных систем» расселения и производства, а появление механических экскаваторов дало возможность исследовать большие пространства слой за слоем. В 1980-е гг. усилился интерес к процессам отложения отходов, которые теперь не отвергались как «хлам», а тщательно исследовались для выявления следов пиршественной и ритуальной активности.

При всем этом наше знание жизни небольших поселений до сих пор весьма фрагментарно. Отчасти это объясняется различиями в теоретических подходах археологов. Те из них, кто руководствуется традиционным подходом, по-прежнему уделяют основное внимание погребениям и другим формам «культурной истории». Впрочем, часто материалы просто отсутствуют, как показывает мой собственный опыт раскопок в Оверни. Систематические исследования в большинстве регионов показывают одну и ту же картину — обилие находок позднего бронзового века и римского периода и крайне малое их количество в промежутке. Причина может заключаться в смене ареалов расселения. Уже не раз раскопки обнаруживали поселения железного века в местах, не заселенных позже. Такие поселения найдены, например, в пригородах и районе аэропорта Клермон-Феррана, где они, к сожалению, недоступны для изучения. Канавы и ямы этого периода дают множество находок, но поздний Гальштатт и ранний Латен по-прежнему представлены слабо, а почти весь материал I в. до н.э. сосредоточен в пределах укрепленных оппидумов. Хотя крупномасштабные раскопки могут уточнить картину, не вызывает сомнения, что во многих районах поселения останутся представленными только маленькими ямами и отверстиями от столбов вместо больших ям, где могут быть сосредоточены ценные находки.

### *Другие находки*

Такие вещи, как система полей и границы земельных участков, сохраняются только в редких случаях — например в Британии, где земля после окончания средневековья использовалась не слишком интенсивно. «Кельтские поля», похожие на английские, обнаружены также в Нидерландах и Дании, но в остальных странах Европы всякие их признаки были уничтожены земельным голодом XVIII—XIX вв.



	HALLSTATT D				LA TÈNE A				LA TÈNE B						
	Hillforts	Settlements	Burials	River finds	Hoard	Hillforts	Settlements	Burials	River finds	Hoard	Hillforts	Settlements	Burials	River finds	Hoard
SW France	•	•				•	•	•				•			•
Berry		•	•				•	•				•	•		
Auvergne		•	•				•					•			
NW France		•	•				•	•				•	•	•	
Wessex	•	•			•	•	•				•	•			
Thames valley	•	•		•	•	•		•			•	•			
Champagne		•	•			•	•	•				•	•		
Hunsrück-Eifel	•		•			•	•	•			•		•		
Baden-Württemberg	•	•	•			•	•						•		
Swiss plateau	•		•			•		•					•	•	
N Bavaria			•			•		•							
S Bavaria	•	•	•				•					•	•		
N Bohemia	•	•				•	•	•		•		•	•		•
S Bohemia	•		•			•		•					•		

**66. Археологические находки в отдельных ключевых районах Центральной и Восточной Европы.**

**Вертикальные графы:**

**Юго-Западная Франция, Берри, Овернь, Северо-Западная Франция, Уэссекс, долина Темзы, Шампань, Гунсрюк-Эйфель, Баден-Вюртемберг, Швейцарское плато, Северная Бавария, Южная Бавария, Северная Чехия, Южная Чехия.**

**Горизонтальные графы:**

**Гальштатт D, Латен A, Латен B. Укрепления, поселения, захоронения, находки в реках, клады**

Кое-где сохранились каменные скульптуры — например, «верракос» Центральной Испании, изваяния стоящих быков и медведей, особенно заметные в Торос-де-Гвисандо, где они достигают трехметровой высоты. Вероятно, они обозначали границы пастбищ, дорог или земельных участков. Их выявлено почти 400, хотя лишь несколько сохранили первоначальную форму; главный район распространения — племенная территория веттонов вокруг Авилы. Более загадочны стелы Великобритании и Ирландии, ча-



сто богато украшенные латенским орнаментом наподобие камня из Туроу. Встречаются и человеческие фигуры, хотя их трудно датировать из-за высокой степени стилизации (как, например, известную голову из Мшецке-Жехровице). В Западной Германии (Гиршланден и Глауберг) каменные фигуры и стелы ставились возле погребальных курганов.

Некоторую информацию могут дать естественные науки — в малонаселенных районах они выявляют признаки расчистки лесов или обработки земли там, где не сохранилось никаких археологических свидетельств.

### *Результат*

Карты, представленные в главе 6 и иллюстрирующие «расселение кельтов», используют описанные выше археологические данные. При этом многие из этих данных вырваны из контекста или просто неверно поняты. Так, появление плоского труположения в Центральной Европе принимается за признак прихода кельтов с запада, хотя поселения того периода говорят совсем о другом. Богатство погребений Шампани и Среднего Рейна заставляют считать их центром кельтской экспансии, а сокращение числа находок в период Латен В принимается за признак миграции населения на юг и восток.

Классический учебник по первобытной истории для немецких студентов, «Введение в преисторию» Ганса-Юргена Эггера (1959), сталкивается с той же проблемой интерпретации карт расселения. Он атакует предрассудки Густава Коссинны, который обосновывал экспансию германских племен из Скандинавии посредством нанесения на карты отделенных от контекста «германских характеристик» — погребальных ритуалов, мечей, типов керамики. В послевоенные годы ученые отвергли этот некритический подход в отношении германцев, но сохранили его в изучении кельтов, хотя методологические основы здесь были абсолютно теми же.

На рис. 66 я попытался показать природу археологических данных для ключевых регионов, подробнее описанных в следующей главе. Это доказывает, что, как и письменные источники, сохранившиеся только в малой части и в основном случайно, археологические источники имеют зияющие пробелы, которые мы никог-





да не сможем заполнить. Факты вспыхивают и гаснут, как огни светофора, мы можем комбинировать их в разных сочетаниях, но не в состоянии получить полную картину погребений, поселений и собраний предметов (кладов) хотя бы для одного района. Чем больше сведений мы получаем, тем больше мы узнаем, но, как я уже не раз говорил, чаще всего нам приходится блуждать в темноте.

## Хронология

Одна из задач археологов — помещение всей массы данных, добытых случайно или при планомерных раскопках, в некий контекст, на основе которого пишется история в широком смысле слова. Как мы видели, первый вопрос, который археолог задает себе при виде предмета: «Сколько ему лет?» До конца XX в. ответить на него в случае железного века можно было только одним способом — отыскать предмет из доступного для датировки места (например, поля битвы при Алезии) и по нему датировать другие похожие предметы. Поскольку письменная традиция сосредоточена на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, лучшей базой для датировки в Западной Европе была находка античных предметов — например, красно- и чернофигурных афинских ваз, обнаруженных в погребениях Юго-Западной Германии и Шампани. Для большей части железного века появление новых методов научной датировки не слишком изменило ситуацию. Первое тысячелетие до н.э. находится слишком близко от нас, и радиоуглеродный анализ дает погрешность в 200—300 лет, которая порой может радикально изменить смысл находок. Тем не менее он оказался полезным в таких районах, как Северная и Западная Великобритания, где позволил датировать начало строительства городищ на холмах гораздо более ранним временем, чем считалось прежде.

То же и с дендрохронологией, осуществляющей датировку по годовым кольцам деревьев. Большинство европейских лесов интересующего нас периода VI—V вв. давно сведено, а бревна, использованные для строительства, сгнили из-за особенностей климата. Одно из немногих исключений — последнее ворота Гейне-



берга, датировка которых позволила разрешить долгий спор о дате оставления поселения (см. ниже). Это повлияло и на датировку начала периода Латен D, которую в 1960-е гг. относили к 50—40 гг. до н.э., а сегодня — к 130—120 гг. до н.э., если не раньше.

Еще одним предрассудком прежних лет был долгий промежуток времени, необходимый для распространения идей, технологий и особенно «культурных групп» из места их «происхождения». Считалось, что инновации распространяются исключительно из таких цивилизованных районов, как Ближний Восток, Греция или Италия, или разносятся такими народами, как фрако-киммерийцы из степей Причерноморья, гальштаттская военная аристократия из Центральной Европы и кельты из Южной Германии и Восточной Франции. Поэтому Питтиони связал с появлением кельтов материал Ластена А из Австрии, датированный 400 г. до н.э. а Хоукс отнес прибытие в Британию «элементов Гальштатта» к 550 г. до н.э., а «племен Марны» к 300 г. до н.э.; современные датировки сдвигают эти даты к 750—700 и 475—450 гг. до н.э. Мы считаем (и можем это доказать), что идеи распространяются очень быстро, как и предметы. Остается определить, откуда начинается это распространение, что тоже требует доказательств.

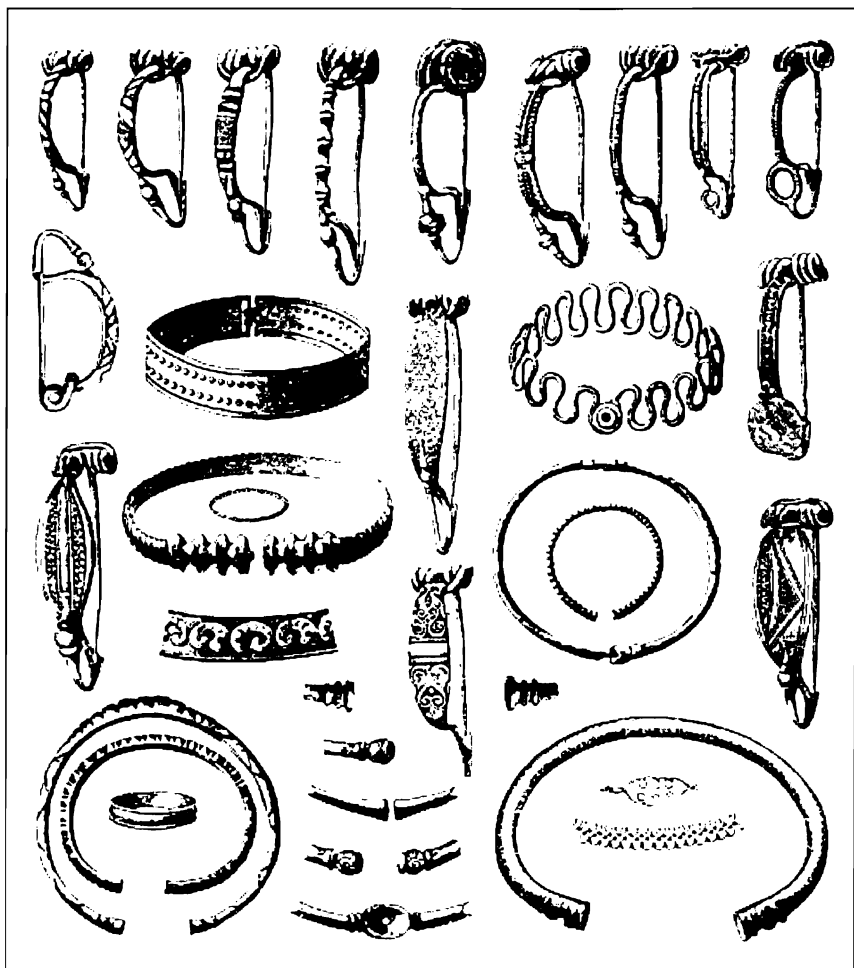
Датировка может распространяться на разные группы объектов двумя путями. Первый — «ассоциация», когда предметы, найденные в одном захоронении или яме, условно считаются созданными в одно время. Встречаются исключения: бронзовый кувшин из Вальдальгесхайма, объявленный «фамильной ценностью», наконечники стрел и каменный топор из Рейнхейма («амулеты») или отходы разного времени, смешавшиеся при рытье ямы. Такие ассоциированные («связанные») предметы могут соединяться в цепочки, которые, в свою очередь, включаются в более общую хронологию, отраженную в этой книге.

Есть разные способы конструирования хронологии и вписывания в эту конструкцию археологических данных. Рассмотрим три ведущие концепции:

1. Типы орудий. Ранние попытки разработки хронологии в XIX в. следовали технике, внедренной геологами, которые датировали слои по «типичным» и «характерным» для них останкам животных и растений. Ранние археологи также имели дело с большими географическими и временными промежутками, поэтому



широко распространенные мечи или броши оказались для них очень полезны. При помощи ассоциации удалось выстроить типы орудий в единую последовательность, вписав каждый в отдельную графу (по-немецки Stufen). Того же рода было первое разделение железного века на Гальштатт и Латен, осуществленное Дезором, как и разделение Латена Тишлером, который использовал типы



67. Часть клада, найденного в Дуксе (ныне Духцов),  
Южная Чехия (по данным Филипа, 1956)



брошей и ножен для мечей, чтобы установить различия между ранним, средним и поздним Латеном. Это деление было развито Дешелеттом и особенно Рейнеке, который внедрил номенклатуру, используемую до сих пор, хотя ее фазы не раз пересматривались. В 1942 г. Гисслер и Крафт установили новую последовательность для Швейцарского плато (Мюнсинген) при помощи броши из Мардзаботто и для Среднего Рейна и Баварии на основе зооморфных брошей Латена А.

2. Горизонт. Второй путь упрощения хронологии состоит в обнаружении четкого индикатора (артефакта или исторического события) и использовании его как временного маркера для определенного региона. Лучшим примером для железного века являются введенные Филипом горизонты «Дукса» и «изогнутых пряжек», которые он использовал для установления границы между ранней и поздней фазами «кельтских захоронений с труположением» в Центральной Европе. Типичная для Латена В брошь из Дукса была найдена в кладе в городе Духцов (старое название Дукс) в Северной Чехии (рис. 67), и Филип счел ее признаком прихода кельтов из Западной Европы. Этот тип брошей распространен от Центральной Франции до Румынии. «Изогнутая пряжка» найдена в мужском погребении среднего Латена и когда-то была креплением для ножен меча. Такой подход по-прежнему широко распространен на континенте — например, в Северной Чехии на базе находок из Радовешице описан Вальдхаузерский горизонт керамики.

Та же концепция, хоть и без употребления самого слова «горизонт», стала основой разработанной Хоуксом хронологии британского железного века. По его мнению, каждый раз новый набор идей приносился с континента группами мигрантов и постепенно распространялся в глубь страны. Железный век А был связан с внедрением гальштаттских мечей и бритвенных лезвий, новых типов керамики и укреплений на холмах. Железный век В, с которым связано вторжение «марнских племен» — с брошами и металлическими изделиями раннего Латена, обожженной керамикой удлиненного типа и, в Йоркшире, с погребениями у колесниц. Железный век С связан с прибытием белгов, принесших ритуал кремации, монеты и гончарный круг.

3. Серийность. Как обычно, реальность более сложна. Разные типы артефактов или погребальных ритуалов существуют в разное



время; они не появляются и не исчезают одновременно, как предполагает классификация по типам орудий, и не распространяются мгновенно по обширной территории, как считает классификация по горизонтам. Большинство типов артефактов вначале появляются как редкие новинки, потом входят в моду, становятся устаревшими и исчезают, что можно выразить фазами «рождения», «зрелости» и «смерти». Примером могут стать надгробия Новой Англии, четко датируемые временем смерти. Со временем они менялись, принимая в зависимости от моды то одну, то другую форму, серии которых вполне могут образовать хронологический ряд.

Этот метод требует наличия большого количества фактов, известных на протяжении долгого времени, что весьма редко встречается в Европе железного века. Лучший пример — раскопки Ходсоном кладбища в Мюнсингене (Швейцария), давшие базу для хронологии Латена от периода А до С2 для большей части континента. Для отбора артефактов Ходсон использовал статистический метод и расположил могилы в хронологическом порядке на основе найденных в них артефактов.

Классификация по типам орудий и особенно по горизонтам часто прерывает археологическую последовательность и связана с теориями миграции. Серийность, напротив, предполагает преемственность. Однако ее использование далеко не всегда возможно из-за недостатка материала. К тому же необходимость разделения на фазы требует создания искусственных разделений. Тот же Ходсон назвал этапы развития Мюнсингена латинскими буквами, что сделало их похожими на номенклатуру Рейнеке.

## **Культурная группа**

Первоначально разделение между Гальштаттом и Латеном было чисто хронологическим, но уже с середины XIX в. такие ученые, как Кембл, Фрэнкс, Вирхов и де Мортилье, начали придавать ему этнический смысл, основываясь на различиях между стилями искусства, оружием и украшениями. В то же время антропологи описывали различные типы общества, дифференцирующиеся по языку, обычаям, родству и, особенно в Северной Америке, по



уровню материальной культуры. Для объяснения механизма передачи всех этих особенностей от человека к человеку и от поколения к поколению была сформулирована абстрактная концепция «культуры», распространенная вскоре на общество в целом («африканская культура»).

История применения этого термина в археологии частично рассмотрена Маргаритой Диас-Андреу (1996). Как уже отмечалось, в своих трудах начала XX в. Жозеф Дешелетт уже использовал эту идею, пусть и под другим названием, говоря о «цивилизациях» Гальштатта и Латена. Однако он, как и его современники вроде Ромильи Аллена, применял термин «кельтский» как к Латену, так и к гальштаттской материальной культуре бронзового века. Гальштаттская «цивилизация» могла включать кельтов и иллирийцев, а латенская — кельтов и германцев, хотя Дешелетт использовал другие этнические индикаторы, говоря, например, о «лигурийских» кладках бронзового века. Главным отличительным признаком для него был погребальный ритуал. Те же изменения произошли в отношении типов орудий. В 1875 г. де Мортилье разработал шкалу французской предыстории, назвав каждый период именем характерной для него стоянки, как это было принято у геологов. Термины для палеолита (ашелльский, граветтийский и солютрейский периоды) остались в употреблении в отличие от более поздних фаз (например, «боврезинский» для позднего Латена). В этом выразилось желание разграничить хронологически и географически растущую массу археологических находок, и скоро внутри отдельных периодов появились «культуры», индикаторами которых стали определенные типы орудий.

В истории археологии сдвиг от хронологической фазы к культурным группам обычно связывается с публикацией Густавом Коссинной в 1911 г. его статьи «О происхождении германцев». В ней он повторил свое знаменитое заявление о том, что за каждой культурной группой стоит определенный расовый тип — эта печально знаменитая концепция заложила основы теории германской экспансии и стала базой националистических и расистских интерпретаций предыстории Германии. Но эта методология не обязательно ведет к нацизму — в англоязычном мире ее внедрил Гордон Чайлд, идейно близкий к марксизму, который развил методологию Коссинны в своем знаменитом и часто ци-



тируемом определении культуры из работы «Дунай в доисторическое время»:

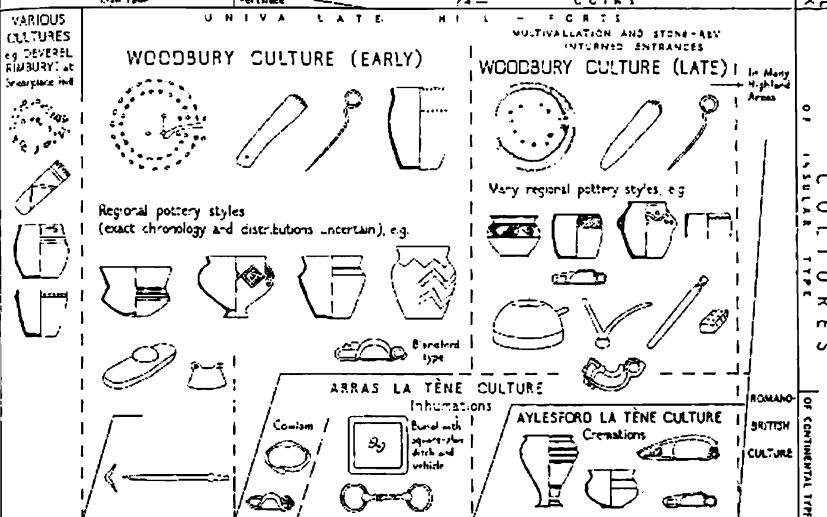
«Определенные типы древностей — орудия, украшения, захоронения, структура домов — постоянно соответствуют друг другу. Такой комплекс взаимосвязанных находок можно назвать “культурной группой”, или просто “культурой” Мы полагаем, что такой комплекс можно считать материальным выражением того, что сегодня именуется народом».

*(Childe, 1929, с. V—VI)*

В 1930-е гг., вплоть до появления его знаменитого обзора пре-дыстории Европы в книге «На заре европейской цивилизации», Чайлд систематически прилагал свою концепцию культуры к неолиту и бронзовому веку. Создавая названия культур, он иногда брал имена их самых известных поселений (Винча, Сескло, Шассей, Унетице, Микены), но чаще какие-либо особенности материальной культуры, в первую очередь керамики (культуры колоколовидных кубков, шнуровой керамики, боевых топоров). Более мелкие субкультурные образования он называл «группами», а для более обширных применял множественное число (культуры кубков, мегалитические культуры) или более общие термины (западный неолит, северный бронзовый век), хотя немецкая номенклатура предпочитала термин «круг» (Kreis) — *Bordische Kreis* для скандинавского и северогерманского бронзового века или *Blechkreis* для культур, использующих простую технику изготовления медных изделий путемковки. Происхождение и развитие этих культур объяснялось в терминах миграции и взаимодействия идей («диффузии»), и большинство археологических статей Чайлда были посвящены этому явлению.

По контрасту с систематизацией номенклатуры и методологии ранних стадий пре-дыстории изучение железного века было более традиционным (Чайлд никогда специально им не занимался). Отчасти в этом виноваты исторические условия — в 1930-е гг. в исследовании железного века лидировала немецкая школа, использовавшая выводы Коссинны и сильно ангажированная политически. В знаменитой статье 1941 г. Эрих Вале заявил, что по принятой методологии невозможно определить разницу между



BRONZE AGE	EARLY PRE-ROMAN IRON AGE EARLIEST P.I.A.		LATE PRE-ROMAN IRON AGE EARLIER P.I.A.		ROMAN I A	PHASES WORK	CULTURES OF INSULAR TYPE	ROMANO-BRITISH CULTURE OF CONTINENTAL TYPE
BRONZE HOARDS Llyn Fawr	THAMES DAGGERS Portslade	WANSWORTH STYLE F.A.		MIRROR (210) AND SNETTISHAM (210) STYLES C.G.P.A.S.	STANWICK			
VARIOUS CULTURES e.g. DEVEREL RIMBURY: at Swainspace Hill   Regional pottery styles (exact chronology and distributions uncertain), e.g. Blandford type Arras La Tène Culture Inhumations Aylesford La Tène Culture Cremations	WOODBURY CULTURE (EARLY)		WOODBURY CULTURE (LATE)		MULTIVALLATION AND STONE-REV ENTRANCES In Many Highland Areas			
	Regional pottery styles (exact chronology and distributions uncertain), e.g. Blandford type		Vary regional pottery styles, e.g.					
	ARRAS LA TÈNE CULTURE Inhumations Coils Burial with square-plan ditch and vehicle		AYLESFORD LA TÈNE CULTURE Cremations					
	750? 700 B.C.	Ha C and D 450? B.C.	La Tène I and II 300? B.C.	La Tène III A1 A3				

### 68. Система культур британского железного века (по данным Ходсона, 1964).

Вверху: Бронзовый век. Ранний доримский железный век. Ранний. Поздний. Бронзовые клады. Ллин-Фаур. Находки в Темзе. Портслэйд. Стиль Уондсворт. Поздний доримский железный век. Стили Миррор и Снеттисхем. Монеты. Стэнвик. Римский железный век. Фазы. Металлические изделия.

Слева: Различные культуры, включая Деверел, Римбери и Ширплейс-Хилл. Укрепления на холмах. Ранняя культура Вудбери. Региональные стили керамики (точная хронология и области распространения неизвестны). Тип Блэндфорд. Эбберстон. Поздняя культура Вудбери. Во многих возвышенных районах. Множество региональных стилей керамики. Латенская культура Аррас. Каулем. Захоронения. Погребение с четырехугольной ямой и колесами. Латенская культура Эйлсфорд. Кремация. Римско-британская культура. Справа: Культуры островного типа. Культуры континентального типа





кельтами и германцами времен Цезаря, живущими по разные стороны Рейна. Это была открытая атака на методологию Коссинны и нацистскую интерпретацию истории. Если бы не заступничество ряда учеников, занимавших видные посты, Вале мог бы поплатиться изгнанием из университета, а то и более жестоко.

Другой проблемой было соотношение Гальштатта и Латена. Были ли это две самостоятельные культуры, возникшие независимо и влиявшие друг на друга, или лишь общие сущности наподобие «западного неолита», внутри которых могли развиваться отдельные культуры? Первое казалось более приемлемым, хотя происхождение гальштаттской культуры было не так легко определить по терминологии Рейнеке, кроме ее общего происхождения от культуры «полей погребальных урн» Центральной Европы, особенно Южной Германии и Австрии. Происхождение Латена относили в Западную Германию, особенно в район Гунсрюк-Эйфеля. Местные группы для Гальштатта определялись на базе погребальных ритуалов и керамики — это были Гораков в Моравии, Платенице в Северной Чехии, Календерберг в Австрии и в целом Westhallstattkreis (круг западного Гальштатта), включающий регион богатых погребений и «княжеских резиденций» Южной Германии и Восточной Франции. Для Латена с его более однородным «кельтским» характером такие подразделения были не так нужны, кроме раннего периода, в котором выделились две группы — Гунсрюк-Эйфель, разные фазы которого охватывали период с Гальштатта D до Латена B, и Марна по терминологии де Мортилье. После публикации материалов по кладбищу Шуальи-Ле-Жогассе в 1936 г. была выделена «жогассейская» группа как предшественница «марнской». Всеми был принят термин «латенский» или просто «кельтский», а его «диффузию» связывали с миграцией кельтов.

Сдвиг от хронологического к чисто культурному подходу был четче всего выражен в Британии. В 1931 г. Хоукс отказался от разделения Гальштатта и Латена, заявив, что его невозможно провести на островном материале. Вместо этого он предложил три основных горизонта: А (поздний Гальштатт), В (марнский) и С (бельгийский). Хотя это деление было чисто хронологическим, Хоукс назвал свои А, В и С «серией культурных групп, выведенных из ар-



хеологического материала» (Hawkes, 1960, с. 3). В его интерпретации, в I в. до н.э. белги колонизировали юго-восток Британии и продвинулись на север и запад, заселенные носителями «марнской» культуры, в то время как в Уэльсе и на севере Англии продолжало жить население позднего Гальштатта. Это было классическое применение теории горизонтов, соединенное с хронологическими пересечениями.

В серии статей, опубликованных между 1960 и 1964 гг., Ходсон опроверг все теоретические и фактологические основания теории Хоукса и предложил вернуться к классической теории «культурных групп» Чайлда (рис. 68). Для Британии он признавал одну местную и две «иностранных» культуры, определяемых по погребальным ритуалам, — трудно определимый период Гальштатта C, труположения Аррасской группы в Восточном Йоркшире и «белгская» культура кремации Эйлсфорд-Суорлинг на юго-востоке Англии. Из хаоса типов керамики, вариантов строений и других артефактов он выбрал три самых общих и широко распространенных элемента: круглый дом, булавка с кольцевидной головкой и ткацкая основа из кости или рога. Проследив существование этих элементов до бронзового века, он объявил их основами местной «культуры Вудбери» и предположил наличие у нее нескольких региональных групп, различающихся по типу керамики и другим признакам. В 1960-е гг. такие группы выделил Канлифф, применивший для обозначения названия поселений, а для позднего периода — имена племен. Вместо определения «группа» он применял другое, «стилевая зона».

Наиболее осторожный подход к концепции культурных групп продемонстрировал в конце 1960-х гг. Дэвид Кларк. Он признал трудность согласования между культурными группами и другими видами деления (лингвистическим, политическим, социальным) и решил, что материальная культура имеет такую же важность, как остальные факторы. Традиционный «интуитивный» способ определения культурных групп он счел ненаучным и предложил разработать иерархию от «атрибута» к «артефакту», «комплексу», «культурной группе» и, наконец, к «технокомплексу». На каждом уровне предполагалось создать разные комбинации элементов — например, комплекс мог включать разные группы артефактов и



мог представлять собой ряд погребений, мусорную яму, клад и т. д. Тип артефактов мог не быть уникальным для определенной культуры (как думали ранние ученые типа Коссинны, из-за чего их терминология часто основывалась на типах артефактов наподобие «колоколовидных кубков»), но делиться с соседними культурами, и неповторимой была только их комбинация. Свой подход Кларк назвал «многосторонним» (политетическим), а подход Коссинны и Чайлда — «монотетическим». Разница между культурами и группами из резкой становилась расплывчатой и почти неразличимой, кроме тех случаев, когда их контакту препятствовали естественные границы.

Идеи Кларка никогда прямо не применялись к железному веку; на деле, молодые ученые, каким я сам был в то время, отвергли их, как слишком неопределенные, хотя теперь я сказал бы, что Гальштатт и Латен являются как раз тем, что он назвал «технокомплексами». Около 1970 г. совершился переход от «культурно-исторического» подхода с его приоритетом культур, миграции и расы (или «этничности», как предпочитали говорить теперь), и Кларк стал одним из его пионеров. «Новая археология» больше тяготела к экономической и социальной реконструкции, и археологи разделились на две группы — новаторов и приверженцев традиционной методологии. В 1970-е гг. их споры затрагивали только железный век Британии, но в конце следующего десятилетия они перекинулись на континент.

## Типология

Другим большим завоеванием археологов XIX в. стало определение способов классификации артефактов. Они восходили к методам естественных наук — детальному описанию и зарисовыванию животных и растений с их сравнением между собой, давшему пищу для классификаций Рэя, Линнея и других. Антиквары медленно воспринимали новые методы, но за нерешительным началом последовал быстрый прогресс, ознаменованный, например, исследованием «древнебританских» монет, опубликованным Джоном Эвансом в 1864 г., или описанием «Древнего кельтского искусства» Кембла и Фрэнкса. В основном классификация осу-



ществлялась интуитивно (любой может отличить лошадь от коровы или топор от меча), но для различения разных типов гнездовых топоров требовались немалые знания.

Типология — это классификация посредством описания, но угол зрения этого описания зависит от произвола автора. Так, Кембл отличал искусство кельтов от англосаксонского по наличию «трубообразного» орнамента, хотя у него были и другие отличительные признаки, допустим, германские квадратные броши с зооморфным узором. Тишлер, пытаясь разделить Латен на периоды, ввел логическую классификацию брошей по их форме (Карл-Аксель Муберг позже упрощенно передал их как O, V и U), оставляя в стороне все прочие различия.

В 1960-е гг. Ходсон, классифицируя броши с Мюнсингенского кладбища, провел ряд экспериментов. Однажды он предложил ученым (не только археологам) расположить броши в хронологическом порядке.

Даже у специалистов результаты оказались самыми разными, поскольку каждый из них предпочитал разные критерии — украшение ножи, высота, длина основания. Сам Ходсон защищал статистический подход, предлагая собрать как можно больше артефактов и потом с помощью разных методов сличить их между собой или с предварительно определенными группами. Таким образом он сравнил бронзовый меч гюндлингенского типа, весьма распространенный в Европе, с мечами, найденными на дне Темзы. Для сравнения оказался существенным только один фактор: соотношение длины и ширины рукояти.

Детальный статистический подход, разработанный Ходсоном, Кларком и другими в 1960-е гг., с тех пор так и не нашел применения, несмотря на внедрение компьютеров и других вычислительных средств. Отчасти виной тому все тот же недостаток данных, поскольку Мюнслингенское кладбище так и не нашло аналога по размеру, разбросу дат и горизонтальной стратиграфии. Классификация, однако, стала более комплексной и проблемно ориентированной: теперь, что касается керамики, ее функции определяются путем изучения внешнего вида, место изготовления — путем определения химического состава, стиль — посредством изучения декоративных элементов.



## Преемственность и изменения

Фундаментальным предположением, лежащим в основе теорий миграции кельтов, является то, что разрыв в археологической преемственности означает смену населения или появление группы, достаточно многочисленной или сильной, чтобы навязать свое влияние. Частично эти теории миграции базировались на исторических параллелях: историях о кельтских вторжениях в Северную Италию и на Балканы, документированной экспансии германских племен в позднеримском мире, набегах викингов и мадьяр. Другим их источником был колониализм XIX в. с его верой в неизменность «примитивных народов» и их неспособность к изменениям без внешнего воздействия. Сами по себе аборигены могут лишь деградировать, как сосуды с высокой ножкой, превратившейся в простое кольцо в Сассексе железного века перед вторжением «марнцев». Этот подход подытоживает цитата из работы датского археолога Йоханнеса Ворзее:

«Мы знаем, что расы у основания культурной лестницы, то есть эскимосы и многие дикие племена Океании и Америки, тысячи лет оставались на том же уровне развития; они не способны развиваться без внешнего влияния и, возможно, смешивания с другими расами».

*(Worsaae, 1859, с. 53)*

Еще в 1930-е гг. практически любые изменения и новации объяснялись миграциями и вторжениями извне. К 1970-м благодаря влиянию «новой археологии» внимание обратилось к иным механизмам — торговле, социальной конкуренции, внутренним экономическим и социальным инновациям, вызванным таким фактором, как перенаселение. Теории «ядра-периферии» и «мировых систем» изучали связи между страдающими от нехватки ресурсов странами Ближнего Востока и Средиземноморья, а теория «равного участия» делала упор на соперничестве между государствами или группами населения. Сторонники новых подходов порой доходили до крайности, предлагая вовсе не считать миграцию фактором изменения или хотя бы принизить ее значение. Как



сторонник новых идей в изучении железного века, я видел в них другие и часто лучшие альтернативы традиционным подходам. Однако, как мы уже видели и еще увидим в следующей главе, археология постоянно сталкивается со значительными изменениями — появлением и исчезновением погребальных ритуалов, форм керамики, кладов и т.д. Нужно проявлять большую осторожность, пытаясь объяснить их при явном недостатке информации. «Преемственность» и «изменения» могут рассматриваться в терминах схемы поселений, погребальных обрядов, типологии артефактов, языка или, с недавних пор, генетики. Изменение редко бывает полным; даже при исчезновении прежнего населения в использовании ландшафта и размещении поселений проявляется некая преемственность. Так, в конце римского периода, несмотря на смену языка и материальной культуры, между культурами романизированных бриттов и англосаксов сохранялось кое-что общее — например резные пряжки для ремней. Саксонские погребальные ритуалы изменились под влиянием христианства, но население и язык остались прежними. В железном веке Галлии оппидумы превратились в римские города, а галльский язык сменился латынью, превратившейся в современный французский. Дублин был основан германоязычными викингами и позже населен местными гэлами (получив при этом гэльское имя), но, несмотря на преемственность населения, там теперь говорят по-английски. Во всех этих случаях мы знаем исторический контекст, но для предыстории он неведом.

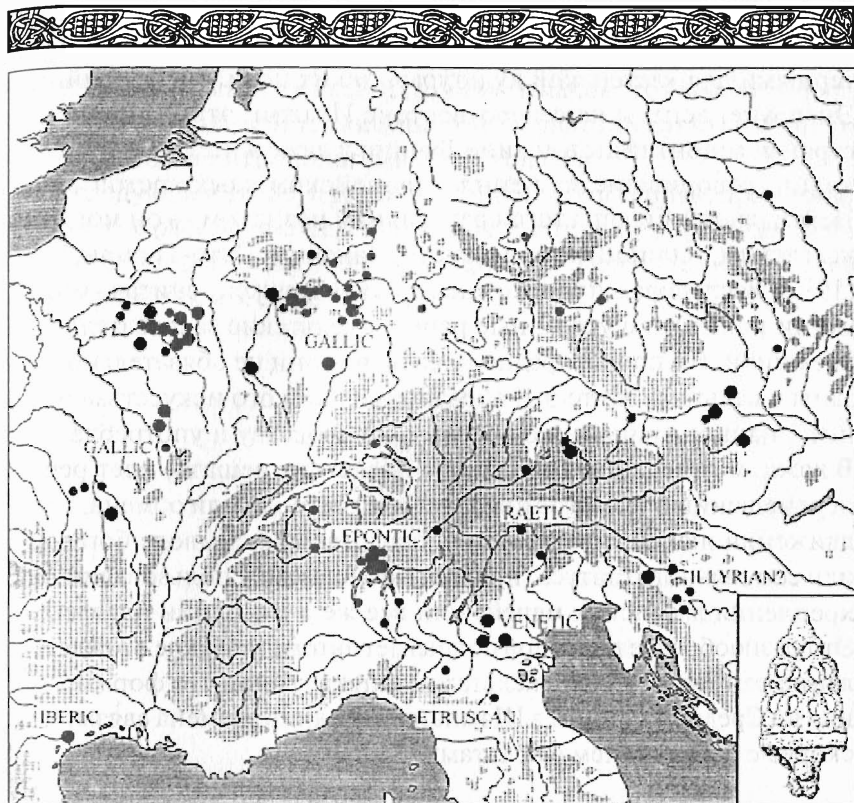
И вот такие свидетельства, вырванные из контекста, используются для того, чтобы определить прародину кельтов или пути их расселения по Европе. Различия трактуются как разница между гальштаттской культурой (кельтской только частично) и латенской, которую фактически уравнивают с кельтами. Если мы хотим выяснить происхождение кельтов, мы должны отыскать район, где Гальштатт перерастает в Латен и демонстрирует свою преемственность. Считается, что это Западная Германия. В Баден-Вюртемберге, где главные «княжеские резиденции» позднего Гальштатта (Гейнеберг и Асперг) подверглись разорению, в ряде небогатых погребений зафиксированы признаки раннего Латена: трупоположение, захоронение мужчин с оружием, женщин с украшениями и девушек с амулетами. Броши и ножны мечей демонстриру-



ют преемственность между Гальштатом и Латеном. Другая область, которую связывают с истоками кельтов, — это Шампань. Много лет французские археологи предполагали в начале Латена разрыв, вызванный миграцией кельтов с востока, но раскопки кладбища в Ле-Жогассе показали наличие многих латенских признаков в предыдущий гальштаттский период. Броши и ножны тоже демонстрируют преемственность, поэтому с 1950-х гг. этот район также включается в область зарождения кельтов или по крайней мере центр их «диффузии».

Переход от Гальштатта к Латену считается ключевым для расселения кельтов, но, как мы видели, когда Хильдебранд и Дезор изобретали эти понятия, им не придавали такого значения. Кельты считались если не коренными обитателями Европы, то ее жителями со времен бронзового века, и концепция археологической культуры еще находилась в колыбели. Во времена Дешелетта уже оформилась теория латенского искусства, подкрепленная типологией ножен и брошей. Однако, как считают многие авторы, внедрение нового стиля искусства на западе и в центре Европы было частью процесса «ориентализации», связанной с распространением с Ближнего Востока растительного орнамента и изображений мифических животных. В таких областях, как Греция и Италия, его появление не было связано со сменой населения; исключением была Этрурия, но ее заселение этрусками в начале VII в. вряд ли повлияло на Центральную Европу.

В Юго-Западной Германии и Восточной Франции переход от Гальштатта к Латену был связан с масштабными социально-экономическими изменениями и, возможно, сменой форм власти. Но и здесь мало свидетельств этнических и лингвистических перемен. Главная черта изменений — внедрение латенского искусства, которое вполне могло осуществляться элитными группами, приспособившими южные заимствования к своим требованиям. В Греции мифологические животные (сфинксы, крылатые кони и львы) в VIII—VII вв. появляются не только в искусстве, но и в преданиях, объясняющих преобладание правящих семейств местных городов-государств. Мегоу в числе других считают латенское искусство культовым, а Паули утверждает то же по поводу погребальных ритуалов и их распространения по Европе.



**69. Распространение застёжек для пояса, украшенных растительным узором и датированных периодом Латен А (V в. до н.э.), и языки народов, которые пользовались этими изделиями или производили их.**

**Надписи на карте: галльский, лепонтийский, венетский, этрусский, ретийский, иллирийский**

Кроме того, многие украшения раннего латенского стиля V в. характеризуют скорее статус, чем этническую или религиозную принадлежность. Железные и бронзовые пряжки с классическим «пальмовым» узором сконцентрированы в районах Гунсрюк-Эйфеля и Марны (рис. 69), причем почти не встречаются вне захоронений соответствующего типа, сосредоточенных в тех же регионах. Эти пряжки распространялись из Южной Франции в Северную Италию и центр Европы, явно игнорируя языковые границы. В основном они найдены в кельтских областях и считаются харак-





терными для «латенской культуры», но их носили и иберийцы в Энсеруне, венеты на северо-востоке Италии, этруски в центре страны, лепонтийцы в долине Тичино и даже жители альпийских долин, говорившие на неиндоевропейском языке ретов. Язык Центральной Европы того времени нам незнаком — он мог быть кельтским, иллирийским и даже германским. Отто-Герман Фрей (1991) исследовал происхождение этих пряжек, считая, что их могли принести в указанные районы кельтские завоеватели или наемники. Но проще предположить, что они не обязательно связаны с кельтами и что эти образцы «кельтского искусства» были интернациональными по своему производству и употреблению. В каждом отдельном случае нам предстоит решать, идет речь о перемещении предметов посредством торговли или обмена, передвижении людей, местном производстве как символе богатства или социального статуса (пряжки в основном использовались для крепления латенских мечей) или все же о миграции населения. Это разнообразие подходов подрывает автоматическое отождествление раннего Латена с кельтами; кстати, район его формирования на Среднем Рейне и в Шампани в поздние времена связывался скорее с белгами, чем с кельтами.

## Выводы

В этой главе я дал обзор основных археологических данных, которые используются для определения древних кельтов, применяемых для этого методологий и концепций типа «культуры» и «культурной группы», «преемственности» и «изменения». Мы отметили, что еще в 1970-е гг. «новые археологи» отвергли концепцию археологической культуры, но многие специалисты по железному веку на континенте и приверженцы старых методов в Британии сохранили ей верность. Еще труднее идет внедрение новых методов за пределами археологии, среди историков и лингвистов, в силу чего отжившие методологические подходы до сих пор присутствуют в общих работах о кельтах. С середины 1980-х гг. мы наблюдаем новый сдвиг к «постпроцессуальной» археологии, уделяющей главное внимание идеологическому подходу к археоло-



гическим данным и «живой истории»; в каком-то смысле это является возрождением традиционной концепции культуры, сформулированной антропологами XIX столетия.

В следующей главе, представляющей собой серию справочных обзоров, я рассмотрю некоторые из этих теорий в приложении к конкретным регионам — как к предполагаемому ядру «кельтской культуры», так и к ее периферии.





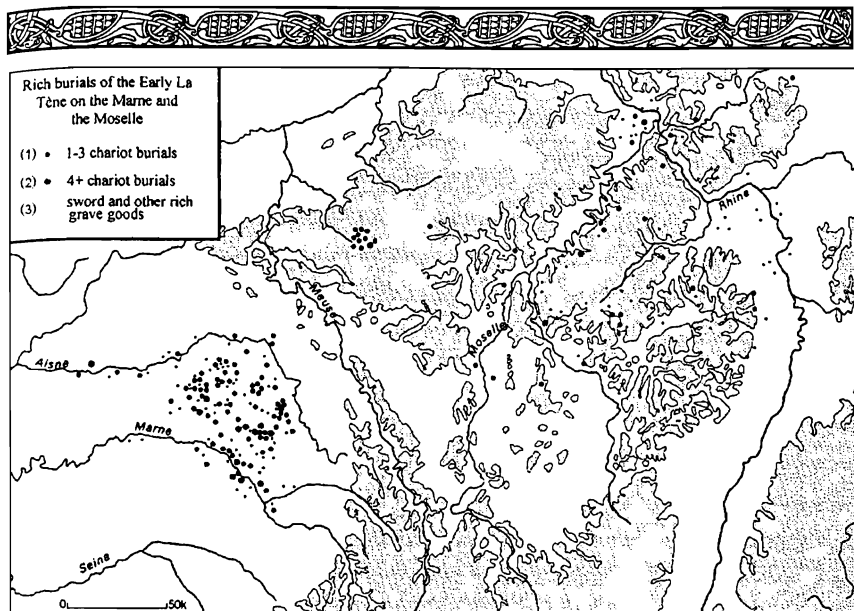
## 8. КЕЛЬТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

В этой главе мы рассмотрим области, ставшие, как предполагают, колыбелью кельтской культуры или заселенные кельтами на протяжении железного века. Мы кратко изучим исторические свидетельства и теории для каждого региона в свете карт кельтского расселения, представленных на рис. 40—46. Начнем с областей предполагаемого происхождения кельтов.

### Гунсрюк-Эйфель

Во времена Цезаря область по обе стороны Мозеля была заселена треверами. Они были достаточно могущественны, но не рассматривались Цезарем как важная сила в Галлии. Он упоминал об их внутренней политике: они представляли собой нечто вроде олигархического государства с подобием народного собрания и тягой отдельных лидеров к единоличной власти. Неясно, считал их Цезарь кельтами или белгами, поскольку между Марной и Рейном граница этих двух групп проведена нечетко. Тацит даже писал, что они считали себя германцами («Германия», 28). Тем не менее они говорили на кельтском языке, и святой Иероним в V в. отмечал сходство между языком окрестностей Трира (в то время одной из столиц Западной Римской империи) и наречием галатов в Малой Азии.

С 1930-х гг. эта область считалась ядром латенской культуры и, соответственно, кельтов. В период Гальштатт С главным погребальным ритуалом оставалась кремация, сопровождаемая захоронением урн с прахом, но в погребальном инвентаре стали обычными бронзовые украшения. В Гальштатт D произошел сдвиг к захоронению под курганами (Гунсрюк-Эйфель I), но во влажной



**70. Распространение погребений с колесницами и других богатых захоронений в районах Марны и Гунсрюк-Эйфеля. Легенда: богатые захоронения раннего латена на Марне и Мозеле: 1 — захоронения с 1—3 колесницами; 2 — захоронения с 4 и более колесницами; 3 — мечи и другие ценные предметы в захоронениях. Надписи на карте: Эна, Марна, Сена, Маас, Мозель, Рейн**

почве останки почти не сохранились, и мы можем судить о возрасте и поле захороненных только по инвентарю и аналогии с другими районами. Некоторые из гальштаттских погребений содержат четырехколесные повозки (например, в Бель-им-Гунсрюк) и бронзовые ковши, из которых одни могли иметь местное происхождение, а другие привозились из Северной Италии.

Латен А представлен здесь преемственным погребальным ритуалом (Гунсрюк-Эйфель II) и даже теми же кладбищами, хотя теперь богатые захоронения были изолированы от остальных (рис. 70). В этих захоронениях найдены не только двухколесные повозки, но и этрусские бронзовые сосуды (двуручные *stamnoi* и кувшины с узким горлышком), мечи и кинжалы, а в женских могилах — богатые золотые украшения. Эти предметы формируют большую группу «раннего стиля» в латенском искусстве с большим спектром деко-



ративных мотивов (криволинейный, растительный, геометрический). К нему принадлежат такие шедевры, как чаша из Шварценбаха (рис. 33), бронзовая фляга из Рейнгейма, золотые торквесы и браслеты из Бад-Дюркгейма, Рейнгейма и Роденбаха. Стили керамики узко локализованы, хотя один-два мастера уже начали использовать гончарный круг. Самые богатые погребения обнаружены в верховьях реки Наэ — районе бедном сельскохозяйственной продукцией, но богатом минеральными ресурсами, особенно железной рудой. Наличие в захоронениях привозных предметов и стиль керамики показывает тесную связь с севером Италии, особенно с долиной Тичино.

В периоды Латен В и ранний Латен С число погребений сильно сокращается (рис. 60), а богатые вообще исчезают, исключая Вальдальгесхейм. Мужские захоронения иногда содержат мечи. Главным погребальным ритуалом становится сожжение с захоронением в урнах, но в период Латен D опять появляются захоронения, включая богатые с привезенными из Италии бронзовыми сосудами, искусно сделанной керамикой и даже амфорами для вина. Благодаря широкому использованию гончарного круга керамика со времен Латена В стала гораздо более единообразной; ее примером может быть кувшин из Браубаха со штампованным узором (рис. 79).

Кроме таких лёссовых районов, как бассейн Нойвида, признаков поселений немного, но очевидно, что местное население жило в небольших неукрепленных селениях. С конца Гальштатта зафиксировано небольшое количество укреплений, но их функции весьма различны, и ничто не говорит об их продолжительном использовании. Бефорт в Люксембурге напоминает укрепленную ферму. Лучше всего раскопанный Бунденбах тоже начинался как огороженная частоколом ферма, но позже, в периоды Латен В и С, там появились строения на четырех-шести сваях, больше похожие на сараи, чем на жилые дома. Небольшие форты возникали и в период Латен D, но с конца II в. в иерархии поселений доминируют укрепленные оппидумы вроде Тительберга в Люксембурге.

Гунсрюк-Эйфель — важный район развития латенского искусства, но это не значит, что мы должны забыть про другие районы, где погребения менее богаты. Он может быть также одним из райо-



нов возникновения вальдальгесхеймского стиля, но мысль о «мастере из Вальдальгесхейма», украсившем в числе прочих предметов найденный в погребении итальянский бронзовый ковш, кажется упрощением. В предметах из погребения видна рука нескольких мастеров, и Северную Италию с неменьшим основанием можно считать районом оформления стиля. Вряд ли можно привязать возникновение целого стиля искусства к одному району и тем более к конкретному мастеру.

Другие аспекты так называемой латенской культуры еще менее ясны. Захоронения повозок, сделанные в V в. и позже, найдены в одних районах, но почему-то отсутствуют в других. Хотя погребальный ритуал Латена А в Гунсрюк-Эйфеле во многом похож на более поздние погребения Центральной Европы, в период Латен В этот ритуал изменился, или, скорее, стал более скромным. Предположение, что сокращение числа погребений в периоды Латен В и С стало следствием миграции кельтского населения на юг и восток, не находит подтверждения в виде прекращения существования хотя бы одного из местных поселений. Типы брошей (плоские и зооморфные Tierkopffibeln) не вписываются в известную нам типологию кельтских брошей. То же можно сказать в отношении керамики. Только в период Латен В с появлением простых брошей Дукса и Мюнсингена и кувшина из Браубаха Гунсрюк-Эйфель вписывается в основной поток изменений Центральной и Западной Европы. Другие артефакты вроде мечей и пряжек для ремней просто совпадают с соседними областями бассейнов Рейна и Мозеля.

В заключение можно предположить, что этот район играл важную, хоть и не исключительную роль в формировании стиля искусства, но был менее важен в других аспектах материальной культуры. Поэтому его вряд ли можно считать колыбелью латенской культуры.

## Шампань

Меловые почвы между реками Сена и Марна содержат в себе богатейшие во Франции погребения эпох Гальштатта и Латена. Несмотря на это, некоторые периоды представлены там плохо.



Погребения Гальштатта С встречаются редко, хотя известны одно или два курганных погребения с типичными для этого периода бронзовыми мечами. В период Гальштатт D появляются кладбища с захоронениями наподобие Ле-Жогассе в Шуайи с четырехколесными повозками, кинжалами и другими предметами, хоть и бедные в сравнении с более южной Бургундией. Сходство между захоронениями Гальштатта и раннего Латена стало основой для предположений об их преемственности и, соответственно, кельтском происхождении.

В период Латен А каждая местная коммуна имела одно-два кладбища, число могил на которых могло превышать сотню (рис. 70). Мужчин хоронили с оружием, особенно мечами и копьями, женщин — с бронзовыми украшениями. Привозные краснофигурные аттические вазы и этрусские бронзовые сосуды, а также золотые изделия присутствуют редко в сравнении с Гунсрюк-Эйфелем. При этом захоронения повозок встречаются гораздо чаще (рис. 27) и включают искусно сделанные бронзовые стремена и сбрую. Хотя присутствуют обычные для раннего Латена криволинейные орнаменты, здесь нет того разнообразия мотивов, что в Гунсрюк-Эйфеле, и геометрический орнамент встречается чаще. Некоторые захоронения содержат следы насыпей или деревянных ограждений, но курганы, если они были, давно исчезли. В период Латен В2 захоронения повозок и мечей более редки и расположены на периферии района распространения Латена А. В период Латен С кремация становится обычной, хотя иногда она встречалась и раньше. Как и в Гунсрюк-Эйфеле, некоторые захоронения богаче других и содержат итальянские бронзовые сосуды.

До 1980-х гг. археология поселений уступала по значению раскопкам погребений. В системе поселений доминировали неукрепленные фермы и хутора, от которых остались только ямы для запасов, погребца и отверстия от вкопанных столбов. Взаимосвязь между поселением, кладбищем и культовым местом выявлена только в одном поселении — деревне Аси-Романс, относящейся к периодам Латен С и D. Планы местных поселений еще не вписаны в контекст изменений, происходящих в этом районе в течение железного века. Укрепленные поселения встречаются редко; самое большое, Ла-Шеппе, датируется началом Латена, но его функции неясны. Центром Шампанского региона была область



Реймса (Дурокотора), где располагался главный оппидум. Мы не имеем сведений о Реймсе до времен Цезаря, когда он был одним из двух главных укреплений Белгийской Галлии. Цезарь утверждал, что белги пришли из-за Рейна и вытеснили галлов, но не назвал даты этого события.

Личные украшения, найденные в захоронениях V столетия, напоминают регион Марны; узорчатые пряжки для ремней являются исключением, но, похоже, это обусловлено лишь малым количеством захоронений этого периода в остальной Франции и Британии. Броши таких типов, как Мардзаботто, вписываются в общеевропейскую схему. Мечи и кинжалы имеют параллели с находками из Темзы. Керамика позднего Гальштатта и раннего Латена имеет высокое качество и украшена узором и иногда рисунками, но в раннем Латене керамические изделия встречаются в погребениях реже, и их качество ухудшается. В общем стиль керамики соответствует общей шкале для центра и севера Франции и юго-востока Британии, но не имеет независимой датировки (дендрохронологических дат для того времени почти нет), поэтому мы не можем ни установить приоритет района Марны, ни причислить его к очагам возникновения латенской культуры.

Уменьшение числа захоронений в период Латен B2, как утверждается, связано с миграцией из этой области в IV в., но то же явление встречается от Баварии до Шампани и, как уже говорилось, не связано с запустением поселений. Появление кремации часто связывают с сообщением Цезаря о проникновении германцев, которое в этом случае относится к III в. На деле кремация появляется уже в V столетии, и то же изменение в ритуалах произошло в «кельтских», судя по Цезарю, районах — Мон-Бовре и Оверни. Поэтому мы должны отказаться от упрощенной интерпретации, унаследованной от Дешелетта с его устаревшей расовой теорией погребальных ритуалов.

## **Баден-Вюртемберг**

Огражденный Рейном и Женевским озером с юга, Рейном с запада и Майном с севера, Баден-Вюртемберг включает также верхнее течение Дуная. Мы не имеем свидетельств раннего присут-





ствия здесь кельтов, кроме сомнительного утверждения Геродота о том, что исток Дуная лежит в землях кельтов у города Пирена. Несмотря на утверждения, что Пирена — это Гейнебург, более вероятно, что Геродот, как и Аристотель, просто ошибся в определении истока реки. Юго-восточная часть Баден-Вюртемберга была занята раураками, клиентами гельветов, римский административный центр которых находился в Аугште, но для остальной части региона названия племен неизвестны, хотя из Посейдония и позже из Цезаря и Тацита можно заключить, что вначале территория гельветов находилась именно здесь, но позже их изгнали германцы. Даже в составе Римской империи эта область называлась просто *Agri Decumani*, «пустынные земли». Однако названия таких мест, как Тародун (ныне Кирхцартен возле Фрайбурга в Брейсгау), имеют кельтское происхождение. В III в. н.э., когда этим регионом завладели аллеманны, он уже имел чисто германское население.

Здесь представлена классическая последовательность Гальштатта и Латена, хотя имеются и местные отличия, особенно в латенский период. Поля погребальных урн сменились гальштаттскими курганными погребениями, некоторые из них имели деревянные камеры с обилием керамики и иногда железными мечами, но захоронения повозок в период Гальштатта здесь отсутствуют. С началом Гальштатта D появляются богатые погребения под большими холмами — Магдаленсберг, Хохдорф и Хохмихеле, связанные (последний точно, остальные предположительно) с укрепленными поселениями. Магдаленсберг существовал недолго, но в холме найдены погребения более позднего периода (рис. 63) — мужчины с оружием, главным образом с копьями и в одном случае с кинжалом, женщины с личными украшениями, в основном браслетами и брошами. Здесь уже заметно уменьшение присутствия керамики, игравшей столь важную роль в захоронениях периода погребальных урн и раннего Гальштатта. Так называемые *Furstensitze* (княжеские резиденции) в Асперге и Гейнеберге включают множество богатых курганов, относящихся с одним лишь исключением к Гальштатту D. Там найдены золотые предметы, четырехколесные повозки и товары из Греции и Италии. В других курганных погребениях встречаются повозки и кинжалы, но отсутствуют золото и привозные товары.



В конце Гальштатта D произошел коллапс системы; Гейнеберг между 500 и 480 гг. до н.э. был сожжен и заброшен, хотя одно из открытых поселений к югу от форта было заселено до самого Латена А. В Асперге укрепление не найдено (возможно, оно находится под выстроенным позже замком), но поблизости обнаружено богатое захоронение Клейн-Аспергле с импортной аттической краснофигурной вазой и местными изделиями, включая два золотых рога для питья, украшенных в стиле раннего Латена. Погребение на два поколения отстоит от последних памятников Гальштатта, но демонстрирует некоторую преемственность идеологии. В этом можно видеть сохранение Асперга как «княжеской резиденции» или же распространение влияния Гунсрюк-Эйфеля на северо-запад. В поселении периода Латен А, найденном под музеем Хохдорфа, также обнаружены краснофигурные вазы и другие признаки богатства. Ряд захоронений демонстрирует то же единство гальштаттской и латенской эпох во вторичных погребениях (Гиршланден) или новых курганах (Барген). Между тем в период Латен А отмечено сокращение числа захоронений и поселений. В периоды Латен В и С развитие более локализовано. В Брейсгау почти нет находок до возникновения оппидума в Кирхцартене (период Латен D), в других районах появляются Viereckschanzen. Только на Нижнем Неккаре, в районе Небрингена, отмечено множество стандартных плоских захоронений.

Традиции гальштаттской керамики здесь типичны для Центральной Европы с обилием чаш, блюд и сосудов для продуктов, обильно украшенных выдавленными, штампованными и нарисованными узорами. Эта традиция исчезает в конце гальштаттского периода. В период Гальштатт D в таких центрах, как Гейнеберг, уже появляется керамика, изготовленная на гончарном круге, с кромкой и узким основанием, которая предшествует изделиям Латена В. Типы мечей и брошей позднего Гальштатта тоже предшествуют латенским. Итак, хотя мы можем с переходом от Гальштатта к Латену указать важные изменения в социальной структуре — например исчезновение богатых погребений и по меньшей мере одного из важных центров (Гейнеберга), в других отношениях (погребальные ритуалы, кладбища, типология артефактов) период VI—V вв. демонстрирует удивительную культурную преемственность. Хотя объяснение уменьшения числа захоронений со-



крашением населения неочевидно, без сомнения, случилось нечто, что может быть названо «системным коллапсом» — крах высокоорганизованного иерархического общества, способного прежде обеспечивать высокую специализацию труда и большую плотность населения.

В недавнюю дискуссию о хронологии позднего Гальштатта и раннего Латена оказались вовлечены главные исследователи гальштатских захоронений Баден-Вюртемберга — Гартвиг Цюрн, Людвиг Паули и Эгон Герсбах, раскопавший Гейнеберг. Дискуссия началась с попытки Цюрна объяснить малое количество захоронений Латена А в сравнении с Гальштаттом D. Ее теоретический и методологический базис заключался в культурно-исторической парадигме, согласно которой Гальштатт и Латен были не столько хронологическими периодами, сколько различными культурными группами. Если кое-где (например, в Гунсрюк-Эйфеле) они перетекали один в другой, то в большинстве районов Латен вытеснил Гальштатт. Сохранение элементов прежней культуры Цюрн объяснял «влиянием» или «пережитками» Гальштатта. Вслед за этим он предположил, что в Баден-Вюртемберге гальштаттская культура сохранялась дольше, чем в Гунсрюк-Эйфеле. Некоторое время две культуры сосуществовали, что объясняло наличие латенских предметов из бассейна Мозеля в гальштаттских погребениях юга. Цюрн составил целый список таких погребений, названных им *Mischgraber* (смешанные могилы). После поколения-двух такого сосуществования Баден-Вюртемберг стал полностью латенским (рис. 71).

Если Цюрн предположил пересечение между Гальштаттом D и Латеном А, то Паули пошел дальше, продлив это пересечение от Гальштатта D3 до Латена В. Так он объяснил присутствие типичных для Латена В артефактов в гальштаттских погребениях Баден-Вюртемберга. Это было также связано с его теориями развития захоронений на материалах Мюлакера, где под курганами были найдены групповые, возможно семейные, кладбища. Паули предположил, что общество того времени было матриархальным (точнее было бы назвать его «матрилинейным») и что на каждом кладбище первой хоронили мать семейства, вокруг которой группировались могилы ее мужа и детей. Со смертью другого «матриарха» основывалось новое кладбище, а старое засыпалось курганом. Таким образом, женщина с латенскими украшениями могла быть



HUNSRÜCK- EIFEL Reinecke	BADEN- WÜRTTEMBERG		DATE
	Zürn	Pauli	
Hallstatt D <sub>1</sub>	Hallstatt D <sub>1</sub>	Hallstatt D <sub>1</sub>	600
Hallstatt D <sub>2</sub>	Hallstatt D <sub>2</sub>		550
Hallstatt D <sub>3</sub>	Hallstatt D <sub>3</sub>	Hallstatt D <sub>2</sub>	500
La Tène A			
La Tène B		La Tène A	La Tène A
	La Tène B	350	

**71. Сравнение между традиционной хронологией Рейнеке и хронологией Цюрна и Паули для Баден-Вюртемберга. Вертикальные графы: Гальштатт D1, D2, D3, Латен А, В. Горизонтальные графы: Гунсрюк-Эйфель, Баден-Вюртемберг, Цюрн, Паули. Дата (гг. до н.э.)**

погребена вторично среди гальштаттских артефактов. Единственным основанием для такого вывода было предположение, что могила в центре кладбища является старейшей.

Работая в этом направлении, Паули предположил, что Гейнеберг дожил до 400 г. до н.э., что соответствует Латену А в Гунсрюк-



Эйфеле и что Гейнеберг-Герсбах связан с последними фазами Латена, хотя там и не найдено раннелатенских предметов. Странно, однако, что при этом поселение, основой благосостояния которого была торговля, располагает чернофигурной посудой VI в. но не краснофигурной V в., которая найдена в соседнем Асперге. Этому было предложено только одно объяснение: одна из чернофигурных ваз превратилась в мелкие осколки, и Паули предположил, что та же судьба постигла все краснофигурные. Таким образом, в номенклатуре Гейнеберга были смешаны два значения терминов «Гальштатт» и «Латен» — чисто хронологические периоды и разные культурные группы.

Сегодня вопрос решен, поскольку получены дендрохронологические даты строительства последних ворот Гейнеберга около 520 г. до н.э., которые были сожжены достаточно скоро — около 500—480 гг. до н.э. Таким образом, идея долгого локального существования «гальштаттской культуры» оказалась ложной, хотя она еще порой отражается в литературе — например, в недавней работе о железном веке в Западной Германии говорится о латенском периоде в Гейнеберге (Diepeveen-Jansen, 2001, с. 10). В еще одной книге на одной странице гибель поселения отнесена к 480 г. до н.э., а на другой — к 400 г. до н.э. (Rieckhoff and Biel, 2001, с. 88, 375). Поздняя дата прекрасно соответствует теории, объясняющей вторжение в Северную Италию около 400 г. до н.э. упадком «гальштаттских вождей». Но в реальности эта теория не работает, или же дату вторжения следует переместить на три поколения раньше. Проблему гальштаттских предметов, найденных в латенских захоронениях (и наоборот) можно решить двумя способами: во-первых, часть погребений действительно представляет собой «смешанные могилы» (их неаккуратно раскапывали, и находки смешались). Во-вторых, некоторые типовые предметы просто не влезли в свои графы на шкале Рейнеке и частично попали в соседние. Эта аргументация выглядит искусственной, но, как мы увидим, она все же более убедительна, чем пересмотр датировок.

Конец Латена в Южной Германии связан с резким сокращением числа находок, исчезновением ряда крупных поселений типа баварского Манхинга и изменениями в материальной культуре, включая возврат к керамике ручного изготовления. В этом случае культурные изменения действительно можно объяснить сменой



населения, что и сделала Сабина Рикхофф в недавнем исследовании, связав его с появлением в этом районе германцев.

## Берри

По данным «Истории» Ливия, в кельтском вторжении в Северную Италию главную роль играли битуриги с их царем Амбигатом, который отправил своих племянников Белловеза и Сеговеза соответственно в Италию и Герцинский лес, дав им в подчинение избыток мужчин не только своего племени, но и других галльских племен, в какой-то степени подвластных ему («своих галльских владений»). Ливий связывает эту историю с основанием Массалии, которое относит к правлению царя Тарквиния Приска около 600 г. до н.э. — временем перехода от Гальштатта С к Гальштатту D. Современные ученые сдвинули эту дату к 400 г. до н.э., концу Латена А. Во времена Цезаря земли битуригов находились в современном Берри с главным оппидумом в Аварике (Бурж). Хотя осада и взятие Аварика было одним из главных событий Галльской войны, Цезарь не числил битуригов в ряду главных галльских племен по контрасту с тем значением, что придавал им Ливий. Это позволяет нам предположить, что историк пользовался какими-то независимыми источниками, но не дает знания о том, где жили битуриги в описанный им период.

Гальштатт С в Берри представлен плохо, но в период Гальштатт D в Бурде возник крупный центр, сохранявший свое значение и богатство до периода Латен А. Там еще не было укрепленного поселения («княжеской резиденции»), но районы вокруг современного города носят следы плотного заселения — например стены здания периода Гальштатт D, покрытые раскрашенной штукатуркой, что для своего времени не находит параллелей за пределами Средиземноморья. Вокруг Берри обнаружены и остатки других зданий, включая мастерскую по изготовлению бронзовых изделий. Эти изделия включали изящные броши, которые можно было носить только на дорогих тканях, и булавки, украшенные привозным янтарем и кораллом. В этих поселениях найден богатый ассортимент привозных керамических изделий, включая черно- и краснофигурные вазы и массалиотские амфоры. Здесь при-



сутствует и расписная керамика, изготовленная на гончарном круге и повсеместно связанная с высоким статусом ее владельцев. И все же в этом районе нет богатых погребений, сравнимых с югом Германии или востоком Франции. В некоторых могилах найдены итальянские бронзовые предметы, а в одной, давно ограбленной, случайно уцелела золотая булавка раннего стиля. Этим исчерпывается ассортимент местного Латена А.

Центр в Бурже теряет свое значение в период Латен В, хотя в этом районе сохраняются признаки активности — ямы для продуктов, погребения и т.д. Берри рано, возможно с конца III в. до н.э. начал импортировать греческие и итальянские амфоры и демонстрировал признаки ранней урбанизации в таких местах, как Левру и Шатомейян. В отличие от соседних арвернов и эдзев битуриги жили не в крупных центрах, а во множестве мелких оппидумов. Однако оппидум Аварик (Бурж) был довольно значительным.

В заключение скажем, что данные Ливия совпадают с археологическими свидетельствами, но представляют загадку для хронологии. Если мы перенесем дату описанных им событий в V в., проблема решится, хотя в этот период в Берри нет следов перенаселения, которое, согласно Ливию, послужило причиной миграции.

## Овернь

Арверны упомянуты Ливием как одно из племен, принявших участие во вторжении в Италию. Во II в. до н.э. они, согласно Посейдонию, были самым могущественным племенем Галлии и контролировали территорию от Атлантики до Рейна и к югу до Прованса. Около 150 г. до н.э. они заключили формальный союз с Римом. Их король Луэрний был богатейшим человеком в Галлии и добился своего положения благодаря щедрым раздачам — он разбрасывал из своей колесницы золотые и серебряные монеты и устраивал для всех желающих обильные угощения. Его сын Битуит был в 123 г. до н.э. разбит римлянами, когда пытался противиться завоеванию ими Прованса, после чего арверны, похоже, потеряли свое лидерство — по словам Цезаря, в его времена контроль над Центральной Галлией оспаривали эдуи и секваны. Ар-



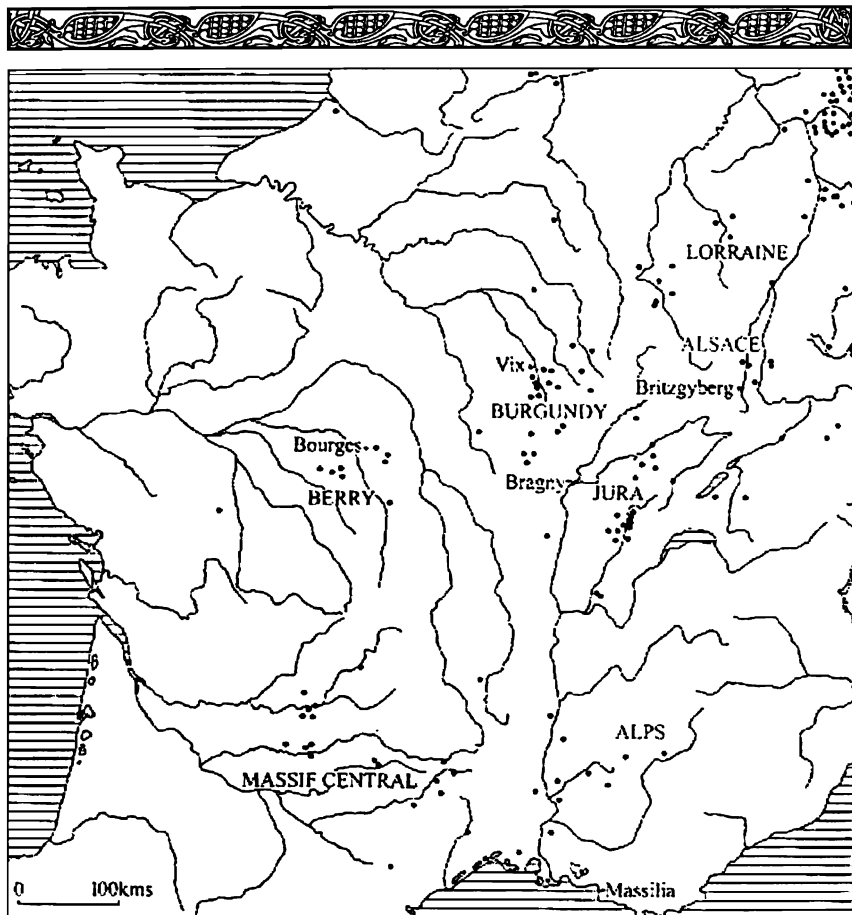
верны не играли заметной роли в Галльской войне до 53 г. до н.э., когда представитель их знати Верцингеторикс поднял восстание и разбил Цезаря у арвернского оппидума Герговия. В конце V в. по словам Сидония Аполлинария, который был епископом Клермон-Феррана, арверны считали себя кельтами, хотя он приписывал им троянское происхождение.

Археологические находки в Оверни происходят из двух главных районов — вулканических предгорий Центрального массива, используемых как пастбища, и плодородной долины реки Альер, в основном из Гран-Лимана к востоку от Клермон-Феррана. На возвышенности найдены многочисленные курганные захоронения периодов Гальштатт С и D. В Гальштатте С доминируют мужские захоронения, некоторые с характерными миндельгеймскими мечами (рис. 72); по контрасту, в Гальштатте D обычны женские захоронения с браслетами и торквесами. В других частях Центрального массива погребения содержат привозные бронзовые сосуды, местную расписную керамику и изредка золотые предметы, но в Оверни все это неизвестно.

Находки железного века в основном сконцентрированы в Гран-Лимане; в других речных долинах и раскопки, и случайные находки дали довольно мало. Даже в Гран-Лимане Гальштатт и ранний Латен представлены плохо. В Ле-Патюрале найдено небольшое захоронение периода Гальштатт D с женскими украшениями (рис. 64), но мужские могилы почти лишены инвентаря. Поселения того времени не огорожены и представлены только ямами для запасов и отверстиями от столбов. Здесь найдена искусно сделанная керамика Гальштатта С, встречающаяся к востоку вплоть до юга Германии, но в период Латен А эта область уже принадлежала к западной традиции Марны (удлиненные сосуды, раскрашенные предметы и т.д.). Точную хронологию установить трудно, поскольку металлические предметы встречаются редко — это, например, броши Гальштатта D и Латена А. Редок и импорт, хотя в одном из селений на северном краю бывшей территории арвернов — Беге возле Ганната — найдены черепки краснофигурных ваз.

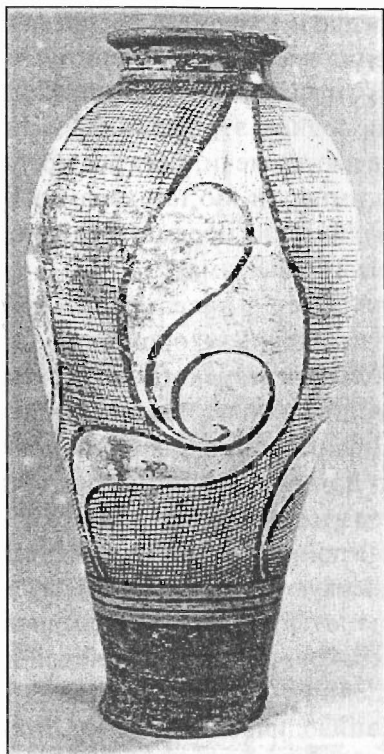
В конце Латена В вокруг Ольна к востоку от Клермон-Феррана развивается крупный комплекс поселений, включая церемониальные и культовые места, где найдено множество итальянских





**72. Распространение захоронений с железными мечами миндельсхеймского типа в период Гальштатта С и главные центры Гальштатта D. Надписи на карте: Бурж, Берри, Центральный массив, Викс, Браньи, Бургундия, Юра, Альпы, Массилия, Брицгиберг, Эльзас, Лотарингия**

амфор и другой импортной керамики, а также латенские металлические предметы — броши, части мечей и другие изделия, украшенные в вальдальгесхеймском стиле. С этого времени поселения, отмеченные ямами, колодцами и пограничными рвами, дают большое количество находок. Стиль керамики на протяжении Латена В радикально меняется — исчезают изящные сосуды в



**73. Разрисованная ваза II в. до н.э.  
из Ольны в Оверни, типичная для времен Луэрния.  
Ассоциация исследования железного века Оверни**

марнском стиле, но в III в. появляется новая посуда, изготовленная на гончарном круге и иногда раскрашенная, которая в Латене D распространяется по всей Центральной Европе. В Оверни лучшие раскрашенные сосуды отмечены латенскими мотивами (включая вальдальгесхеймские «завитки»), стилизованными изображениями животных и более обычным геометрическим орнаментом (рис. 73). В конце Латена D1 (примерно 120—100 до н.э.) большинство поселений в Гран-Лимане были заброшены, и на их месте появились три скромных по европейским масштабам oppiduma — Корнет, Гондоль и Герговия. Все они имеют признаки культовой деятельности — черепки от разбитых амфор, кости людей и животных, вероятно, принесенных в жертву. Захоронения до Латене-

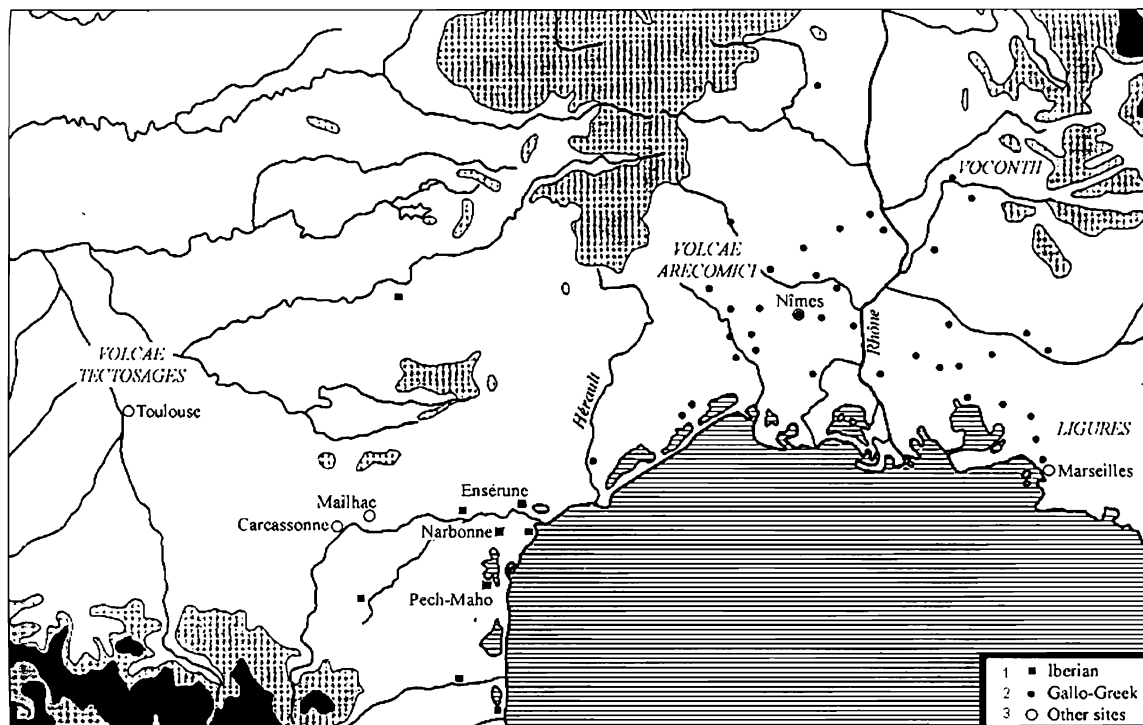


на D встречаются редко и содержат, как правило, одиночные или групповые погребения в местах поселений. Обычным было трупоположение, хотя встречалась и кремация. Погребальный инвентарь скромнен — в основном это керамика и личные украшения, лишь изредка встречаются мечи. Богатые погребения появляются только в период империи, но там керамика (включая множество амфор) и металлические предметы сильно оплавлены и уцелели только в вырытых ранее ямах.

Дешелетт включил Овернь в «кельтский» регион на основании находки здесь гальштаттских захоронений, но она не входила в первоначальную область латенского искусства. Поздние авторы (Guichard, 1986) предположили, что она была заселена кельтами в период Латен В. Эта интерпретация вызвана малым количеством поселений раннего Латена, трудностью их локализации и почти полным отсутствием в находках металлических предметов. Однако доказать что-то по принципу отсутствия трудно, к тому же здесь с V столетия присутствуют привозные средиземноморские товары. Их наличие говорит о процветании территории, несмотря на отсутствие богатых захоронений. Недостаток находок, особенно металлических изделий, — общая проблема для Центральной Франции, однако эпизодические ценные открытия (например, шлем из Агриса) не позволяют принимать ее слишком уж всерьез.

## **Нарбонн и Каталония**

В начале железного века все письменные источники, включая «Перипл массалиотов», помещают на побережье от Эро (если не от Роны) до Пиренеев иберийцев, которые жили и на восточном побережье Испании за Пиренеями. К моменту римского завоевания этот район уже населяли кельты — вольки-тectosаги вокруг Тулузы и вольки-арекомии вокруг Нима. В VI в. берег был колонизирован массалиотами, создавшими поселения в Агате (Агде), Эмпориях (Ампуриас) и Роде (Росас). Самым ранним описанием этого региона является упомянутый «Перипл массалиотов», пересказанный Авиеном в IV в. в его «Ora maritima»; как уже отмечалось, отсутствие упоминаний об Эмпориях (вместо которых по-



74. Распространение иберийских и кельтских граффити и главные поселения юга Франции, упомянутые в текстах. Легенда: 1 — иберийские; 2 — кельтские; 3 — другие поселения. Надписи на карте: вольки тектосаги, Тулуза, Каркассон, Майлак, Нарбонн, Пеш-Мало, Энсерун, Эро, вольки арекомики, Ним, Рона, воконтии, лигуры, Марсель





является загадочная Пирена) позволяет отнести его к периоду не позже VI в. Различные авторы считали, что Пирена — другое название Эмпорий. Мы располагаем также утверждением Гекатея, что Нарбонн (Нарбо) — кельтский город, но в истинности этой цитаты, пересказанной через много веков Стефаном Византийским, можно сомневаться. В 118 г. до н.э. здесь была основана римская колония, перенявшая имя «Нарбо» от предыдущего иберийского (или все же кельтского) поселения.

В археологии региона в I тысячелетии до н.э. доминирует так называемая культура полей погребальных урн. Несмотря на плохое состояние распаханных мест поселений, можно выявить сходство с районами к востоку и северу в керамике и металлических изделий, в то время как ритуал кремации напоминает поля урн Центральной Европы. Как и в других районах (Греция, Италия, центр Европы) ранние захоронения содержат только урны, но в поздних появляются посуда и металлические предметы.

В Кайла-де-Майяк, когда-то охранявшем Каркассонский проход между Нарбонном и Тулузой, обнаружено несколько сменявших друг друга кладбищ и останки укрепленного поселения на скале, позже ставшего городом, как это случилось с Афинами или этрусскими Вейями. Захоронения VII в. также напоминают Центральную Европу присутствием лошадиной сбруи и гальштаттских артефактов вроде бритвенных лезвий. Керамика, однако, носит местный характер, как и оружие — короткие железные кинжалы вместо мечей. Сходные погребальные обряды встречаются и в Каталонии.

После основания в VI в. греческих колоний по соседству с ними появляется множество укрепленных поселений — например Улластрет в нескольких километрах от Эмпорий или Энсерун к востоку от Нарбонна. Раскрашенная керамика из этих поселений напоминает иберийскую, и граффити на сосудах написаны на иберийском языке (рис. 74). Тем не менее в V в. Энсерун следовал центральноевропейской традиции в металлических изделиях — например железных пряжках. В захоронениях с кремацией найдено множество мечей раннего Латена и другого оружия; те же мечи найдены в Улластрете к югу от Пиренеев. В обоих районах найдены местные варианты латенских брошей.

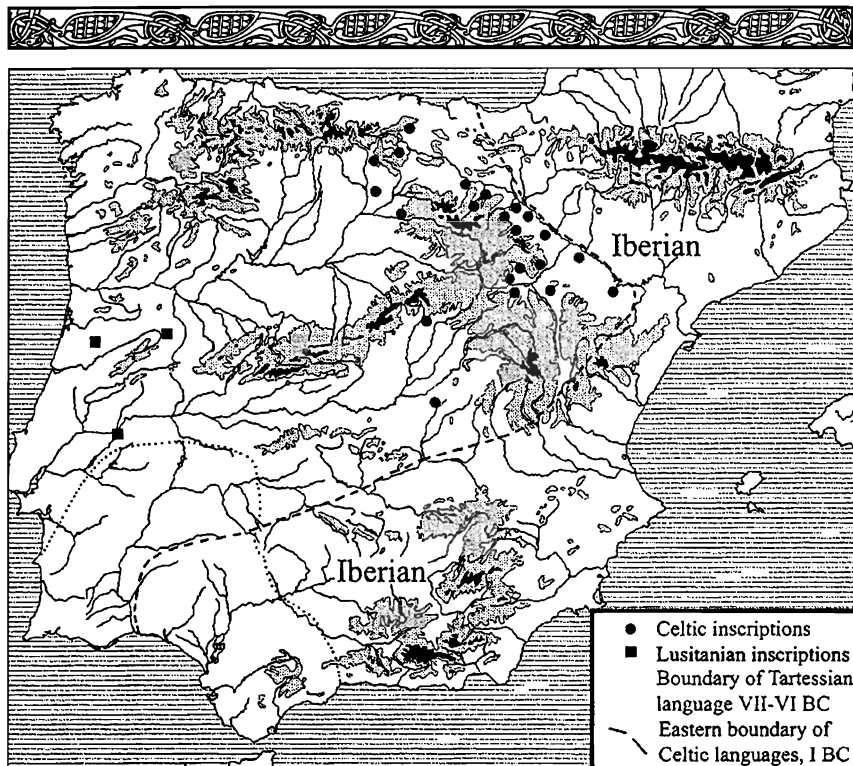


Как и в большинстве районов Западной Франции, железный век верховьев Гаронны представлен бедно, но во II—I вв. здесь по-является обилие итальянских амфор для вина, особенно вокруг Тулузы, где найдены ритуальные места и захоронения с латенскими мечами, привозными итальянскими сосудами и большим количеством разбитых амфор. Здесь находился один из центров изготовления *monnaies a la croix* (крестовых монет) — подражаний серебряным монетам греческой Роды. В Тулузе также находился знаменитый клад, спрятанный в храме и захваченный римским генералом Цепионом в 106 г. до н.э. По сведениям Страбона и Помпея Трога, он включал ценности, награбленные кельтами в Дельфах в 279 г. до н.э. Даже если мы отвергнем принадлежность Нарбо кельтам в V в. до н.э. приходится признать присутствие вольков-тектосагов в районе Пиренеев (Пирены) в не менее раннее время. Однако Тьерри предполагал, что вольки появились здесь не ранее III в. как часть белгской экспансии (слова «вольки» и «белги» он считал синонимами). Д'Арбуа де Жюбенвилль следовал ему, утверждая, что в III столетии кельты заменили иберийцев. Напротив, Малукер де Мотес утверждал, что появление полей погребальных урн означало последнюю экспансию в регионе, а именно прибытие кельтов из Центральной Европы. В этом ему до сих пор следуют большинство испанских археологов. Даже если мы согласимся с тем, что керамика и погребальные ритуалы равнозначны народам, эта интерпретация вызывает ряд вопросов:

1. Повторяют ли эти погребения урновые поля Центральной Европы или просто входят вместе с ними в обширный культурный ареал, включавший не только Каталонию и Лангедок, но и центр Европы, Италию и часть Греции? Как уже говорилось, местные погребения отличаются от настоящих урновых полей.

2. Если они все же связаны, то представляют ли они единую языковую группу? В Италии сходные погребения с кремацией найдены у италийцев (латинов и венетов), кельтов (лепонтийцев) и неиндоевропейских этрусков.

3. Район распространения погребальных урн в Лангедоке и Каталонии был еще три-четыре столетия спустя заселен иберийцами. В Каталонии кельтские названия, на которые ссылается Малукер де Мотес, появились позднее, уже в римский период.



**75. Распространение языковых групп  
на Пиренейском полуострове (по данным Унтермана)**

**Легенда:**

- — кельтские надписи;
- — лузитанские надписи;
- граница распространения тартесского языка;
- · - · — восточная граница распространения кельтских языков

Самое раннее упоминание вольфов в Южной Галлии относится к началу II в. до н.э. (Катон, цитируемый у Плиния, III, 130), в то время как более ранние источники, включая «Перипл массалиотов», их не знают. Возможно, они просто не жили на побережье — и Тулуза, и Ним расположены в глубине континента. Возможно, местные галльские племена ниоткуда не вторгались, а просто выделились из этнического «котла» Южной Франции, включавшего также греков, иберийцев, лигуров. При создании римской провинции в I в. до н.э. именно их города стали главными админист-



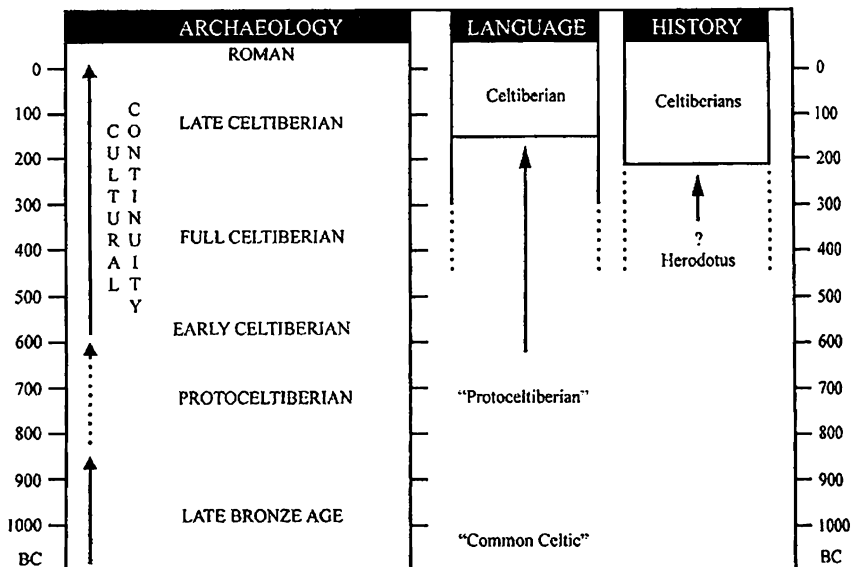
ративными центрами. Пи (1993. С. 159—168) оспаривает «кельтское вторжение» в III в. К востоку от Эро и в Провансе в этот период появляются новые укрепленные поселения, рядом с которыми найдены надписи на галльском языке. К западу от Эро этого не происходит, хотя по крайней мере одно местное поселение, Пеш-Мало, было около 225 г. до н.э. сожжено и заброшено. Внедрения латенского искусства не происходит, поскольку оно появилось в этом районе еще в IV в.

Соединение «иберийской» керамики и «кельтских» металлических изделий демонстрирует провал «культурно-исторического» подхода. Иберийская культура определяется находками на востоке и юго-востоке Испании, кельтская — на западе Германии и востоке Франции. То и другое находится на достаточном удалении от Лангедока, который некоторые археологи определяют как район «смеси» двух культур и или экспорта обоих, — например, латенские мечи, по их мнению, принесены сюда кельтскими наемниками. Самим древним жителям региона вряд ли понравилась бы идея их «смешанности», вытекающая из новейших представлений. Тем не менее она заставляет признать, что изготовление и использование латенских предметов не было привилегией носителей кельтских языков. Мы видим продолжительную связь между Западным Лангедоком и районами к северу и западу от него — сходство керамики, металлических изделий и *tonnaies a la croix* («крест тектосагов»), которые встречаются и в Южной Германии. Связь с Провансом здесь явно теснее, чем с горами Швейцарии.

## Кельтиберия

Древние источники утверждают, что кельты прибыли в Испанию из Галлии, но не сообщают ни дат, ни деталей этого события; вся история имеет привкус «мифа основания», как и идея о смешивании местных иберов с кельтами. На всех картах расселения кельтов кельтиберы представляют главную сложность, поскольку, согласно Геродоту, они уже в V в. жили на атлантическом побережье, где их в III в. находит Эратосфен. Если принять факт, что во времена Гимилькона их на побережье не было, то они появились здесь в начале V в., как считает д'Арбуа де Жюбенвилль. Но





**76. Развитие кельтиберской культуры (по данным Лоррио, 1997).**

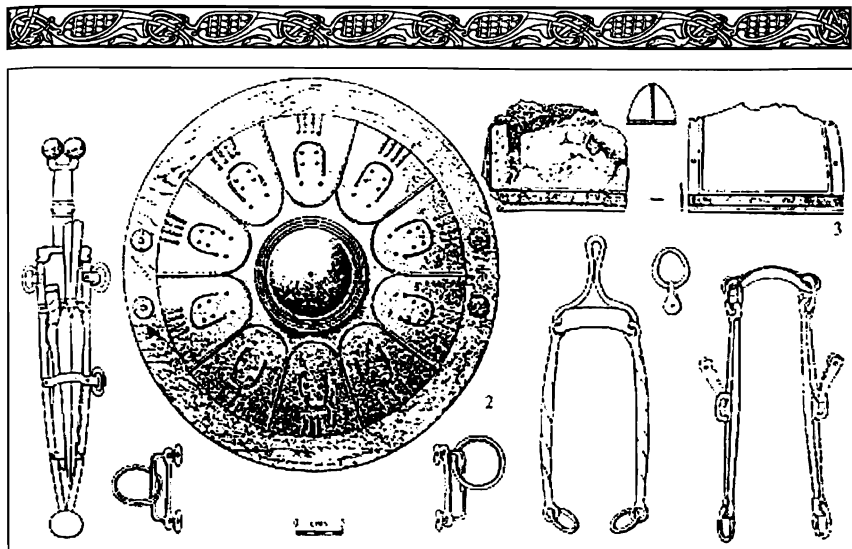
**Надписи на схеме: Археология. Культурная преемственность.**

**Поздний бронзовый век, протокеLTиберская, ранняя кельтиберская, кельтиберская, поздняя кельтиберская, римская.**

**Язык. ОбщекеLTийский, протокеLTиберский, кельтиберский. История. Геродот. Кельтиберы**

согласно утвердившейся теории, в Южной Галлии их в то время еще не было, поэтому кельтиберы явно выглядят изолированными от основной массы кельтов.

Лингвисты и археологи предпринимали много попыток решения этой проблемы. Малукер де Мотес в 1920-е гг. предположил, что кельты были носителями культуры погребальных урн Лангедока и Каталонии, которая распространилась на юг до Эбро. Но мы уже отмечали, что кельтские названия в Каталонии появились намного позже, и вообще нет никаких оснований уравнивать погребальные урны с кельтами (или любым другим народом), поскольку в Италии их применяли этруски, а в Каталонии и Лангедоке — иберийцы. Географически кельтиберы почти не пересекаются с районом Эбро, и во всяком случае можно предположить,



77. Альпансеке, Сория, Испания, захоронение 20, ряд 3, предметы.  
 1. Кинжал, наконечник копья и нож. 2. Щит. 3. Фрагменты  
 бронзового шлема. 4. Конские стремена

что они переняли обычай кремации у жителей этого района. Поэтому испанские археологи постепенно отказываются от «урново́й» теории и связывают приход кельтов с западом и Атлантикой — особенно те, кто принимает удлиненную временную шкалу Ренфрю. Однако все эти теории означают уравнивание керамики или, по крайней мере, погребальных ритуалов с народами и языками, с чем трудно согласиться. Нужно также провести черту между кельтиберами и народами, говорившими на кельтских языках, что, как уже говорилось, далеко не одно и то же (рис. 75). Из географических названий вытекает, что такие племена, как лузитаны и веттоны, которых никто не считал кельтами, говорили на кельтских языках.

Первым упоминает кельтиберов Полибий в III в. (рис. 76), но, возможно, он говорит просто об испанских кельтах, которые наравне с иберами служили в качестве наемников в Сицилии и Карфагене начиная с IV в. Занятая ими область четко не определена, и в ней трудно разместить племена, упомянутые в источниках; локализации поддаются только пелендоны, ареваки (с их столицей Нуманцией) и, возможно, белики. Разные авторы включали в состав кельтиберов разные народы; ваккеи, олькады и карпетаны то



попадали в их число, то нет. В культурном смысле кельтиберы были смешанным народом. Археология VIII—VII вв. в районе их проживания остается белым пятном, поэтому неизвестно, испытали ли они влияние культуры Лас-Коготас I с ее богатой керамикой. Впрочем, как я уже говорил, изменения в керамике чаще зависят от объема производства и социальной роли, чем от смены населения.

В разных частях Кельтиберии развитие протекало по-разному. Вокруг Сориа с VI столетия появилось много укреплений, но погребений здесь почти нет; в северо-западной части долины Эбро встречаются поля погребальных урн, которые сохраняются здесь до железного века. Типичный для кельтиберов погребальный ритуал зарождается в верховьях рек Тахо, Дуэро и Халон, возвышенном районе, хорошо подходящем для пастбищ. Ранние захоронения с кремацией там содержат наконечники копий, а в поздних появляются мечи и кинжалы; где-то между этими фазами в Кельтиберии, богатой железной рудой, началось изготовление железных орудий. Некоторые погребения украшены параллельными рядами («улицами») стоящих камней. Ряд кладбищ использовался вплоть до II в. до н.э., что говорит о преемственности. В «классический» период кельтиберской культуры захоронения демонстрируют растущее неравенство, хотя их инвентарь различается в разных областях. В богатых захоронениях встречаются характерные кинжалы (часто с обильно украшенными ножнами), копья, щиты, ножи, части шлемов и конской сбруи (рис. 77). В финальной фазе, датируемой II—I вв., появляются первые городские центры, раскрашенная керамика и надписи на кельтиберском языке.

Раннее появление кельтиберов в Испании остается проблемой для традиционной теории происхождения и расселения кельтов из Центральной Европы. Можно предположить, что ранняя дата связана с появлением языка, в то время как сама кельтиберская общность возникла позже. Большинство терминов, используемых испанскими учеными, не слишком полезны, поскольку бессмысленно говорить о «протокельтах» или «протокельтиберах», не зная точного времени их появления. Несостоятельна и концепция масштабного вторжения кельтов в начале железного века, которое ничем не подтверждается. Я также отвергаю версию, по которой



кельты и кельтские языки пришли в Испанию вместе с погребальными урнами. Проблема остается нерешенной, но я склоняюсь к удревнению временной шкалы, хоть и не до таких пределов, как предлагает Ренфрю.

## Великобритания

Как уже говорилось, античные источники никогда не называют обитателей Британии кельтами, а только *Pretannoi* или *Britanni*, то есть «бриттами». Цезарь пишет о том, что там поселились белги, и тесные контакты через Ла-Манш подтверждаются многими источниками. Винчестер назывался *Venta Belgarum*, а Силчестер — *Calleva Atrebatum*, и археологические находки роднят юг Англии скорее с Белгией, чем с Галлией. Исключением могут быть паризии восточного Йоркшира, возможно, родственные паризиям Северной Франции. Цезарь говорит, что жители юго-востока Британии напоминают галлов, но Тацит отмечает физическое сходство силуров Южного Уэльса и обитателей Иберии.

В 1920-е гг. Р.А. Смит предложил теорию трех фаз континентальной экспансии, связав их, соответственно, с Гальштаттом, ранним и поздним Латеном в материальной культуре и погребальных ритуалах. Позже появилась теория Хоукса о трех вторжениях, обозначенных как А (гальштаттское), В (марнское) и С (белгское). В 1958 г. Хоукс пересмотрел эту схему, признав множественность вторжений раннего Латена. Его взгляды критиковал Ходсон, который также признавал наличие трех волн пришельцев, различающихся погребальными ритуалами (рис. 67). Гальштаттское влияние отмечено одним лишь предполагаемым погребением в Эбберстоне, Южный Йоркшир. Ранний Латен представлен Аррасской культурой Восточного Йоркшира с захоронением повозок, а поздний — культурой Эйлсфорд-Суорлинг на востоке Англии. Ходсон подчеркивал местный характер главной части британского железного века, так называемой культуры Вудбери, которая ассимилировала влияния Гальштатта и Латена. Даже с появлением иностранной Аррасской культуры в Британии сохранялись местные круглые дома, металлические крепления колесниц и погребальные ритуалы, не имевшие параллелей на континенте.



ненте. В поздней статье Хоукс писал о «кумулятивном кельтизме», под которым он понимал постепенное распространение континентального влияния вместо разового завоевания.

Местная природа железного века Британии сегодня признана всеми, причем за периодами тесных связей с континентом здесь следовали периоды едва ли не полной изоляции. В позднем бронзовом веке контакты осуществлялись в основном с атлантическим побережьем, о чем говорит обычай помещения кладов в реках, а также сходные типы артефактов — мечи, топоры с гнездами и т.д. Количество кладов растет на рубеже VII в., когда фокус контактов смещается к северу. В Британии появляются бритвенные лезвия и гюндлингенские мечи периода Гальштатт C, кинжалы и броши Гальштатта D, а позже — латенская керамика и металлические изделия. Металлические предметы в основном найдены на дне рек (кинжалы позднего Гальштатта и раннего Латена из Темзы) и лишь изредка в захоронениях (мечи раннего Латена из Ветвонга в Восточном Йоркшире).

Керамика, особенно распространенная на юго-востоке, говорит о том же. С VIII—VII вв. появляются сосуды для еды и хранения продуктов, аналогичные найденным в Северной и Центральной Франции, удлиненные кубки и чаши марнского типа. В IV в. это сходство исчезает, и в среднем железном веке Британии (350—100 гг. до н.э.) возникает множество местных стилей, почти не находящихся аналогов во Франции. Только в I в. с внедрением гончарного круга Британия снова вливается в общий поток континентального развития.

На картах расселения кельтов утвердилась интерпретация Хоукса и других ученых, ошибочно переместивших броши типа Мардзаботто из Латена A в Латен B. Таким образом, период вероятного прибытия кельтов (около 250 г. до н.э.) совпал с временем минимальных контактов с континентом. По этой причине нельзя говорить ни о вторжении, ни даже о «кумулятивном кельтизме». На самом деле трудно сказать, почему Британия не могла самостоятельно перейти от Гальштатта к Латену, как это случилось в других странах. Этому наверняка способствовали контакты с континентом, которые никогда не прекращались совсем, вопреки взглядам миграционистов, видящих в культуре нечто застывшее и приходящее в движение только при грубом толчке извне.



## Ирландия

Античные авторы знают об Ирландии очень мало — даже ее географическое положение было толком неизвестно, и ее изображали между Британией и Иберией. Остров называли Иерной, или Ибернией, но, как и в Британии, его обитатели никогда не носили имя кельтов. В позднеримский период ирландцы были известны под именем скоттов. Только Птолемей сообщает дополнительные детали, включая названия ряда племен, в том числе известных в других местах, — например бригантов.

Ирландия — единственная кельтская страна, где существует независимая литературная традиция в форме поэм и законодательных трактатов, записанных в начале христианской эры, таких как «Книга захватов» или Ольстерский эпический цикл. До какой степени они независимы, остается предметом споров. Монахи, которые записывали их, очевидно, были не простыми копирующими, а редакторами, вносящими свой вклад в форму и содержание текстов. Они были хорошо знакомы с классической литературой, и их записи на деле представляют собой не «окно в железный век», а отражение современных им политических обстоятельств, материальных условий и культурных традиций. Описание ими таких великих центров прошлого, как Тара и Эмайн-Маха, могло быть не отражением устной традиции, а просто попыткой интерпретации древних памятников — такой же, какой занимаются археологи. Трудно поверить, например, что деление Ирландии на пять частей, известное в раннем средневековье, было таким же в железном веке, тем более что у Птолемея мы видим совсем другое расселение племен.

Ирландская археология железного века сталкивается с теми же проблемами, которые мы видим в Центральной и Западной Франции: это фрагментарность данных и их малая информативность. Большинство находок представлено металлическими предметами, найденными на дне рек, вне контекста. За пределами Ольстера крайне мало находок, относящихся к периоду VI в. до н.э. — V—VI вв. н.э. К началу I тысячелетия до н.э. относятся богатые клады атлантического бронзового века, свидетельствующие о контактах с Британией и Иберией (в этом контексте следует рассматривать фигурку обезьяны из Наван-Форты). Отмечены также кон-



такты с Шотландией и Скандинавией. Однако незадолго до того, как находки становятся редкими, мы наблюдаем переориентацию на Центральную и Западную Европу, отмеченную появлением металлических изделий Гальштатта С, особенно бритвенных лезвий и гюндлингенских бронзовых мечей.

Гальштатт D и Латен А почти отсутствуют, но предметы типа ножен из Лиснакрогера говорят о том, что в период Латен В Ирландия следовала континентальной традиции в металлургии. Золотой торквес и другие находки из Бройтера доказывают, что Ирландия не была бедной, но при отсутствии контекста утверждать этого нельзя. Материал напоминает находки в других частях Британии (сбруя и детали колесниц), но иногда имеет сугубо местный характер (броши стиля Наван). Барри Рафтери отмечает большее сходство ирландского железного века с континентальным материалом, чем с британским. Кроме металлических предметов, найдены ручные мельницы, бревенчатые дороги, остатки насыпей и рвов, а также масштабные церемониальные центры Наван-Форт (древняя Эмайн-Маха), Дун Айлине и, возможно, Тара. В целом мы знаем о местном железном веке очень мало — нет строений, нет керамики и почти нет захоронений.

Таким образом, мнение многих авторов, что Ирландия стала «кельтской» в III или II вв. до н.э., не имеет никакого подтверждения. Хотя имеющиеся данные говорят о сокращении численности населения на переходе от бронзового к железному веку, этнический состав этого населения определить невозможно. Вряд ли бронзовый век здесь продолжался дольше, чем в других регионах, как считают некоторые; остров не был изолирован от остальной Европы и развивался вместе с ней, хотя подтверждений этому пока не найдено.

## Дания

Первое письменное свидетельство о Дании и Шлезвиг-Гольштейне исходит от Тацита, который в I в. н.э. поместил кимвров на север этой области, а хавков — на юг. Похоже, что Ютландия была родиной кимвров, которые в 113 г. до н.э. опустошили Центральную Европу и Галлию, пока Марий не разбил их при Аквах Сек-



стиевых (Экс-ан-Прованс) в 102 г. и при Верцеллах близ Милана в 101 г. до н.э. Более поздние лингвистические свидетельства говорят о том, что в этом районе жили германоязычные народы, хотя из слова «Моримаруса» можно заключить, что кимвры или их часть говорили по-кельтски (Плиний, «Естественная история», 4.95). Однако этническая классификация кимвров во II в. до н.э. представляет трудности, поскольку римляне в то время не различали кельтов и германцев, и даже в середине I в. до н.э. Цицерон считал тех и других галлами.

В сравнении с богатыми находками северного бронзового века, где представлены клады, погребения и votivные предметы, ясторфская культура железного века выглядит бедной. Погребальным ритуалом была кремация в урне с немногими украшениями вроде булавок с изогнутой головкой («лебединые шеи»); клады в период Гальштатт С почти исчезают, зато появляются миндельгеймские и гюндлингенские бронзовые мечи. Поселения, дающие обширную информацию о типе жилищ и планировке, дают мало металлических и других предметов. Продолжается захоронение votивных предметов, но их число меньше, чем в предшествующий (и последующий) период. Почти все votивные предметы привозные, вроде бронзовых чаш из Кьярумсгора, изготовленных в Италии. Знаменитый котел из Гундеструпа, который обычно считают кельтским, изготовлен в низовьях Дуная и представляет собой часть долговременной традиции импорта товаров оттуда в Данию, начало которой можно отнести к позднему мезолиту (около 4000 г. до н.э.)

Трудно также уверенно определить происхождение других находок, вроде котлов из Ринкебю и Бро или повозок из Дейберга. Мы знаем мало о местной металлургической традиции и не можем сказать, какие навыки и стили здесь бытовали, хотя можно предположить, что традиции позднего бронзового века не исчезли бесследно. Названные предметы являются дорогими и уникальными, поэтому их трудно сопоставить с чем-либо, но вряд ли можно на этом основании считать их «кельтскими» и утверждать, что они не могли быть изготовлены в «германской» Дании. Что касается более скромных предметов, то они следуют общеевропейской линии развития. Это справедливо в отношении брошей и «округлых» торквесов, украшенных латенскими мотивами, которые часто





встречаются на востоке Дании. Верно и в отношении щитов, мечей и, возможно, кольчуги, найденной в Хьортспринге. Найденный здесь корабль и другие предметы определяют как дары, захороненные после победы над чужеземными захватчиками; их происхождение относят к области Гамбурга, явно населенной германцами, и датируют примерно 300 г. до н.э.

В 1930-е гг. доримский железный век Скандинавии часто называли «кельтским» по контрасту с римским, германским и викингским. Это упрощение могло легко навести на мысль, что местные жители были не просто германцами, испытавшими влияние кельтов (что само по себе не бесспорно), а настоящими кельтами — называл же Цицерон кимвров «галлами»!

Итак, в Дании мы встречаем группу германских племен, чьи погребальные ритуалы и материальная культура заметно отличаются от южных районов. При этом они пользовались латенскими металлическими изделиями и делали их сами. Я могу только согласиться с Флемингом Каулем, который говорил, доказывая местное происхождение повозки из Дейберга: «Повозки, торквесы и броши демонстрируют, что районы, где распространено кельтское искусство, совсем не обязательно были заселены кельтами. Кельтское искусство и кельтский этнос можно считать двумя разными явлениями, которые вполне могут существовать отдельно».

## Чехия

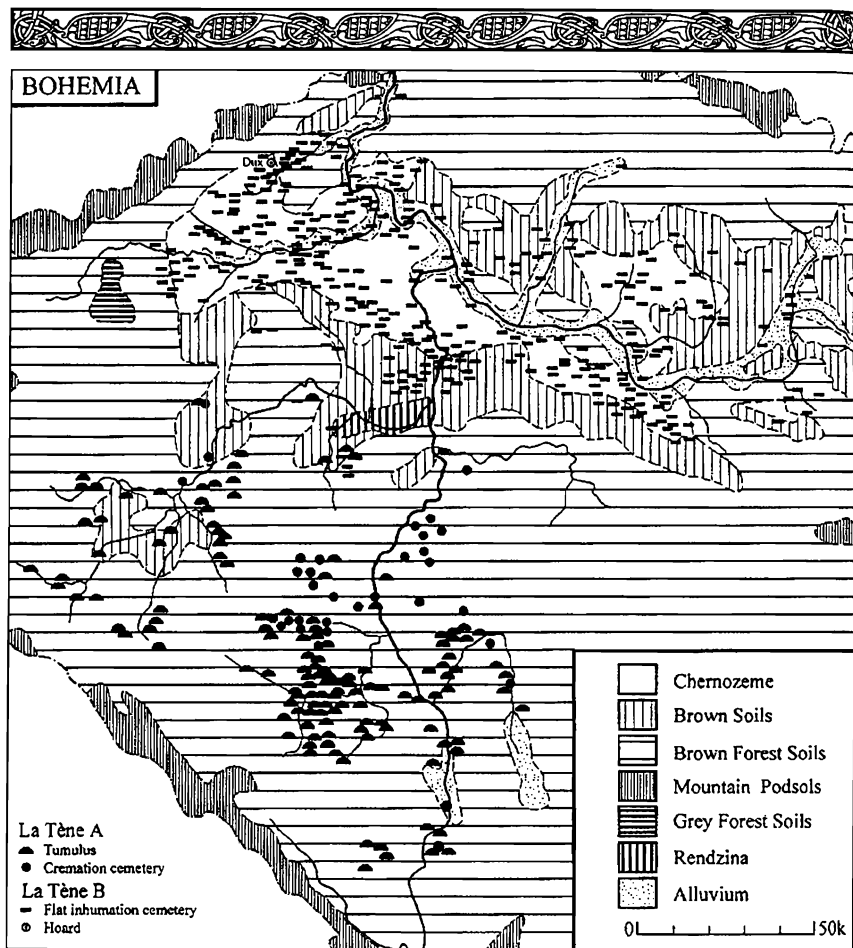
Прежнее название этой страны «Богемия» произошло от племени бойев, которое участвовало во вторжении в Северную Италию и в миграции гельветов в 58 г. до н.э. По сведениям Страбона (V, 213, 216), после поражения от римляне при Мутине (193 г. до н.э.) многие бойи бежали за Альпы. В середине I в. до н.э. бойи были разбиты даками во главе с Бурбистой и изгнаны со своей земли, которая получила название «пустыни бойев». Название *Boihaemium* у Страбона и Тацита прилагается к территории, находящейся под контролем маркоманнов и их лидера Маробода и не равнозначна современной Чехии-Богемии (рис. 54). Римские топонимы подтверждают присутствие бойев в этом районе — нынешний Иннштадт-бай-Пассау на австрийско-баварской грани-



це когда-то назывался Voiodugum. Можно считать, что бойи жили в регионе во II в., если не раньше, хотя Ливий говорит, что они вторглись в Италию через перевал Roeninus (Большой Сен-Бернар), расположенный гораздо западнее.

Чехия географически делится на возвышенность, богатую минералами, и плодородную лессовую равнину севера (рис. 78). В железном веке это деление было также культурным, хотя оба района принадлежали к классическому Гальштатту и Латену Центральной Европы. После широкого распространения здесь полей погребальных урн в конце бронзового века в некоторых районах кремация продолжалась до периода Гальштатт С, хотя погребальный инвентарь стал богаче (например, в захоронении Платенице с мечами). При этом общепринятым стало захоронение под насыпью с повозками, сбруей, мечами и др. (так называемая культура Биланы) с одним необычайно богатым погребением в Граденине. В период Гальштатт D труположения опять исчезают, сменяясь кремацией. В этот период появляются укрепленные поселения, особенно в Завиште к югу от Праги, где найден настоящий «акрополь» с культовыми строениями.

Разделение между севером и югом Чехии лучше всего проявляется в латенский период. В Латен А на юге отмечены захоронения кремированных останков под курганами, в том числе богатые, с повозками, конской сбруей и привозной посудой, в целом сравнимые с Гунсрюк-Эйфелем. Вокруг Пльзенья доминируют труположения, но с «масками» Латена А и антропоморфными брошами. Как и в других районах с богатыми погребениями Латена А, на юге плохо представлен Латен В, и до конца Латена погребений здесь почти нет. Напротив, на севере с периода Латен В1 появляется множество захоронений с труположением, которые исчезают в конце Латена С1. После этого захоронения в Чехии появляются только в период «римского» железного века, не считая маленькой группы кремированных останков на крайнем севере. На севере доминируют неогражденные поселения, хотя для Латена D это не документировано. В период Латен А богатые поселения обносят частоколом; там найдены такие импортные товары, как аттические краснофигурные вазы. Там, где велись масштабные раскопки, например в Радовешице, поселения непрерывно существовали с Гальштатта D до позднего Латена, и изменение



## 78. Погребальные ритуалы латена А и В в Чехии.

Легенда:

**Латен А**

● — курган;

● — погребение с кремацией.

**Латен В**

— — плоское захоронение;

⊙ — клад.

□ — чернозем;

▨ — бурая почва;

▩ — бурая лесная почва;

▧ — горный подзол;

▦ — серая лесная почва;

▤ — рендзина;

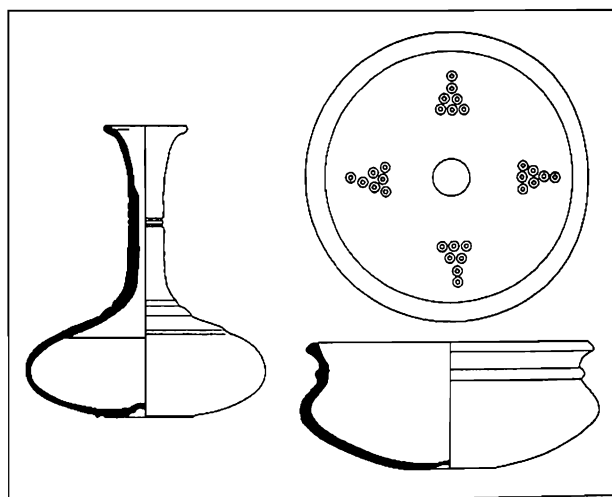
□ — аллювий



погребальных ритуалов не связано со сменой населения. Опидумы известны только на юге Чехии.

Материальная культура следует главным направлениям Центральной Европы. В период Латен А доминируют «маски» и антропоморфные броши, а в Латен В — типы Дукс и Мюнсинген, происходящие с запада, из Баден-Вюртемберга. Металлические изделия в период Гальштатт D представлены слабо из-за отсутствия богатых захоронений. Гальштаттская керамика отличается обилием форм и стилей, но исчезает в период Латен А, когда появляются изделия, изготовленные на гончарном круге, в том числе Linsenflaschen (плоские сосуды) и кувшины браубахского типа с богатым штампованным орнаментом (рис. 79). Сделанные вручную сосуды имели обычно геометрический орнамент. В Латен В и С гончарный круг стал обычным, орнамент начал исчезать, зато у сосудов появились кромка и тонкое горлышко. Обычными стали горшки для варки из графитовой керамики (Graphittonkeramik) с вертикальным гребенчатым узором. В конце Латена С появились изящные раскрашенные сосуды, также изготовленные на гончарном круге.

До 1970-х гг. ученые признавали смену «местного» Гальштатта «пришлым» Латеном. Потом сделанная вручную керамика из оп-



79. Кувшин из Браубаха и плоская чаша — товары массового производства из Дюрнберг-бай-Галлейн, Австрия



пидумов позднего Латена стала рассматриваться как «пережиток» Гальштатта (на деле она характерна для латенского периода и найдена не только в Чехии). Путаницу усугубили небрежно описанные находки — встречались описания гальштаттских захоронений с брошами среднего Латена. Латенскую культуру рассматривали как пришедшую с запада, хотя Дешелетт считал Южную Чехию одним из районов ее зарождения. Для Филипа появление Латена связано с распространением погребений с труположением (рис. 80), браубахских кувшинов и т.д. — все это он включил в «Дукский горизонт», датированный началом Латена В, хотя некоторые погребения с латенскими брошами относились к более раннему времени. Именно к этому периоду он отнес экспансию кельтов, игнорируя преобладание поселений и материальной культуры от Гальштатта к Латену. Вальдхаузер предположил ограниченную миграцию западных племен, от которых местное население переняло погребения с труположением вместе с латенскими украшениями и оружием. Однако это не объясняет последующего исчезновения погребений, к тому же металлические изделия нового типа встречаются в Чехии еще в период Латен А. В обзоре «святилища» в Либенице Киммиг предложил изменить датировки керамики Центральной Европы, датируя их с помощью металлических изделий, а не наоборот, как это принято. Таким образом, вместо IV в., предложенного такими авторами, как, например, Питтиони, чешские находки были отнесены к V в. вместе с плоскими сосудами и браубахскими кувшинами, хотя последние появились на Нижнем Рейне только в IV в. Таким образом, предлагалось ни больше ни меньше изменить направление кельтской экспансии с восточного на западное.

Это упрощенное толкование базировалось на истории Ливия об исходе кельтов из Центральной Франции, но не имело археологических предпосылок, даже если дата этого исхода менялась с 600 на 400 г. до н.э. Помещение прародины кельтов в Восточную Францию и Западную Германию создавало одинаковые проблемы. На самом деле мы наблюдаем встречные влияния — металлические изделия и погребальные ритуалы распространялись с запада, а керамика — с востока, причем те же браубахские кувшины доходили не только до Рейна, но даже до Британии. К тому же



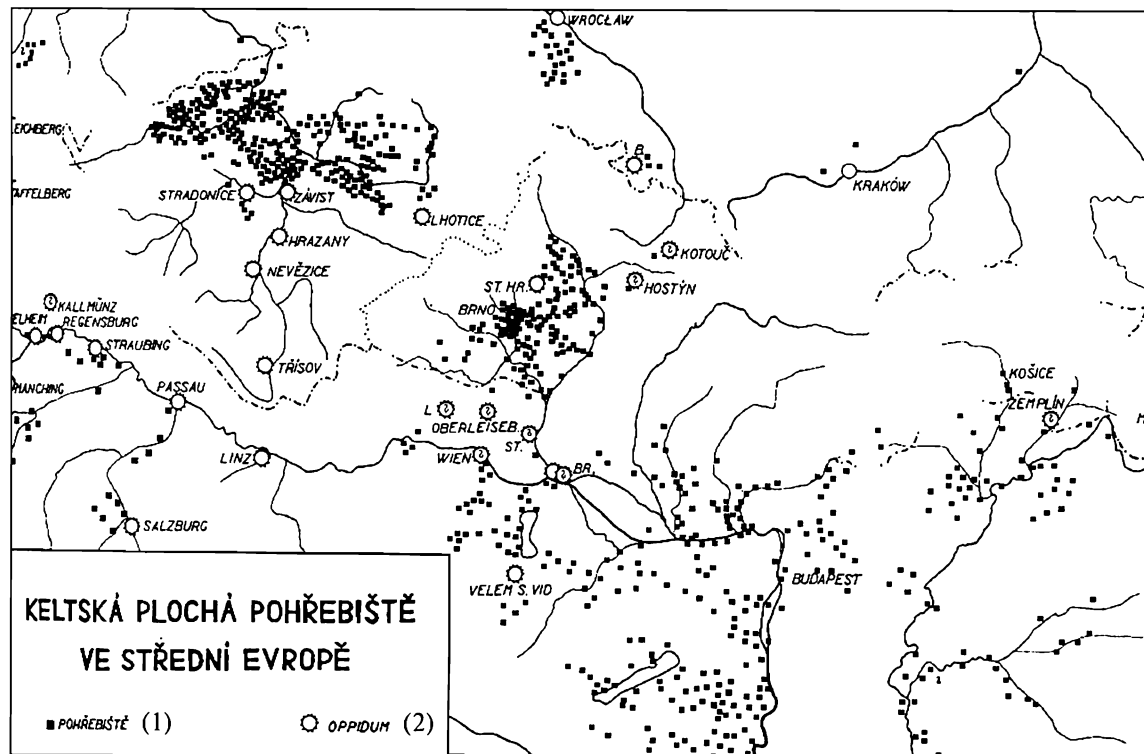
разрыв между Гальштаттом и Латеном больше всего как раз в тех районах, где предполагается их преемственность.

Очевидное отсутствие позднего Латена в Северной Чехии объяснялось тем, что она была буферной зоной между кельтами на юге и германцами на севере, якобы представленными захоронениями с кремацией. Керамика этого района была типично латенской, поэтому его население сочли смешанным, германо-кельтским. Оставление или уничтожение нескольких оппидумов было принято за признак появления на севере и в центре Чехии маркоманнов, принесших с собой трупосожжение, сделанную вручную керамику и новый тип металлических изделий, напоминающий те, что найдены в низовьях Эльбы. Однако картина не так проста — появляются все новые свидетельства того, что Северная Чехия была не такой уж пустынной, а конец оппидумов на юге наступил еще до наступления «римского» железного века, с которым традиционно связывают приход германцев.

## Австрия

Свидетельства о кельтах в Австрии довольно сомнительны. Для начала следует оспорить отождествление кельтского города Ниракс, упомянутого Гекатеем, с античной Норией. Последняя больше напоминает Магдаленсберг близ Клагенfurта, хотя некоторые ученые (Kruta, 2000, с. 337) утверждают, что этот город в римское время назывался *Vingunum*, переняв это имя от другого города на месте нынешнего Цолльфельда. Я не знаю случаев, когда римский город поменял бы место, сохранив название, — возможно за исключением Нарбонна. Нория уже существовала в 112 г. до н.э. когда ее атаковали кимвры, что подтверждают раскопки в Магдаленсберге. Под римскими строениями найдены остатки более раннего оппидума, построенного, вероятно, во II в., как и другие оппидумы Центральной Европы.

Археология Австрии весьма разнообразна. В период Гальштатт С на границе с Венгрией и Словенией возникают крупные поселения, окруженные курганами; Шопронь и Кляйн-Глейн напоминают протогородские центры Словении и Северной Италии. По Нижней Австрии разбросаны большие курганы с богатыми наход-



80. Распространение кельтских плоских захоронений в Центральной Европе (по данным Филипа, 1956). Легенда: 1 — захоронение; 2 — oppidum





ками раскрашенной керамики и металлических изделий. В центре Альп находится сам Гальштатт, имевший тесные контакты с соседними регионами на базе торговли солью. Типы оружия и керамики здесь не родственны раннему Латену, в котором, как и в Чехии, отмечено исчезновение раскрашенной посуды и преобладание штампованных браубахских кувшинов. Латенские металлические изделия V в. редки и сильно отличаются от западных, включая украшения в стиле ситул, — например ножны из Гальштатта и ситулу из Куффарна. Доминируют «масковые» броши.

В период Латен А на севере Австрии преобладает трупоположение под курганами. В Дюрнберг-бай-Халлейне, принявшем от Гальштатта роль центра соледобычи, найдены аттические блюда, повозки, шлемы, мечи и местные бронзовые сосуды, включая имитации этрусских кувшинов. В отличие от соседних районов здесь нет резкой разницы между Латеном А и В; напротив, на кладбищах Дюрнберга и Куффарна сохраняется преемственность погребальных обрядов. В альпийских долинах картина другая — здесь отмечены разнообразные местные стили керамики и почти отсутствуют погребения. Вотивные предметы содержат надписи на неиндоевропейском («ретском») языке. Но даже в этом районе встречаются латенские металлические предметы наподобие пряжки из Гельцельзау в Тироле. В позднем Латене на юге Австрии существовало королевство Норик, среди основателей которого были тавриски, признанные кельтами, по данным античных авторов.

## Венгрия и Словакия

В западных частях Венгрии и Словакии ситуация напоминает восток Австрии — характерная для центра Европы гальштаттская культура с богатыми погребениями в Шопроне и Пече, позже замещенная Латеном. Недавние исследования доказали, что это был не Латен В, как предполагалось ранее, а Латен А V в. с собственной формой латенского искусства. На востоке Венгрии и Словакии мы наблюдаем другую картину — еще в VI в. эти районы были ближе к степям Восточной Европы, и там найдены памятники скифского стиля и погребения с конями, обычные для





степных районов. В IV—III вв. здесь появляются латенские захоронения, керамика и металлические предметы. Раскопки поселений Восточной Венгрии показали, что прежняя керамика продолжала использоваться наравне с новой, изготовленной на гончарном круге. Похоже, что в этом районе внедрение латенской культуры было связано с приходом нового населения при сохранении части прежнего.

В Северной Словакии (долина Липтов) мы также наблюдаем культурную ассимиляцию с принятием латенского стиля, включая раскрашенную посуду (рис. 73), броши и монеты. Эта Пуховская культурная группа существовала до I в. н.э., когда в соседние районы уже проникли северные стили керамики и металлических изделий, связанные с экспансией германоязычных племен. «Пуховцы», вероятно, были котинами, которых Тацит причисляет к кельтам.

## Турция

Нам известно очень мало данных по археологии Галатии. Во всей Малой Азии найдены латенские предметы, в основном броши, но не отмечено их концентрации в районе предполагаемого проживания галатов. С другой стороны, на рельефах храма Афины Победоносной в Пергаме изображены кельты с типично латенскими мечами, щитами и другим вооружением.

## Северная Италия

На севере Италии источники отмечают довольно простую историческую последовательность. В VII в. этот район населяли местные лигуры, лепонтийцы (которых Катон считает галлами) и италоязычные венеты; в V в. часть долины По была колонизирована этрусками. На рубеже V и IV столетий (если игнорировать более раннюю дату Ливия) из-за Альп пришли различные галльские племена, захватившие западную часть долины По. Завоевание шло несколькими волнами, и последующие пришельцы, найдя территорию занятой, двигались все дальше к западу, пока пос-



ледние из них, сеноны, не поселились на побережье Адриатики, впервые осадив Рим около 387 г. до н.э. Некоторые районы, включая территорию венетов (Венецию), остались незанятыми. В следующие два столетия здесь появлялись новые пришельцы, но главным процессом был постепенный натиск Рима, в ходе которого одни галлы остались на прежнем месте и были романизированы, а другие, подобно боям в 193 г., бежали обратно за Альпы.

Археологические свидетельства далеко не так просты. Во-первых, мы имеем эпиграфические памятники — погребальные стелы, надписи на керамике и бронзовых предметах. Они показывают, что лепонтийцы действительно уже в VI в. говорили на кельтском языке, и преемственность их культуры уходила в бронзовый век, возможно до 1300 г. до н.э. Надписи демонстрируют также степень смешения населения, когда мужчины с этрусскими именами женились на женщинах кельтского происхождения. По всему видно, что, хотя миграции имели место, прежнее население оставалось на месте и смешивалось с пришельцами или продолжало жить рядом с ними.

Если добавить к надписям свидетельства материальной культуры, ситуация становится еще более сложной. В первой половине I тысячелетия до н.э. имеются свидетельства тесных контактов с заальпийскими районами, и жители долины По и даже центральных районов Италии кажутся региональной версией культуры «полей погребальных урн» Центральной Европы с характерными для нее керамикой, бронзовыми изделиями и погребальными обрядами. Создается картина постоянных контактов Апеннинского полуострова с севером вместо созданной античными авторами концепции непреодолимых Альп, которые впервые пересекли захватчики-галлы или даже Ганнибал со своей армией. Только греческая колонизация юга и возникновение этрусской и римской цивилизаций отделило Италию от центра Европы, и даже после этого Северная Италия оставалась незатронутой, пока этруски в V в. не основали в устье По порт Спину, открывший доступ на север греческим и этрусским товарам.

Таким образом, развитие культуры к югу и северу от Альп происходило параллельно. Тут и там появлялись богатые погребения с четырехколесными повозками, оружием, привозными метал-



лическими предметами, парадной посудой и личными украшениями. Северная Италия была крупным экспортером металлических изделий, например рубчатых ковшей и бронзовых ситул VI—V столетий, расходящихся затем вплоть до Британии и Скандинавии. Некоторые ковши украшены сценами битв и празднеств и принадлежат к так называемому ситульному искусству (рис. 85). Они изготавливались в Болонье и Эсте, но распространялись за Альпы вплоть до Дуная, вызывая множество местных подражаний. Распространение похожих типов брошей по обе стороны Альп заставляет предположить наличие там одинаковой одежды или даже одних и тех же людей — например, благодаря бракам. Исходя из этого, утверждение Ливия о присутствии кельтов в Италии до 400 до н.э. не выглядит фантастичным, даже если не уравнивать носителей кельтских языков с народами, считавшими себя кельтами.

Даже без учета исторических документов можно считать бесспорным присутствие в Северной Италии латенских металлических изделий и погребений. В IV столетии и позже здесь были созданы многие шедевры искусства; некоторые ученые считают, что вальдальгесхеймский стиль искусства возник именно в Италии. На кладбищах, например в Казалеккьо ди Рено близ Болоньи, найдены типичные для Центральной Европы захоронения с трупоположением. Напротив, кладбище Монте-Бибеле к югу от Болоньи демонстрирует преобладание этрусского населения наличием характерных резных гробниц с написанными на них именами. Однако здесь тоже присутствуют захоронения с богатым латенским инвентарем, по которым можно судить о наличии галльского компонента. В захоронениях Монте-Бибеле, как и других кладбищ севера Италии, этрусские предметы найдены рядом с латенскими шлемами и женскими золотыми торквесами. Такие богатые погребения почти неизвестны к северу от Альп (Вальдальгесхейм является одним из редких исключений), но похожие шлемы, найденные в Агрисе и Амфревилле, говорят о широком распространении этой культуры за пределами Италии (еще один пример — шлем с бронзовой птицей из Чиумешти, Румыния). О поселениях Северной Италии известно меньше: Полибий рисует картину небольших поселений и ферм с простой сельской жизнью, которую опровергают недавние раскопки в таких горо-



дах, как Милан и Болонья, которые до сих пор носят кельтские имена.

В целом археология подтверждает данные источников о вторжении кельтов в начале IV в., поскольку в этот период резко возрастает количество предметов латенского стиля, хотя сохраняется и преемственность. Однако в таких районах, как Венеция, где колонизации не было, латенские предметы появляются с той же частотой, и античные авторы пишут о сходстве между венетами и галлами, несмотря на различие языков. Сохраняется разница погребальных ритуалов между Италией и Центральной Европой в том, что касается наличия этрусских и греческих товаров и богатства местных предметов, особенно мечей, шлемов и золотых торквесов.

## Заключение

Из этого краткого очерка вытекает несколько выводов. Первый — неизбежная фрагментарность археологических источников, как географическая, так и хронологическая. Она зависит не только от недостаточного объема раскопок, но и от самой природы источников, сильно различающихся по степени концентрации и сохранности. Например, в Западной Франции или Южной Англии гораздо меньше погребений железного века, чем в маленькой Шампани. Второй — высокая степень преемственности в отдельных районах, даже там, где, как в Северной Италии, произошла миграция. Там, где существует разрыв в данных, он объясняется не сменой населения или материальной культуры, а элементарным отсутствием данных. Тем не менее разрывы существуют, культуры Гальштатта и Латена заметно отличаются друг от друга, но это различие вовсе не обязательно объяснять в этнических терминах. Однако это происходит, поскольку ученые занимаются разными темами: бронзовым и железным веком, Гальштаттом и Латеном, наконец, доисторической и классической археологией. Велик соблазн решительно отграничить свою область исследований от других, назвав ее, к примеру, «кельтской».

С этим связана и концепция «латенской культуры», якобы возникшей на Среднем Рейне и в Северной Франции. Она до сих пор



существует благодаря нехватке данных, но главным образом благодаря сохранению давно устаревших идей — следовать им для многих удобнее, чем признать, что различные аспекты материальной культуры могут иметь разное происхождение, и «культура» может иметь несколько центров распространения, подобно «волновой» модели в лингвистике. Это подтверждается происхождением изготовленной на гончарном круге штампованной керамики, подобной кувшину из Браубаха. Таким образом, мы можем отнести возникновение латенской культуры к куда более обширному региону от запада Франции до Венгрии, от Южной Британии до Северной Италии. Внутри этой области существуют значительные различия, но повсюду, от Британии до Венгрии и Испании, отмечено сходство в типах брошей или украшениях ножен, изображающих фантастических «драконов». Как мы можем это интерпретировать? Уже очевидно, что группы людей и отдельные индивидуумы в древности были значительно более мобильными, чем допускают схемы «миграций» или «завоеваний». Поэтому картина передвижения народов может замениться постоянным передвижением небольших групп населения. Это гораздо лучше объясняет сходство, к примеру, женских украшений Венгерской равнины и долины Рейна. Пока мы можем только изучать типологию артефактов или погребальных ритуалов. Заметив сходство, мы должны выяснить, где именно изготовлен данный горшок и как он попал в удаленный от места производства район — вместе с изготовившими его людьми или отдельно? Сегодня появились новые методы определения этнического облика человека — изотопный анализ зубов, антропометрия, анализ ДНК. Археологические данные по-прежнему сохраняют свое значение, но в их интерпретации следует чаще выходить за пределы узкого круга традиционных подходов.





## 9. КЕЛЬТЫ И ПОЛИТИКА

---

Слово «кельты» означает определенную группу людей и предполагает тем самым наличие включенных в эту группу и исключенных из нее. Является ли членство в группе добром или злом, воспринимается ли она изнутри или снаружи — вопрос сложный и политический в широком смысле слова. Термин «кельты» относится к политике в ее первоначальном значении — то, что касается общественной жизни. В этой главе я рассмотрю употребление этого термина в Древнем и современном мире как для тех групп, которые изначально именовались кельтами, так и для тех, кто носил другие имена и только потом взял себе имя кельтов или получил его от других.

### Древний мир

Мы не знаем практически ничего о самоощущении кельтов или галлов в античном мире. Вряд ли они так стыдились своего имени, как предполагает Чэпмен, поскольку Помпей Трог и Марциал охотно оповещали всех о своем кельтском происхождении, и даже смущение Сидония Аполлинария по поводу его «кельтской речи» выглядит довольно наигранным; в конце концов, его шурин Экдиций и тесть, римский император Авит, тоже были арвернами.

Если Цезарь прав, сообщая, что жители центра Галлии называли себя кельтами по контрасту с соседними аквитанами, белгами и германцами, это имя должно было иметь несколько значений в контексте терминов родства или политической связи, какую описывает тот же Цезарь между гельветами и эдуями. Можно предположить наличие ступенчатой иерархии: кельтами или гал-



лами могли называть себя и жители целого региона Европы, и жители Галлии («не все кельты — это галлы»), и члены определенного племени, и, на низшем уровне, члены пага, клана или большой семьи, хотя к тому времени они предпочитали причислять себя к племени, или *civitas*, как показывают надгробные надписи. Вопреки мнению ряда современных авторов, они, похоже, обладали чувством общности, подкрепляемым языком, культурой и религиозными обрядами, хотя трудно сказать, как далеко это чувство заходило. В доримском мире контакты между удаленными друг от друга группами кельтов неизбежно были редкими, но во времена империи они участились, поскольку люди могли встречаться, как рабы, наемники, солдаты римской армии или граждане Рима; Марциал ездил в Рим, Сидоний Аполлинарий много путешествовал, посетив не только Рим, но и Равенну.

Извне, со стороны греко-римского мира, большинство отзывов о кельтах негативны и связаны с расовыми предрассудками: их считали воинственными, буйными, кровожадными, наивными, склонными к пьянству — короче говоря, варварами. Позже, в византийский период, слово «кельт», по наблюдению Чэпмена, стало синонимом «варвара». Такие политики, как Цезарь, могли играть на италийском страхе перед *terror Gallicus* (галльским ужасом), оправдывая собственные варварские действия в Галлии. Консерваторы вроде Цицерона высмеивали новых сенаторов из Цизальпинской Галлии за их акцент и немодное платье. Хотя у этих противоречий были объективные причины, мы уже отмечаем их условность. На службе Цезаря находились галльские части, и боевые качества кельтов признавались еще в IV в., когда мы видим их на службе у Дионисия Сиракузского (Диодор, 15.70). Позже их так же охотно нанимали Клеопатра, Ирод Филипп и Ирод Великий (Иосиф Флавий, 15.7.3, 17.8.3). В штабе Цезаря были галльские советники, одним из которых был отец Помпея Трога. Такие видные политики, как Помпей и Цезарь, были рады принять галльских аристократов в свой *gens* (род), и именно Цезарь ввел их в Сенат. Цицерон вел дискуссии с эдуем Дивитаком (О божествах, I, 90).

Таким образом, античные тексты довольно неубедительны в осуждении варварства кельтов, о котором временами вспоминают авторы современных работ. Реальность была совсем другой и



заклучалась в уважении к кельтским воинам, технологиям (например, в сравнении железных изделий Норики с китайскими, сделанном Плинием), к философии друидов, к поэзии. Кельты становились сенаторами, а иногда и императорами.

## Атлантические кельты

Ранняя история Британских островов после упадка римской центральной власти обычно описывается в контексте конфликта между кельтами и англосаксами. Однако термин «кельты» здесь является анахронизмом, который не использовался в то время и еще тысячу лет после того. И коренные жители, и англосаксонские мигранты могли претендовать на римское наследство, поскольку империя со времен Стилихона зависела от германской военной мощи. Об этом забывают, критикуя короля Вортигерна за приглашение им в Британию в середине V в. наемников-саксов во главе с Хенгистом и Хорзой. В империи та же практика началась еще в IV в., а использование германских наемников началось еще раньше, как показывает пример Арминия во времена Августа.

Для Гильдаса разделительная черта пролегает не между этносами, а между цивилизованными романо-бриттами и варварами независимо от их происхождения. Беда первым провел границу между группами, которые мы называем «англосаксами» (англы, саксы и юты) и «кельтами» (бритты, пикты и ирландцы-скотты). Он осуждает отказ бриттов обратить своих англосаксонских гонителей в христианство и более лоялен к ирландцам, несмотря на отказ последних принять «правильную» дату Пасхи и римскую тонзуру. Войны и союзы имели место между отдельными королями, которые руководствовались не этническим родством, а политическими целями. Когда в конце тысячелетия начали формироваться крупные королевства, они были многонациональными; например Шотландия включала в себя пиктов, скоттов, англосаксов и норманнов. В X столетии сложился единый большой союз против англичан, но он включал не только кельтов, но и викингов.

Хотя Бьюкенен в XVI столетии, без сомнения, предполагал политическое применение своих теорий, он писал с точки зрения





шотландского государства, а не народа, выступающего против англичан; вспомним, что англичане тогда управлялись Тюдорами, династией валлийского происхождения. Саймон Джеймс в своей книге «Атлантические кельты» предположил, что Эдвард Ллойд был сторонником валлийского национализма, но его письма говорят о несогласии с крайними взглядами бретонского националиста Песрона. Лично я вижу истоки популярности кельтской концепции скорее в романтизме с его поэтизацией друидов у таких писателей, как Роулэндс и Стакли, или в поэме Томаса Грея, чем в политическом движении, вызванном Актом об унии 1707 г. Также и ирландские восстания, хоть и вызванные английской оккупацией, больше напоминали религиозный конфликт между шотландским пресвитерианством и ирландским католицизмом. В XVIII столетии национальная идентичность как основа для создания государства была еще чем-то новым и необычным. Вестфальский мир 1648 г. обычно считают водоразделом, после которого началось формирование национальных государств, хотя Фергюсон не без оснований считает, что в Шотландии такое государство возникло еще в средние века.

«Кельтизм» как политический феномен Великобритании и Ирландии возник не ранее XIX в. или даже его конца и включал в себя не только язык, но также искусство и материальную культуру. Кельтские языки в то время, как доказал Малькольм Чэпмен, находились в упадке, и не только из-за преследований со стороны британских властей (хотя, как показано в главе 5, это тоже сыграло свою роль). Употребление ирландского в школах наказывалось палкой (*bata scoir*); впрочем, многие ирландцы отказывались от языка добровольно, поскольку это был путь к продвижению в обществе. Воспоминания старожиллов показывают, что нередко родители сами наказывали детей за то, что те говорили по-ирландски. Валлийский до конца 1950-х гг. также подавлялся, причем не только в Британии, но и в таких странах, как Канада, где власть британского государства чувствовалась куда слабее.

В конце XIX в. стали популярными миниатюры из ирландских манускриптов и копии кельтских каменных крестов. Причудливые узоры миниатюр отвечали вкусу стиля «арт нуво», но только после выхода в 1905 г. книги Ромильи Аллена «Кельтское искусство» ирландское искусство и его связь с кельтами стали извест-



ны широкой публике. Ирландская культура начала оказывать влияние на архитектуру таких городов, как Корк, а чуть позже нашла отражение на марках и монетах Ирландского свободного государства.

Кельтизм стал заметным компонентом ирландского национализма, но в Шотландии и Уэльсе он был не так заметен. Каждая страна выражала свою идентичность посредством разных учреждений; валлийский Эйстедфод (фестиваль бардов) не имел шотландского или ирландского соответствия, и связи между кельтскими странами с трудом находили признание в академических кругах, выражаясь, например, в создании Совета кельтских исследований. Интересно проследить разницу между употреблением понятий «валлийский» или «ирландский» и понятия «кельтский». Казалось бы, они выражают то же самое, но первые два выражают местный аспект, а последний — международный в смысле группы родственных этносов, противопоставляющих себя англичанам или французам. В термине «кельтский» заключается также глубинное чувство истории и связи с древними кельтами.

## Франция

Описания (и изображения) древних кельтов во Франции XVIII—XIX вв. в основном были связаны с романтической традицией от книги ла Тур д'Оверня о друидах до «Нормы» Беллини — истории трагической любви друидской жрицы к римскому генералу. Во всем этом был и сильный политический элемент. Наиболее явно он выражен в утверждении Песрона о том, что бретонский язык является последним остатком языка древних кельтов и одним из первоначальных наречий Вавилонской башни.

В 1789 г. аббат Сьейес издал памфлет, изобразивший Французскую революцию как восстание коренных галлов против угнетавших их аристократов-франков. Хотя эта интерпретация не стала общепринятой, идея галльского происхождения сделалась важным фактором мифологии французского демократического государства. Во времена революции предлагалось даже вернуть городам их доримские, то есть галльские имена — Отен должен был стать Бибракте, а Париж — Лютецией. В 1804 г. под патронажем



императрицы Жозефины была основана Кельтская академия. Книга Амедея Тьерри «Галлы», впервые изданная в 1828 г. и выдержавшая множество переизданий, оставалась учебником почти во всех школах до выхода «Истории галлов» Камиля Жюллиана в 1906 г. (при этом сам Жюллиан увлекся историей галлов, получив книгу Тьерри за победу в школьном конкурсе). Под влиянием более общих исторических трудов Жюля Мишле и Анри Мартена «наши предки галлы» стали частью школьного курса истории. У меня во Франции работал на раскопках вьетнамец, учившийся в колониальной школе и очень обрадованный тем, что ему довелось принять участие в поисках его «предков».

При Наполеоне III археология римского завоевания превратилась в национальный научный проект. Были начаты раскопки на местах главных сражений в Эне, Герговии, Алезии и Укселлоду-не, возглавляемые комендантом Эженом Стоффелем; с тех пор планы городов и их осад воспроизводились во всех книгах о походах Цезаря. Недавние раскопки в Герговии, Ализ-сен-Рен и Пюи д'Иссолю доказали высокую точность работ Стоффеля. Император посетил эти места, в честь чего были проложены новые дороги и возведены монументы, для чего пришлось срыть часть галльских валов в Алезии и Герговии. Статуе Верцингеторикса в Алезии даже придали портретное сходство с императором. Исследователи получили возможность вести раскопки в крупных поселениях вроде Мон-Бовре (Бибракте), который Габриэль Бульо раскапывал 30 лет, передав затем свою должность Жозефу Дешеллету. Вышедшее позже «Руководство по археологии» и более общие труды таких авторов, как Анри Юбер, показывают преемственность интересов французских ученых до начала XX столетия.

После разгрома Франции в 1940 г. правительство Виши снова вспомнило Верцингеторикса и его героическую неудачу. Поражение от римлян принесло галлам почти пятьсот лет относительно мира, беспрецедентный экономический рост и галло-римскую культуру с ее выдающимися памятниками. Эту модель вишисты желали перенести на отношения между Францией и Германией. Сам Петен посетил Герговию для участия в празднике националистов, и там чуть ли не до конца войны продолжались раскопки, которые вел сосланный туда Страсбургский университет. Были приняты новые законы, охраняющие памятник археологии и кон-



тролирующие условия раскопок; они оставались в силе до конца XX в. Как ни странно, этот националистический угар мало повлиял на преподавание истории во французских университетах, в отличие от Германии, где многие кафедры классической археологии были превращены в кафедры пред- и протоистории (Vor- und Frühgeschichte), изучающие происхождение германцев. Во Франции археология все еще рассматривается как часть истории, и изучение железного века лишь недавно сравнялось по значимости с палеолитом или галло-римскими древностями.



**81. Президент Франции Франсуа Миттеран в Центре европейской археологии в Мон-Бовре**

В 1980-е гг. произошло оживление интереса к археологии, выразившееся в создании Французской ассоциации по изучению железного века, в работу которой активно включились и ученые, и администраторы, и студенты. Эта активность получила и официальное одобрение. В 1983 г. новое социалистическое правительство Франсуа Миттерана одобрило ряд исследовательских проектов национального значения. Одним из них стали новые раскопки оппидума Мон-Бовре, древнего Бибракте, под руководством Кристиана Гудино и Жана-Поля Гийоме. Рядом с поселением были построены большой исследовательский центр и музей, открытые самим Миттераном. Политически этот проект работал на трех уровнях:

1) Мон-Бовре находится недалеко от Шато-Шинона, где Миттеран был мэром (и ходил на древнее городище собирать грибы!). Большие вложения в инфраструктуру центра и развитие туризма могут развить экономику этого края, хотя центр построен в Глюан-Гленн в социалистическом департаменте Ньевр, а не более крупном Сен-Леже-су-Бовре, который находится в голлистской



Соне и Луаре. Музей, однако, находится на границе обоих департаментов, так что его поддерживают и левые, и правые.

2) В Бибракте проходило собрание представителей галльских племен, объединившихся для борьбы с Цезарем, что привело к избранию Верцингеторикса главнокомандующим. Это можно воспринимать как первую попытку объединения, символический акт для французского государства. Миттеран дважды пытался обратиться к нации с вершины того самого холма (одна из попыток была пресечена бастующими фермерами) и даже высказал так и не выполненное желание быть похороненным.

3) Подчеркивая «кельтскую» (международную), а не «галльскую» (национальную) ориентацию исследований, Центр планировал поощрить международное сотрудничество в изучении железного века. Часть выделенных государством средств предназначалась для поощрения иностранных ученых, работающих во Франции, и французов, ведущих раскопки в других странах (главным объектом стала Венгрия). За прошедшие 20 лет здесь побывали ученые из многих стран — Австрии, Бельгии, Англии, Франции, Германии, Венгрии, Италии, Шотландии, Словении, Испании, Швейцарии. Мон-Бовре стал признанным центром учебных проектов (в момент написания книги такой проект осуществлялся совместно с «Английским наследием»), конференций и встреч ученых и студентов со всего Европейского Союза.

## Испания

Хотя по античным источникам трудно определить районы Иберийского полуострова, населенные кельтами, общепринятое мнение делит его на три части: иберийские юг и восточное побережье, баскский север, кельтские и кельтиберские запад и центр. Только последние говорили на индоевропейских языках, которые сегодня доминируют в Испании везде, кроме Страны Басков. По этой причине предыстория первых носителей этих языков, то есть кельтов, привлекает особое внимание местных ученых. Несмотря на отсутствие явных свидетельств, Галисия больше всех претендует на кельтское наследие (возможно, в V в. сюда мигрировали кельты из Британии) и укрепляет связи с кельтоязычными стра-



нами, в том числе через фестиваль в Лориенте, хотя современный галисийский — романский язык, близкий к португальскому. В конце эры Франко, когда испанские ученые пытались преодолеть запреты фашистской диктатуры, Галисия предложила провести у нее Международный кельтский конгресс, но получила отказ на том основании, что не является кельтской областью. Сейчас эти строгости смягчились, и неудивительно, если учесть, какую роль играет Иберия в ирландских исторических мифах.

Руис Сапатеро предположил, что политика властей всегда отражалась на интерпретации предыстории Испании. Когда лидировала средиземноморская ориентация, наибольшее внимание уделялось иберийцам с их связями с финикийцами, греками и римлянами. Когда фокус сместился к северу — особенно в 1930—1940-е гг., когда Франко зависел от немецкой помощи, упор делался на кельтские связи. Частично это выразилось в финансировании научных исследований, но больше отразилось на учебниках и музейных экспозициях. В момент написания книги находки из Нуманции по-прежнему занимали видное место в мадридском Национальном музее с упором на последнюю битву кельтиберов против римской армии Сципиона в 134 г. до н.э., которая превосходно соответствует идеалу героической гибели за отечество. Экспозицию сопровождает следующая табличка на стене:

«Жители Нуманции стоят в ряду храбрейших народов мира из-за героизма, который они, не щадя жизни, проявили при защите своего отечества. Героическая битва нумантинцев против мощи Рима стала примером борьбы за свободу для многих поколений. Находки, подобные глиняным шашкам, показывают, что во время досуга жители города любили игры. Здесь же можно увидеть глиняные дудки и искусно расписанную керамику, говорящую о том, что нумантинцы были веселым и изобретательным народом».

Позже кельты послужили темой множества популярных образов, включая названия футбольных команд, продуктов, марок сигарет (Celtas Cortos — так же называлась популярная рок-группа). Хотя Галисия использует кельтов, чтобы защитить свою национальную идентичность от кастильского влияния, Кастилия также подчеркивает свое кельтское прошлое, особенно в целях развития туризма. Историческая Нуманция близ Сориа, как и ее



французский аналог Алезия, стала объектом реконструкции, дополненной музейными экспозициями. Недавняя кельтская выставка в Авиле, проводившаяся в течение трех месяцев осенью 2001 г., за пределами туристического сезона, собрала 100 тыс. посетителей и была дополнена всевозможными приманками для гостей — например «кельтским» меню в местных ресторанах.

На европейском уровне Испания и Португалия производят сравнительно мало литературы о кельтах, несмотря на значительную работу в этом направлении и конференции десяти последних лет. Отчасти это происходит потому, что принятая археологами номенклатура Гальштатта и Латена не работает в Испании. Однако крах фашистских режимов и расширение сотрудничества в рамках Европейского Союза служит мощным стимулом для расширения научных связей, одним из объектов которого, без сомнения, являются кельты.

## **Швейцария**

Швейцарская конфедерация является одним из важных центров изучения железного века и местом открытия латенской культуры (теперь Латен представляет собой летний лагерь на северном берегу озера Невшатель). Несмотря на это, кельты не играют заметной роли в местной политике — они лишь дали стране ее имя Гельвеция в честь племени гелветов. Это имя должно было примирить четыре живущие здесь этнические группы, хотя в древности здесь жили не только гелветы, но и неиндоевропейские реты, лепонтийцы и другие народы.

## **Италия**

В современной итальянской политике активно участвует Лига Севера, которая всячески подчеркивает отличие индустриального севера страны от отсталого и коррумпированного юга. Международная кельтская выставка в Венеции (самая большая и представительная в XX в.) продемонстрировала исторические связи между долиной По и заальпийскими регионами, хотя сама Венеция никогда не была населена кельтами.

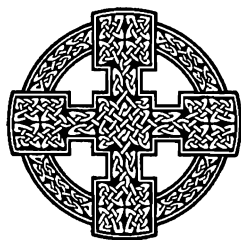


## Европейский союз

Структура Европейского союза такова, что кельты вряд ли могут быть использованы здесь в том же политическом контексте, что в отдельных странах. Тем не менее Совет Европы пытается включить кельтов в список «маршрутов», которые должны укрепить связи между странами и развить туризм; эти маршруты включают Сантьяго-де-Компостелу, памятники барокко, места жизни Моцарта и походов викингов. Кельтский проект, в котором я принимал участие, провалился из-за отсутствия понимания между учеными и чиновниками (я не успел представить к сроку свою часть работы и был немедленно отставлен), недостатка средств и непонимания необходимости отказа от расовых предрассудков — это же погубило проект, касающийся викингов. Проблемой стало и само определение маршрута «кельтских походов».

Тем не менее, как мы уже видели в случае центра в Мон-Бовре, продвижение концепции кельтов вместо галльского национализма способствует замене узконациональных интересов общеевропейскими. Отдельные страны используют археологию для укрепления своего «европейского» имиджа, и то же делают археологи и научные учреждения (исследования на «европейскую» тему имеют больше шансов получить грант в Брюсселе). То же можно сказать в отношении упомянутой выставки в Венеции. Экспонаты для нее предоставили почти все страны ЕС, показанные звездочками на большой карте Европы. Круг из тех же звездочек использовался последние тридцать лет как символ европейского единства. Характерно, что археологи придали своим исследованиям «европейское» измерение раньше политиков: книга, сопровождавшая выставку 1980 г. в Штейре (Австрия), обозначала галыштаттский период как «древнейшую форму европейского единства». С таким подходом легче найти финансирование и спонсоров для конференций и выставок. К тому же ходят слухи, что упоминание кельтов в названии книги увеличивает ее продажи в пять раз — и кто докажет, что это не так?





## 10. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ

В этой главе я собираюсь высказать собственное отношение к фактам, накопленным в таких областях, как лингвистика, религия, социальная организация и генетика, которые ученые от древности до наших дней используют для характеристики кельтов и причисления какого-либо народа к числу кельтских.

### Языки

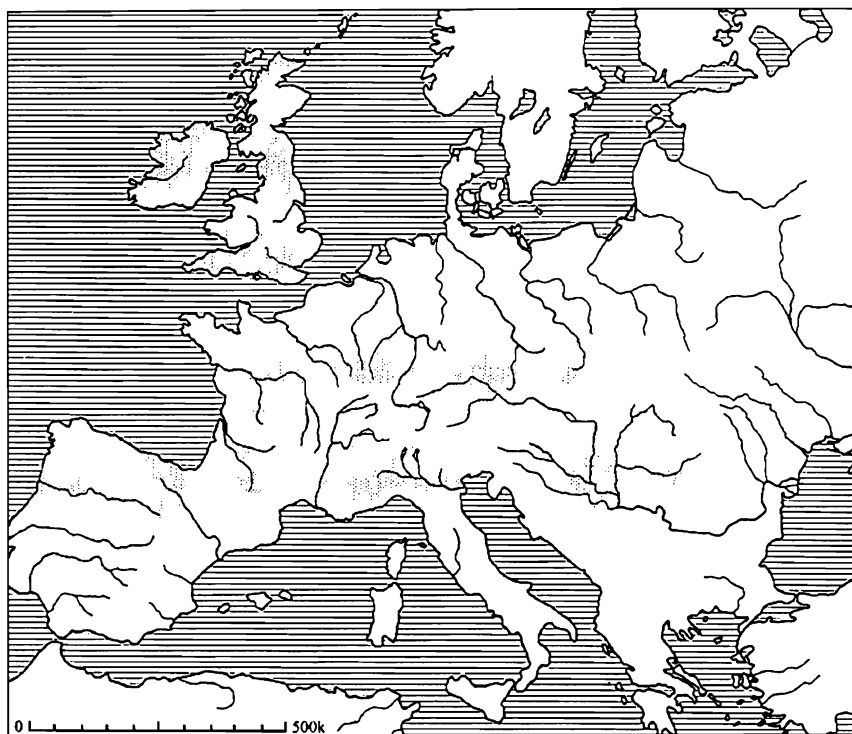
Как уже говорилось в главе 6, существуют две теории относительно происхождения и расселения индоевропейских народов. Первая считает, что их прибытие в Европу произошло несколько тысячелетий назад, и кельтские языки возникли уже на месте; недавно эту точку зрения защищал Колин Ренфрю, связавший приход индоевропейцев с распространением скотоводства. По его мнению, диалект или близкий потомок «первоначального» индоевропейского языка пришел в Европу с первыми фермерами и вырос в кельтскую языковую группу одновременно с появлением других родственных ей групп — индоарийской, иранской, славянской, балтской, греческой, итальянской и германской. Другой подход, говорящий о позднем расселении в начале бронзового века и основанный на общих индоевропейских терминах для металлов (например, меди), выдвигается Мэллори и принимается большинством лингвистов. По их мнению, кельты появились на западе Европы в бронзовом, если не в железном веке, и их язык пришел сюда в готовом виде или развивался более ускоренно, чем предполагает теория Ренфрю, возможно, подвергшись влиянию неиндоевропейских аборигенов.



Это не уникальный феномен для Европы и Передней Азии; он имеет параллели в распространении семитских языков на Ближнем Востоке, языков банту в Африке, атапаскских языков в Северной Америке или полинезийских в Океании. Но наряду с этими регионами, где доминирует одна языковая группа, есть регионы с множеством мелких групп и отдельных языков — например Новая Гвинея. Существует также проблема языковых анклавов в регионах, занятых большими языковыми группами, объясняемая или поздним вторжением (как в Венгрии, куда мадьяры переселились из Азии в начале средневековья), или сохранением остатков раннего населения, как в Стране Басков или, если говорить о Древнем мире, у этрусков, иберийцев и обитателей альпийских долин.

Это рождает новые вопросы. Какие языковые группы существовали в Европе до прибытия индоевропейцев? Была ли здесь одна доминирующая группа, или все сводилось к обилию мелких групп, среди которых была и протоиндоевропейская? Как велика была область расселения ранних индоевропейцев — небольшая территория, с которой началась миграция, или обширное пространство с множеством языков, которые взаимодействовали между собой согласно «волновой» модели? В XIX в., когда язык и раса считались тесно связанными, языковые изменения связывали со сменой населения, означающей истребление или вытеснение предшествующего населения; так с востока Англии кельты были изгнаны в гористые районы запада и севера. Точно так же реты смогли выжить в альпийских долинах, а баски — в Пиренеях. Но если мы посмотрим на языковые изменения в Европе недавнего времени, о которых нам известно гораздо больше, то увидим, что языки могли выжить как форма сопротивления чуждому окружению. Например, в Британии цыгане подвергались преследованиям и сохранили свой язык «романи» (индоевропейский и вышедший из Индии), чтобы хранить свои дела в тайне от полиции.

В Европе современные «национальные государства» преуспели в подавлении других языков и диалектов. Например, во Франции эльзасский, баскский, бретонский и южные диалекты исчезли или сильно сократили сферу употребления. Напротив, в Испании баскский, каталанский и галисийский выжили как форма



## 82. Вероятное максимальное распространение кельтских языков во II—I вв. до н.э.

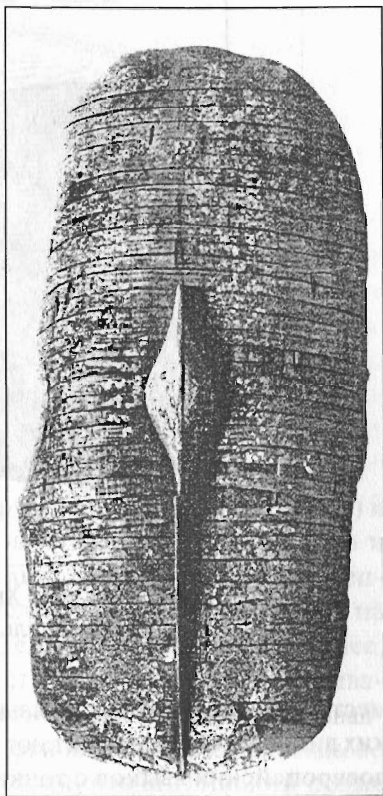
политического сопротивления режиму Франко (который запрещал их использование в школах) и вообще доминированию кастильского языка. В Ирландии независимость от Великобритании и государственная поддержка ирландского языка не смогли предотвратить его упадка — быть может, вызванного именно тем, что он перестал быть символом сопротивления. Напротив, в Израиле возрождение языка после двух тысяч лет забвения оказалось успешным. Валлийский, несмотря на английское политическое и культурное преобладание, оказался чрезвычайно живучим как символ национальной идентичности Уэльса. Во всех этих случаях судьбу языка решила не суровость его преследования, а степень важности, которую ему придавали говорящие на нем.

Не существует общих правил взаимного влияния языков. Часто говорится, что коренное романо-британское население восто-

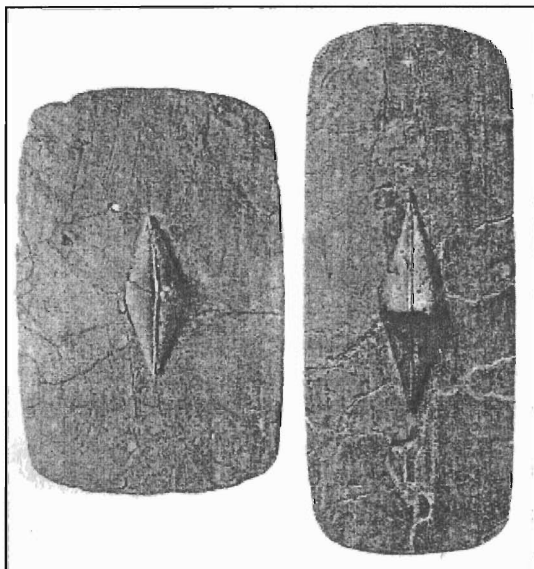


ка и юга Англии было вытеснено англосаксами в V—VI вв., поскольку в англосаксонском словаре осталось лишь несколько кельтских слов. Но это верно и в отношении Франции — в словаре Ламбера приводится лишь 120 возможных галльских слов, уцелевших в современном французском. При этом известно, что здесь кельтское население просто заговорило по-латыни без серьезных изменений этнического состава. В свою очередь, франкское завоевание не заставило жителей заговорить на германском языке. Напротив, Англия переняла у нормандцев множество французских слов вместе с экономическими и культурными новациями времен феодализма.

Связь между миграциями населения и изменениями языка, взятая из трудов Бьюкенена, Песрона и Ллойда, позже породила концепцию раннего вторжения К-кельтов, говоривших по-гойдельски, и более позднего — П-кельтов, говоривших по-бретонски. Позднейшие исследования кельтов, особенно «континентальных», показали, что все не так просто. «Волновая» модель Шмидта позволила сочетать при анализе лингвистических инноваций простую нелинейную схему *Stammbaum* и модели миграции. К тому же мы должны избегать взгляда в прошлое с точки зрения «национального государства». Во-первых, часто невозможно провести четкие границы между соседними языковыми группами — например между кельтскими и италийскими языками, такими как, например, венецианский. Границы могут размываться и в случае двуязычия населения; современный пример — Люксембург, где большинство жителей говорит по-немецки, по-французски и на



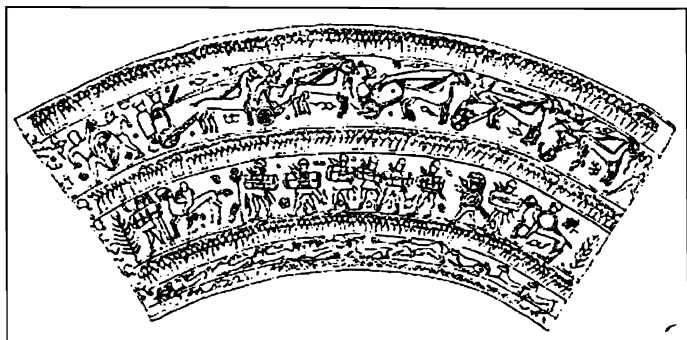
**83. Латенский щит из Фаюма (Египет). Военный музей, Каир**



**84. Щиты из Хьортспринга (Дания).  
Национальный музей Дании**

местном люксембургском языке. На деле большинство европейских лингвистов предпочитают рассматривать распространение индоевропейских языков с точки зрения «волновой» модели, по которой ближайшие родственники данного языка обычно оказываются географически близкими к нему. Исключений мало, но они есть: так, исчезнувший тохарский язык ближе к западным, чем к восточным диалектам, и то же самое (только наоборот) можно сказать о цыганском языке. В этом случае предпочтительнее миграционная модель.

Однако тот же эффект может быть произведен быстрым распространением единого языка с формированием разных диалектов на основе принимающих этот язык народов. Хороший пример — латынь, воспринятая в Северной Италии народами, говорившими на этрусском, кельтском и италийском языках. Здесь вариации возникли с самого начала, не объясняясь делением «чистого» первоначального языка на диалекты. Формирование языка зависит от множества взаимодействующих факторов, включая инновации по волновой модели, возникновение групп и ареалов



**85. Ситула Арноальди из погребения в Болонье, датированного 425 г. до н.э., на которой изображены воины с «кельтскими» щитами**

с особым влиянием (как демонстрирует современная ситуация) и «наложение» границ разных языков — например кельтского и италийского в той же Северной Италии. Все это заставляет скептически отнестись к простому разделению кельтских языков на группы К и П и особенно к утверждению, что К всегда древнее, чем П. Следует также отвергнуть часто повторяемые высказывания наподобие «баскский язык — древнейший в Европе» или «валлийский древнее английского». Все эти языки имеют одинаково долгую историю, и разница только в том, что английский позже попал на Британские острова, а баскский оказался в Западной Европе раньше его индоевропейских соседей.

При отсутствии письменных свидетельств географические названия являются единственным способом документирования древних языков и их изменения, но ему также не следует слишком уж доверять. Лучшая аналогия — наводнение; большое наводнение смывает все, что было до него, но наводнение поменьше оставляет нетронутыми главные вехи ландшафта и, достигая определенной высоты, не затрагивает края. Это заметил еще Плиний, говоря о «вечных именах» рек и городов. Поэтому нужно внимательно смотреть на контекст изменений — была ли данная область заселена вследствие внедрения новых технологий или нехватки земли, или здесь на месте старых были основаны новые поселения, требующие новых имен, как это было с римскими городами или средневековыми замками? И была эта область цент-



ром изменений или их окраиной (отметим различие в саксонской колонизации юго-востока и юго-запада Англии)?

К несчастью, изучение географических названий в Европе развито неравномерно. В Британии существует множество исследований, посвященных отдельным графствам и использующим ранние источники. Во Франции такие исследования тоже есть, но им часто недостает исторической глубины, а иногда они упускают из виду современный период. Иногда анализ подкреплен материальными свидетельствами (в том числе полученными с помощью геоинформационных систем, или ГИС), но даже в Британии это сделано далеко не везде. В целом мы мало прогрессируем в этом вопросе в сравнении с такими учеными XIX в., как, например, д'Арбуа де Жюбенвиль. Тем не менее комплексный анализ позволил нам выявить область распространения кельтских языков в пору их наибольшего расцвета, которая охватывает территорию от Чехии до Португалии и от Ирландии до Анкары (рис. 82).

Я скептически отношусь к вкладу археологии в эти споры. Невозможно, измерив череп, определить, на каком языке говорил этот человек, как нельзя определить язык кузнеца, сковавшего меч, или воина, носившего его, если мы не владем дополнительной информацией. Есть исключения: латенский щит из Фаюма в Египте (рис. 83) настолько чужд местной культуре, что мы, без сомнения, имеем дело с кельтским наемником, получая таким образом свидетельство о наличии таких наемников в Египте III в. до н.э. Однако то же самое нельзя сказать о «кельтских» щитах из Хьортспринга в Дании (рис. 84). Возможно, люди, носившие их и уложившие их в погребальную ладью, пришли из района Гамбурга и говорили на германском языке, хотя до сих пор мы не знаем точно, каким был язык кимбров. То же и с воинами, изображенными на ситутле Арноальди из Болоньи, датированной концом V в. до н.э. (рис. 85) — кельты они или италики? Самое большее, что мы можем сделать, — это выделить периоды масштабных языковых изменений или торговой экспансии, ведущей к появлению *lingua franca*, подобного суахили, — например в середине и конце бронзового века в Западной Европе, когда такая экспансия охватила пространство от Португалии до Шотландии. Можно лишь констатировать, что распространение кельтских языков было процессом длительным, постепенным и неполным.



## Кельтское общество

«Сравнительная филология (она же лингвистика) сама по себе не в силах реконструировать примитивную культуру индоевропейцев, и если мы хотим обезопасить себя на этом трудном пути, нам следует соединить усилия трех сестер — лингвистики, истории и доисторических исследований».

*(Schrader, 1890, с. 149)*

Приведенная цитата напоминает нам о близкой связи между археологией и лингвистикой в конце XIX в., до установления «культурно-исторической» парадигмы немецкого филолога Густава Коссинны, превратившего археологию в свое главное средство. Как уже говорилось, в англоязычном мире эту методологию внедрил археолог Гордон Чайлд, главная книга которого носила название «Арии: изучение происхождения индоевропейцев» (1926). Для таких лингвистов, как Леман, утверждение Шрадера по-прежнему верно, хотя на протяжении двадцатого столетия археология все больше отдалялась от лингвистики. Как археолог, я с самого начала изучал три главных предмета — археологию, социальную антропологию и физическую антропологию, но по мере своих исследований подошел ближе к исторической географии и естественным наукам. Отчасти причиной тому была «новая археология» революционных 1960-х гг. с ее лозунгом «археология — это антропология или ничто», сформулированным Льюисом Бинфордом. Несмотря на сохранение связи между археологией, антропологией и лингвистикой (особенно в американских университетах), нынешние индоевропейские исследования обычно упускают из вида археологию, и языковые исследования полностью или частично игнорируют новейшие достижения этой науки.

Главной проблемой остается сохранение расовых стереотипов в лингвистике. Например, носителей индоевропейских языков, особенно протоиндоевропейцев, часто считают «народом», имеющим специфическую социальную структуру (жрецы, воины, общинники) и особые религиозные верования (пантеон во главе с мужским божеством по контрасту с «Богиней-Матерью» доиндоевропейских земледельцев или монотеизмом семитских обществ). Лингвисты верят, что могут реконструировать это общество, изу-





чая общие слова и корни индоевропейских языков и выявляя их «праосновы». Ранние тексты на санскрите, греческом, верхнегерманском и ирландском языках повествуют о героях из сословия воинов (Ахилл, Кухулин, Зигфрид), о касте жрецов (брахманов, друидов), заставляя приписывать эти черты всем индоевропейским обществам. К этому добавляются другие черты — использование бронзы, применение лошади как главного средства перевозок и войны, погребение воинов в курганах. Доиндоевропейские лингвисты ждут от археологов подтверждения этих выводов — то есть находок соответствующих артефактов, подходящих по времени (I тысячелетие до н.э.) и месту (чаще всего это степи Северного Причерноморья).

Археологи, напротив, склонны употреблять термины социальной эволюции — от «дикости», «варварства» и «цивилизации» Л.Г. Моргана в конце XIX в. через «группу», «племя», «вождество» (chiefdom) и «государство» Элмена Сервиса (эту классификацию восприняли Ренфрю и другие «новые археологи») к «эгалитарному», «ранговому» и «стратифицированному» обществам Мортон Фрида, также популярным у «новых археологов». При этом все археологи отвергают развитие общества по прямой линейной закономерности и считают простое определение общества как «вождества» или «государства» бессмысленным. При этом все согласны, что общество развивалось от простого к сложному и что научные споры позволили выявить некоторые основные черты того, что можно назвать «государственной формацией» — то есть форм и оснований власти правящей элиты. Развилось большое число новых методологий, изучающих такие темы, как иерархия власти, роль промышленности и торговли, структуры властного ядра и периферии, роль погребений для реконструкции социального статуса, влияние идеологии. Возобладала тенденция избегать обобщения и общих «законов», изучая, как различные факторы взаимодействуют в разных условиях.

Например, что означает погребение с богатым инвентарем? Лежит ли там богач, или человек, признанный святым (как святой Кутберт), или тот, кто имел множество друзей и родственников, каждый из которых принес ему последние дары? Что вообще означает погребальный инвентарь? Веру в посмертное существование? Или подтверждение наследниками покойного своего соци-



ального статуса, выражающееся в расточении богатств? Или же личные имущественные табу человека, нарушенные его смертью? Обозначают ли они статус умершего, и если да, то какой это статус — отец или сын, старый или молодой, женатый или холостой, воин или ремесленник, чужестранец или колдун, убитый в сражении или погибший от удара молнии? Зачем нужны заметные издалека погребальные курганы? Конечно, это вид мемориала, хотя археологи часто выясняют, что с их помощью новоявленная элита пыталась сохранить и упрочить свою власть. Но почему таких курганов нет, например, в Оверни, где во II столетии до н.э. Луэрний пытался утвердить свою власть? И вообще почему в одних районах есть курганы, а в других нет? Почему в большинстве обществ железного века курганы не всегда сопровождаются богатым инвентарем? Слишком часто простые ответы на все эти вопросы оказываются ошибочными.

Вместо выдвижения упрощенных интерпретаций следует признать, что одна и та же проблема может иметь разные решения в разных обществах, и, наоборот, внешне похожие явления могут в разных обществах иметь совершенно разные причины. Почему в нашем собственном обществе мы вернулись от погребения к кремации? Причин множество: угасание христианской веры в физическое воскрешение; появление больших групп иммигрантов, практикующих кремацию (например, индусов); потребности гигиены; нехватка места для кладбищ; влияние античной цивилизации, воспринятое через поэтов типа Шелли; открытие друидических ритуалов (знаменательно, что первым кремированным в современной Британии человеком стал в 1893 г. стал валлийский археолог Уильям Прайс); кремация дешевле погребения и поощряется государством. К тому же разные современные общества по-разному справляются с недостатком места для погребений: в Британии и Скандинавии применяют кремацию, во Франции создают фамильные склепы и оссуарии, в Италии строят многоярусные гробницы. Наблюдая вокруг нас такое множество факторов, мы можем только надеяться выявить их в прошлом путем тщательного анализа.

Но когда мы обращаемся к изучению кельтов, все эти проблемы забываются. Районы без погребений просто игнорируются, или же раздаются заявления, что (как в центральной и западной



Франции) такие погребения непременно будут найдены; районы с погребениями описываются в чисто этнических терминах, как погребальные поля Центральной Европы; районы с богатыми погребениями принимаются за области наивысшего развития, если не происхождения кельтов (Баден-Вюртемберг, Гунсрюк-Эйфель, Шампань). Погребения, содержащие оружие, автоматически считаются «воинскими», хотя они могут принадлежать просто свободным людям, имеющим право носить оружие. Все мужчины общества могли принадлежать к военной иерархии, положение в которой обозначалось разной комбинацией оружия в погребении (известны находки отдельных частей оружия или же его миниатюрных копий, например, в захоронениях в немецком Гросс-Ромштедте). Что мы скажем о богатых захоронениях на юго-востоке Британии, где мужчины погребены с оборонительным оружием (щиты, кольчуги), но без наступательного (мечи, копья, луки со стрелами)? Галльские общества железного века, имеющие погребения с оружием, могут быть названы «военными», но почему таких погребений мало (фактически всего два) у арвернов, которые, по письменным источникам, были во II в. до н.э. ведущей военной силой в Галлии?

Хуже всего то, что мы пытаемся реконструировать общества прошлого по данным написанных гораздо позже источников и на основе расовых стереотипов XIX столетия. Такие реконструкции базируются на описании галлов, сделанном Цезарем:

«Во всей Галлии существуют только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание... Вышеупомянутые два класса — это друиды и всадники».

*(Цезарь. Записки о Галльской войне, 6. 13)*

Тем не менее это общество имело выборных магистратов, периодически собирающийся «сенат» и общественные фонды. В то же время несколько столетий спустя общество, описанное в ирландском «Похищении Быка из Куальнге», выглядит гораздо проще и примитивнее. Эти источники нельзя считать независимыми, поскольку ирландские монахи, записавшие «Похищение», были,



без сомнения, знакомы с античными текстами. В сознании потомков оба названных общества слились в некое идеальное «кельтское» общество со жрецами, бардами, военной элитой и угнетенными общинниками. Эта трактовка наложилась на интерпретацию укреплений Южной Британии вроде Дэнбери, хотя она не находит никакого подтверждения в археологических находках. Такое представление о «вневременных кельтах», отраженное в большинстве общих работ, даже написанных археологами, основано на ложной методологии. Из письменных и археологических источников одинаково вытекает, что народы, говорившие на кельтских языках, сильно различались во времени и пространстве. В этническую группу с определенным общественным устройством их помещали не язык, а технологический уклад, включенность в определенную структуру, система власти и идеология; эти общества постоянно изменялись. Прежняя конструкция базировалась на колониальных представлениях о неизменности «коренного населения», как показывает приведенная ранее цитата из Ворзее. Его взгляды типичны для своего времени и могут быть найдены, например, в «Доисторической эпохе» Лаббока. Сегодня мы знаем, что они ошибочны и должны быть отвергнуты как «расистские». Почему же мы продолжаем, хоть и осторожно, следовать им в изучении кельтов?

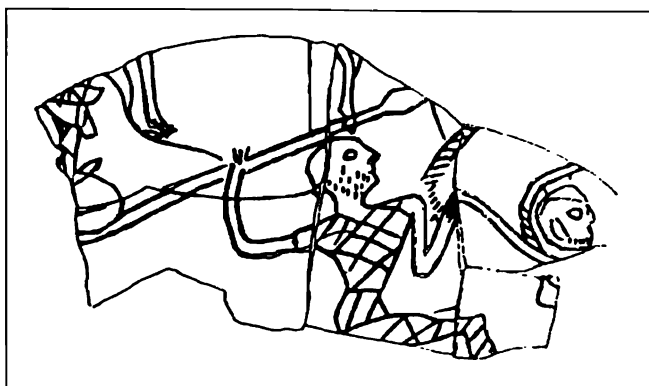
## Религия

Как уже говорилось, я весьма скептически отношусь к тому, что называется «кельтской религией». Во времена походов Цезаря религия галлов Кельтики и Белгики была весьма похожа на верования греков и римлян с их множеством богов и богинь, хотя лишь немногим из них поклонялись за пределами одного племени. После римского завоевания эти божества легко влились в греко-римскую систему и получили там свои соответствия, хотя атрибуты их могли различаться. Но это было не «кельтской религией», а лишь религией, которую в то время исповедовали кельты и которую они позже легко сменили на монотеистические восточные культы наподобие митраизма или христианства; одна из форм христианства даже получила эпитет «кельтской».



Хотя часто говорят, что в Ирландии церковь включила в себя прежнее язычество, превратив его богов в святых, подобных святой Бригитте, развитие религии среди кельтских народов доказывает, что это было обычным явлением. Несмотря на эмоциональные описания таких форм религиозной практики, как человеческие жертвоприношения или предсказания погоды, у античных авторов вроде Лукана большинство кельтских обрядов были привычными для них и потому не удостоились описания. С III в. до н.э. существовали общинные храмы с деревянными строениями и оградами, в которых приносились в жертву оружие, украшения, люди и животные. Недавние находки в Рибмон-сюр-Анкре, Аси-Романсе и Гондоле близ Клермон-Феррана еще раз доказывают, что сведения о человеческих жертвах не преувеличены. Впоследствии многие святилища железного века в Галлии и Югол-Восточной Британии превратились в римские храмы и получили в новых городах античного типа то постоянное место, какого у них не было в прежних оппидумах. Появление постоянных храмов в варварской Европе было так же тесно связано с формированием государства, как это было в Средиземноморье. Среди немногих исключений можно назвать небольшое строение, прилегающее к богатому захоронению в Виксе, датированному VI в. до н.э. В окружающих его рвах найдены останки мужчин и женщин, каменные статуи которых украшают вход в святилище. Комплекс в Виксе больше напоминает современные ему храмы Южной Европы. В то же время в Германии, Ирландии, северных и западных областях Британии постоянные храмы появились гораздо позже — возможно, уже в христианское время.

Учреждением, вызывавшим особенный интерес греков и римлян, был друидизм, не имевший точного соответствия в классическом мире. Друиды, вероятно, не были вовлечены в повседневную обрядовую практику; в римский период ей занимались *gutuates*, или жрецы. Многие друиды, по причине их особых знаний или обучения, входили в элиту общества и занимали высшие религиозные посты, напоминавшие римского *pontifex maximus*. Единственный галльский друид, известный нам по имени, эдуй Дивитиак, был также важной политической фигурой. Тем не менее свидетельства о друидах существуют только в Галлии, Британии и позже в Ирландии, но не во всем кельтском мире.



**86. Фигурка воина, выцарапанная на керамическом сосуде из Клермон-Феррана, Франция, изображен с человеческой головой, подвешенной на шее лошади**

Предполагаемым аспектом кельтской религии, породившим обширную литературу, является культ отрубленных голов. Описывающие его сведения взяты из разных мест и времен и на практике употребляются в чисто светском, а не религиозном контексте. Употребление вражеского черепа в качестве чаши для пирогов и украшение головами домашнего интерьера, шокировавшее Пойсеидония, были, вероятно, обычаями военного сословия, целью которых было доказательство превосходства над врагом. Они находят археологическое подтверждение — например горшок из Ольнэ близ Клермон-Феррана, на котором изображен скачущий воин с человеческой головой на шее лошади (рис. 86). Однако выставление черепов напоказ не обязательно связано с войной; в том же районе Клермон-Феррана вплоть до поздней римской эпохи черепа детей хоронились отдельно на кладбищах и в домовых могилах. Можно вспомнить, что еще в XIX в. в районе Гальштатта богато украшенные черепа хоронили в отдельных могилах с указанием имени и возраста усопшего. Интерес к черепу и голове, по которым мы, собственно, и узнаем друг друга, существует во всем мире.

При этом черепа вполне могли превращаться в объекты культа. Примеры, часто приводящиеся в книгах о кельтах, — ниши для черепов в святилище Рокпертюз близ Марселя (III в. до н.э.) и черепа, прибитые к стене рядом с их каменными изображениями в



соседнем Антремоне; вероятно, это были враги, которых требовалось унижить. Однако оба этих святилища принадлежат не кельтам, а лигурам. Вспомним, что христианство также превращает человеческие останки в предметы поклонения; например, голову святого Валентина в Новом соборе Винчестера. Таким образом, проблему следует изучать в локальном контексте, не изобретая некоей «кельтской» культовой практики. По контрасту с лигурийскими, святилище белгов в Рибмон-сюр-Анкре отмечено отсутствием черепов у найденных там людских скелетов; их унесли, чтобы использовать где-то в другом месте. Не стоит также придавать человеческим головам, или «маскам», характерным для латенского искусства, большего значения, чем резным головам в убранстве романских церквей.

## Искусство и археология

Что может внести археология в дискуссии о кельтах? Письменные источники неизбежно ограничены тем, что бросают лишь краткие и поверхностные взгляды за пределы образованного средиземноморского мира, причем это искаженный взгляд античных авторов, не знающих либо не понимающих смысла происходящего. Доступные нам фрагменты информации никак не желают складываться в единую картину. Поэтому историки и даже некоторые археологи ждут, что археология заполнит зияющие провалы, оставленные письменной традицией. Такой подход превращает археологию в «служанку истории» и вынуждает ее играть по правилам, изобретенным другой наукой, вместо того чтобы придумывать собственные.

Преобладание истории неудивительно в средиземноморских странах (Испания, Франция, Италия), где археология преподается в университетах как отрасль истории или даже истории искусств и обычно не выходит за пределы первого курса. По контрасту, в германоязычных странах археологию преподают отдельно на протяжении более длительного периода. В Англии кафедры археологии читают от 12 до 20 лекций, в Германии — от 3 до 5, а во Франции их предмет едва заметен. Возможно, поэтому Британия в последние полвека стала главным проводником новых методологий



и теоретических подходов, включая «новую археологию» и пост-процессуальную критику. Археологические исследования здесь концентрируются на том, что является их главным предметом — на изменениях в социальной, экономической и экологической сфере.

Это не значит, что археологии нечего сказать по таким трудным вопросам, как этническая принадлежность. Однако при этом она должна использовать собственные средства и методы, чтобы не зависеть в своих выводах от данных истории и лингвистики. Когда эти выводы будут получены, их можно сравнить с выводами других дисциплин и вывести синтез, о котором я уже говорил по поводу социальной реконструкции и религии; в обоих случаях картина будет сильно отличаться от изложенной Цезарем со случайными совпадениями в области, например, человеческих жертвоприношений. При механическом соединении данных проблемы неизбежны, как показывают неподтвержденная археологией реконструкция социальной организации поселения Дэнбери или путаница с «воинскими» погребениями и «воинскими» обществами. Другим примером является отказ признать постоянство и непрерывность изменений; например, проведение резкой границы между гальштаттом и латеном в Центральной Европе и связь второго с «прибытием» кельтов — точно так же специалисты по соответствующим эпохам проводят границу между римским и англосаксонским периодами. Что на самом деле происходило в эти «переходные» эпохи? Мы видим изменения в погребальных ритуалах, но отразились ли они в типах жилища и методах производства? Означает ли изменение моделей одежды смену населения? Равносильно ли появление нового стиля керамики перемене рациона и всего стиля жизни, или это всего лишь преходящая мода?

Ясно, что есть времена и места, где смена ритуала погребения, стиля одежды и даже узора керамики означает смену этносов; археологу важно понять, когда именно это происходит и как можно быть уверенным, что это связано именно с этносом, а не, скажем, с социальным статусом. Прежде чем предположить этническую интерпретацию, как это часто происходит с кельтами, нужно внимательно рассмотреть другие возможные варианты. Например, попробовать определить границы расселения племен Британии по ареалам распространения доримских монет. Хотя можно выраба-





тывать общие методы и концепции, каждый случай следует рассматривать отдельно, в своем контексте. Такая техника скорее поможет нам отличить представителя одного кельтского племени от другого, чем кельта от германца.

Я уже отмечал, что не могу подписаться под высказанным Ме-гоу утверждением, что латенское искусство непременно отражает определенные религиозные верования и таким образом может служить индикатором «кельтизма». Полезнее будет рассматривать язык, искусство и религию отдельно, чтобы потом изучить, в каких случаях искусство и другие явления материальной культуры совпадают с этническими и лингвистическими границами, а в каких пересекают их. Почему германоязычные жители Дании и иберийцы Лангедока и Каталонии приняли латенский стиль, а кельтоязычные кельтиберы не сделали этого? Только так, отвергая исторические предрассудки, мы сможем сдвинуть многолетнюю дискуссию с мертвой точки.

## Генетика

Разные люди, включая физических антропологов, уверяли меня, что кельтская проблема может быть легко решена путем анализа ДНК. Я уже упоминал о попытках реконструировать древние торговые пути посредством анализа медных и бронзовых предметов. Для этого были использованы самые современные методы физического анализа, но результаты оказались просто смешными. Судя по ним, Ирландия, добывающая медь, импортировала большую часть металла из Центральной Европы. Оказалось, что не продуман сам теоретический базис исследований и использована неверная статистическая методика. Как показывают статьи некоторых генетиков и недавняя дискуссия на страницах «British Archeology», генетические исследования могут столкнуться с той же проблемой.

В дискуссии речь шла о масштабах замещения коренного бриттского населения англосаксами в конце римского периода. Генетики объявили, что современное население юго-востока Британии (имеется в виду население, чьи предки издавна жили в этом районе) ближе к жителям Нидерландов, чем к населению запада



Англии и Ирландии. Это приняли за доказательство «вытеснения» прежнего населения новым. Перед нами типичный случай того, как генетические исследования вписываются в готовую модель, делая вид, что доказывают ее. На самом деле население Британии времен мезолита и неолита действительно пришло из района Нидерландов и подпитывалось затем постоянными контактами через Северное море — это доказывают керамика бикеров, урны из Хильверсума и торговля с Рейнской областью, берущая начало в раннем железном веке. Поэтому англосаксонское завоевание было всего лишь еще одной фазой контакта населения, и без того связанного генетическим родством.

Другой пример — недавняя телевизионная программа, авторы которой пытались определить, являются ли шотландцы, ирландцы и валлийцы кельтами. ДНК, взятая из кости «кельта» из погребения железного века в Центральной Европе, сравнили с данными, взятыми у нынешних жителей Британских островов, сделав вывод, что эти жители не родственны древним кельтам. Но была ли эта кость типичной для европейских «кельтов»? Считал ли себя «кельтом» ее обладатель? Можем ли мы уравнивать физические характеристики с языком и этносом? Эти вопросы задавал еще Причард в начале XIX в. Оба приведенных примера отражают расистские стереотипы прошлого, согласно которым носители кельтских языков являются «кельтами» с присущими им физическими признаками. Это позволяет считать, что различия между жителями запада и востока Британии связаны с отличием «кельтов» от «германцев», или что британские кельты не настоящие, поскольку генетически отличаются от континентальных.

Поэтому нужно прояснить, что мы должны сделать, и как этого добиться. Генетические изменения происходят тремя путями:

1. Постепенный естественный процесс: одни гены выходят на передний план, а другие исчезают по не вполне понятным причинам.
2. Генетические мутации, удачные или неудачные для индивидуума, но обычно нейтральные. Путем наследования они могут распространиться на значительные популяции.
3. Отдельные гены могут давать своим владельцам преимущества в специфических условиях среды; классический пример — наличие в крови серповидных клеток, понижающих риск заболевания малярией.



Отсюда вытекают основные правила:

4. Население имеет больше шансов измениться, если оно малочисленно и имеет относительно небольшой генный набор; редкие вариации генов легче выживают в больших популяциях с обширным генным набором, но доминирующими они могут стать исключительно в малых.

5. Обычно население продолжает обмениваться генами с соседями путем браков и локальных миграций (переезда в соседний город или деревню). Резкие различия между группами населения появляются при наличии границ естественных — моря или гор, — или искусственных, как у евреев или эмишей, практикующих браки внутри общины. Однако и это не всегда помогает: евреи за годы рассеяния приобрели отчетливое сходство с народами, среди которых жили, и нынешние палестинские арабы часто больше напоминают древних израильтян, чем современные же евреи.

Несмотря на тенденции к гомогенизации, население отдельных регионов сохраняет локальные генетические характеристики. Тацит писал, что каледонцы имеют рыжие волосы, и приписывал это их германскому происхождению («Агрикола», 11); современный анализ также выявил среди шотландцев самый большой процент рыжих в мире, вызвав предположение, что этот фактор имеет весьма древнюю историю. Вероятно, население Шотландии очень рано обособилось от других народов в условиях малонаселенности Европы — возможно, после ледникового периода, в мезолите или раннем неолите. В дальнейшем прирост осуществлялся в основном за счет внутренних причин, и миграция уже не смогла разрушить первоначальную генетическую основу. Раннее мезолитическое население Британии оставило генетическое наследство, отраженное в наиболее раннем скелете «Чеддерского человека», найденном в Сомерсете, и остатки этого наследства еще присутствуют в облике местных жителей.

Таким образом, общая модель предполагает скорее генетическую преемственность, чем катастрофические изменения, так любимые учеными XIX в. Их интерпретация имела свои основания, поскольку источники наподобие «Англосаксонской хроники» часто упоминали об истреблении коренного населения. Это отвечало колониалистскому подходу, который связывал технологический прогресс со сменой населения. Опыт европейской ко-



лонизации предполагал вытеснение коренных жителей иммигрантами, как это случилось в Америке и Австралии. Я вижу четыре ситуации, при которых это могло произойти:

1. Когда коренное население малочисленно в сравнении с мигрантами.

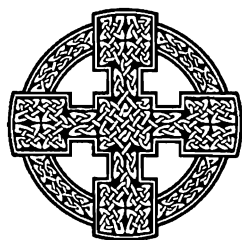
2. Когда иммигранты привозят с собой вирусные заболевания вроде оспы и кори, с которыми не может справиться иммунная система аборигенов; это главная причина вымирания коренных жителей в новейшее время.

3. Когда местная экономика переживает системный коллапс, ведущий к голоду и эпидемиям.

4. Когда пришельцы, обладающие подавляющим техническим превосходством, лишают аборигенов доступа к ресурсам или привычной среды обитания (австралийские аборигены, индейцы прерий и Амазонии).

Большинство этих факторов нехарактерны для Древнего мира, где не было резкого разрыва в уровне технологий (только в навыках их использования) и где масштабные миграции совершались редко и на относительно небольшие расстояния.

С точки зрения генетики, для доказательства смены населения необходимо провести масштабный генетический анализ до и после предполагаемого времени этой смены. Однако, как мы видим, археология не всегда может предоставить достаточное количество материала из погребений — этому мешают такие обычаи, как кремация и условия окружающей среды. Скорее ДНК может использоваться для определения родства похороненных в определенном месте или выяснения числа пришельцев в той или иной области. Сравнение древнего населения с современным может быть полезным, но для него еще предстоит разработать подходящую технику статистического анализа. Например, выяснить наличие подходящих генов-маркеров (так же как физические антропологи используют такие анатомические особенности, как вормианские кости черепа) или возможность сравнения всей генетической структуры. Пока же следует сохранять скептицизм относительно использования ДНК для подтверждения массовых миграций и смены населения, о которых говорят теории завоевания, и вернуться к «волновой модели» лингвистики как более вероятному пути моделирования генетических изменений.



## 11. ВЫВОДЫ

Эта книга радикально пересматривает бытующие представления о кельтах, и в последней ее главе я хочу подвести основные итоги и наметить сферы влияния новых интерпретаций. Главное применение они могут найти в истории и археологии, но могут повлиять также на современное общество и роль, которую играет «кельтизм» в формировании новой этнической идентичности в Великобритании и Европе. Вот мои главные выводы:

1. Мы не знаем, как определяли кельтов в прошлом, поскольку эти определения различаются у разных античных авторов, и должны каждый раз рассматриваться в отдельном контексте.

2. Названия «кельты» и «галлы» применялись к народам, жившим от Испании на западе до Малой Азии на востоке, не только греками и римлянами, но и представителями самих этих народов. Они никогда не обозначали жителей Британских островов, кроме как в случае их применения ко всем жителям Западной Европы, включая такой неиндоевропейский народ, как баски.

3. «Кельтская» языковая группа была изобретена в XVIII в. и стала плодом ошибочного мнения, что современные бретонцы сохранили язык древних кельтов, живших в Галлии и потом переселившихся в Британию.

4. Определение кельтов, как народов, говорящих или когда-либо говоривших на кельтских языках, также восходит к XVIII в. когда оно было ошибочно применено к жителям Великобритании и Ирландии.

5. «Кельтское искусство» было впервые выявлено в Ирландии в середине XIX в. и названо «позднекельтским» по тому же ошибочному предположению, что древние жители Британских островов были кельтами.



6. Происхождение этого стиля искусства было приписано к региону Северной Франции, Южной Германии и Чехии, несмотря на отсутствие археологических доказательств; на самом деле область его распространения была куда шире, включая большую часть Франции, Германию, Чехию, Швейцарию, часть Австрии и даже части Северной Италии и Южной Англии.

7. Одна из интерпретаций исторических и лингвистических фактов называет областью происхождения кельтов юго-запад Германии, но есть и другие, более правдоподобные интерпретации, сдвигающие эту область на запад и в центр Франции.

8. В конце XIX — начале XX в. было выдвинуто предположение, что археологические культуры, или «культурные группы», определяемые сходством одежды, искусства, ритуалов погребения, типов домов, керамики и т.д., соответствуют древним народам, хотя часто эти соответствия недоказуемы и приводят к ошибкам.

9. Для железного века установлены две лидирующие культуры — Гальштатт и Латен. Последнюю связывают с кельтами, жившими в V в. до н.э. на Верхнем Дунае. В ряде районов, особенно на западе Германии, установлена преемственность этой культуры с более ранней, из чего заключают, что гальштаттское население в поздней фазе также было кельтским. Однако эта преемственность существует или предполагается в гораздо более обширном ареале.

10. Использование расовых теорий XIX в. привело к выводу, что кельты были отдельной расовой группой, происхождение и расселение которой можно доказать археологически. Эта идея была выдвинута Густавом Коссинной и принята нацистами для обоснования концепции германской «расы господ». Доказательства экспансии германцев и кельтов методологически одинаковы и равно неприемлемы.

11. Колониалистские теории о том, что прогресс непременно вызывается внешними влияниями, без которых коренное население деградирует, привели к объяснению всех культурных изменений внешними миграциями.

12. Расам приписали такие характерные черты, как религия, социальная структура, язык и т.д. Это привело к консервации расовых стереотипов и отрицанию изменений, что, в свою очередь,



породило концепцию «вневременных кельтов», все еще принятую в большинстве общих работ о кельтах.

Как уже поняли читатели, я отвергаю многие, если не все концепции и методы, высказанные в литературе о кельтах, а также большинство научных теорий. Понять, откуда взялись эти теории, как и кем они применялись, — вот главная цель этой книги.

Альтернативный подход к кельтам имеет свои противоречия. Когда Саймон Джеймс впервые опубликовал своих «Атлантических кельтов», он получил множество враждебных комментариев, включая обвинение в геноциде! Вот типичные отклики Рут и Висента Мегоу, отражающие взгляды правых националистов (James, 1998):

«В Соединенном Королевстве и особенно в Англии глубоко укоренилась антиевропейская ментальность; разжигание страха перед “утратой суверенитета” является для тори последней надеждой сохранить политическую власть. Кельты, древние или современные, видятся возможным символом внутреннего разделения при внешнем единстве; возможно, этим объясняется оспаривание существования таких островных народов, как кельты, пикты или англосаксы».

«Европейский Союз, к которому Британия примкнула поздно и без особой охоты, в Англии часто считают не выгодой, а угрозой. Было бы странно, если бы эти взгляды не отражались, пускай бессознательно, в продуктах нашей системы высшего образования».

*(Обе цитаты — Megaw and Megaw, 1996, с. 179)*

Почти все сторонники новых подходов, принадлежащие к левому крылу и настроенные проевропейски, отреагировали на эту атаку с недоумением. Ни Саймон Джеймс, ни я не питали намерения уничтожить современную концепцию кельтов или противостоять региональным различиям (совсем наоборот!), а также не думали, что критика со стороны пары археологов изменит самосознание миллионов людей. Как уже говорилось, мои первоначальные намерения целиком исходили из проблем археологической интерпретации изучаемых мной поселений и областей.

В последнем столетии Европа была главным очагом исторических изменений. Сегодня национальное государство, возникшее



здесь в XVII столетии, отжило свое. Хотя оно много дало своим гражданам в областях здравоохранения, образования, социальных и политических свобод, технологического прогресса, в жертву ему были принесены миллионы жизней. Те из нас, кто принадлежит к центру и левому флангу политики, уповают на такие международные структуры, как Европейский Союз и ООН, считая, что только общими усилиями нам удастся обеспечить здоровье и благоденствие человечества, сохранить окружающую среду и сам воздух, которым мы дышим.

Все больше сближаясь в политике и экономике, мы в то же время все сильнее заботимся о нашей идентичности, корни которой лежат в историческом прошлом. Если я считаю себя в первую очередь англичанином, гражданином Великобритании, то лишь потому, что это охраняет меня в путешествиях по миру, а не потому, что я что-то имею против шотландцев, валлийцев или ирландцев, — напротив, я вижу Великобританию исключительно как союз равных. Разные народы внутри Британии имеют разное прошлое, культуру и стремления, но это различие должно нас радовать: оно дает нам возможность работать совместно — а не при господстве англичан, чего до сих пор не желают понять некоторые политики в Вестминстере. Но мы должны понять, что эти народы в значительной степени являются «фиктивными» или «придуманными», как обозначают это современные историки. Это, однако, не делает их менее реальными, и, возражая против имени «кельтов», мы можем не отменить его вовсе, а лишь заменить другим. Но каким? «Валлийцы» — это всего лишь германское название чужеземцев, которое вначале распространялось на всех бриттов; сами жители Уэльса зовут себя кимрами, «сородичами». Шотландия получила свое имя от скоттов, пришельцев из Ирландии, одолевших местных пиктов и бриттов, вторгшихся скандинавов и носителей английского диалекта из равнинной части страны. Англия названа в честь англоv, хотя единое государство в ней было основано саксами и включило ютов, бриттов, датчан и нормандцев. И мы все называем себя древним именем *Pretannoi*, которым Пифей в III в. до н.э. обозначил какую-то часть обитателей наших островов.

Похожие процессы происходят и в других частях Европы — иногда мирно, как разделение чехов и словаков, иногда в виде вя-





лотекущего гражданского конфликта, как в Испании между басками, каталонцами, галисийцами и кастильцами, а иногда и с полномасштабной войной, как на Балканах. Важно понять, что новые этнические образования должны развиваться мирно; от конфликтов страдают все, даже доминирующие группы, — например сербы, столкнувшиеся с распадом своей страны. Необходимо провести черту между законным и оправданным этническим регионализмом и воинственным национализмом, признающим только физическую силу и отрицающим права других народов. Различия между этническими группами не всегда очевидны: иногда это язык (каталонцы и кастильцы), иногда всего лишь принадлежность к разным конфессиям (сербы и хорваты). Для истории одним из главных факторов является этническая принадлежность, поэтому именно в ее определении историки и археологи должны проявлять максимальную скрупулезность, используя весь свой запас знаний и методов исследования.

Многие из наших спорных проблем решаются одним вопросом: может ли кельт быть чернокожим? На него отвечают две апокрифические истории. Первая, рассказанная в «Гардиан», касалась иска по обвинению в расизме, поданного в ирландский суд чернокожей женщиной, вышедшей замуж за ирландца и попытавшейся устроиться в офис туристической службы в Дулинском аэропорту. Ей отказали на основании того, что она не может представлять в глазах туристов Ирландию с ее кельтскими корнями; значит ли это, что аналогичный отказ получат в будущем ее дети, хотя их отец — коренной ирландец? Вторую историю рассказал мне археолог Барри Рафтери, выходец из большой ирландской семьи. Другой член этой семьи уехал на Карибы и женился там на местной чернокожей девушке; в этом случае клан радушно принял ее, невзирая на цвет кожи. Это иллюстрирует контраст не только между официальным и частным подходами, но и между двумя определениями «ирландского» или «кельтского». Официальный взгляд смотрит назад и основан на стереотипах, в то время как частный реагирует на изменения и устремлен вперед.

Обычно отжившие теории защищаются государственными инстанциями. На рис. 87 воспроизводится документ, распространяемый Британской Академией для отражения расового и этнического состава; похожие, хотя не столь откровенные, докумен-



## *The British Academy*

## Equal Opportunities

As part of the British Academy's commitment to equal opportunities, the ethnic origin of people who apply to the Academy is monitored. We should therefore be grateful if you would tick one of the boxes below, which reflect the categories employed by the Registrar General in the Census, and in all university student records. Any information you give will remain confidential. The form will be detached from your application, and the information will be used for monitoring purposes only.

**Please do not sign the form, or give your name**

Please show which group best describes your ethnic origin or descent by ticking ONE of the boxes below:

<input type="checkbox"/>	Bangladeshi	<input type="checkbox"/>	Black African
<input type="checkbox"/>	Chinese	<input type="checkbox"/>	Black Caribbean
<input type="checkbox"/>	Indian	<input type="checkbox"/>	Black Other
<input type="checkbox"/>	Pakistani	<input type="checkbox"/>	White
<input type="checkbox"/>	Asian Other	<input type="checkbox"/>	Other

If you do not wish to complete this form, your decision will not affect your application in any way.

### **87. Форма, используемая Британской Академией для определения расовых и этнических характеристик при распределении грантов**

ты используются в больницах и в опросных листах национальной переписи. У меня бы возникли проблемы при заполнении подобного бланка из-за явной путаницы понятий «цвет кожи» и «этническая принадлежность». Я могу записать себя только в «другие», поскольку «белый» — это не этническая принадлежность, а цвет кожи. Записав себя в белые, я признал бы свое коренное отличие от пришельцев (хотя многие из них могут иметь европейское происхождение) и таким образом расписался в собственном расизме. Этот пункт целиком базируется на расовой концепции XIX в. рассмотренной в предыдущей главе, и подразумевает наличие «расы» в качестве объективной характеристики.

Но что сказать о чернокожих жителях Карибских островов, многие из которых имеют гены переселенцев из Европы? Дети, у которых один из родителей «белый», а другой «черный», обычно записываются в «черные», поскольку гены, отвечающие за темную кожу, глаза и волосы, более склонны к доминированию, чем гены светлой кожи. Такие документы, как бланк Британской Академии, игнорируют наличие «белых» генов и записывают этих людей в «черные», воскрешая тем самым концепцию «чистоты расы»,



отравившую всю первую половину XX столетия. В результате те, кто имеет смешанное происхождение, причисляются к «смешанной» расе и поневоле являются не единым человеческим существом, а ущербным гибридом, состоящим из двух половинок.

Хотя мы все признаем генетическое многообразие мирового населения и недостаточность имеющихся расовых характеристик, но в условиях роста миграции и межрасовых браков даже введение таких промежуточных рас, как «средиземноморская» или «американская», не может решить проблемы. Поэтому я считаю, что вся расовая концепция должна быть выброшена на свалку истории, и каждого, кто считает расу надежным признаком для классификации народов, следует открыто признавать расистом. Поэтому британское правительство с его «Законом о межрасовых отношениях» и «Советом по межрасовым отношениям» можно считать расистским — впрочем, как и правительства многих других стран.

Если нам необходимо отслеживать расовый и этнический состав населения — а это, к сожалению, необходимо — следует раз и навсегда разделить два фактора. Один из них — цвет кожи, независимый от этнической принадлежности и генетического прошлого. Например, в родном городе моей жены в Норвегии расисты избили одного паренька, хотя он был местным, — просто его волосы и кожа принадлежали к «темной» части коренного спектра, и нападавшие сочли его иностранцем. Цвет кожи может быть объективным показателем, но его нужно разделить на подгруппы от «черного» к «белому» через «желтые», «коричневые» и «розовые» оттенки. Интересно только, к какой категории тогда будет принадлежать наша собственная кожа?

Если взять за основу этническую принадлежность, то лучшим средством ее определения будет самоощущение человека — «мы есть те, кем себя считаем». При этом мы принадлежим к разным группам, которые могут меняться; например, Шеффилд или Глазго делятся между болельщиками двух футбольных клубов, что в недавнем прошлом приводило к насилию и даже убийствам. Хотя я считаю себя европейцем, в других странах континента я ощущаю себя прежде всего англичанином, и так же видят меня мои иностранные друзья и коллеги, что знаменует разницу между самоощущением и восприятием других. Эта разница включает в себя национальную гордость, но одновременно отделяет меня от какого-



нибудь члена Британской Национальной партии — у нас с ним не только разные понятия расы, но разное отношение к истории, определяющей нас обоих как «англичан» или «британцев». Для члена Национальной партии этническая принадлежность — нечто застывшее, неизменное в прошлом и будущем, в то время как я вижу ее в постоянном изменении, заново воспринимаемую в каждом поколении. Крайний национализм родственен фундаментализму, считающему, что священные книги (Библия, Тора, Коран) знают все, потому что их диктовал людям сам Бог. Пока я пишу эти строки, в католической и англиканской церквях идет ссора по поводу священников-гомосексуалистов — ссора между теми, кто верит в дух христианства, и теми, кто следует его букве, «письменной традиции». Как агностик, я отвергаю догматизм, но, как историк, признаю мудрость и опыт наших предков, лежащие в основе нашего собственного общества. Однако к ним следует добавить те мудрость и опыт, что были накоплены со времен написания священных текстов. Поэтому я не могу принять расовые стереотипы таких древних авторов, как Цезарь и Цицерон, за основу в описании «кельтских» народов современности.

Если прошлое, как я уверен, влияет на современное (Кристиан Кристиансен в одной из статей назвал это «великой силой прошлого»), то оно диктует историкам и археологам теоретические основы и методологию для их исследований. Я уверен, что, хотя кельтскую концепцию нельзя использовать на практике так, как нацисты использовали германскую (валлийская армия не пойдет походом на Анкару отвоевывать утраченные территории), это не значит, что можно допускать применение ложных методов в других регионах — на Балканах, на Кавказе, на Ближнем Востоке, где археология активно используется в пропагандистских битвах. Этим я отличаюсь от большинства авторов, которые используют в описании кельтов расистские теории прошлого, отвергая их практические выводы. Так возникает представление о вымирающих кельтах, загнанных врагами на задворки Европы. В Махинлете (Уэльс) организован музей виртуальной «Кельтики», где после посещения реконструированной деревни железного века туристам задают вопрос, куда девались кельты. И под пение валлийского хора отвечают на него: «Мы еще здесь». Но опасность, о которой идет речь, угрожает не кельтам, а только кельтским язы-



кам. Генетические наследники кельтов живы и здоровы, но сегодня они говорят на галисийском, испанском, французском, итальянском, немецком, венгерском, турецком и нескольких славянских языках; никто из них, кроме бретонцев (если не все они являются мигрантами из Британии), не говорит по-кельтски.

Когда президент Валлийской ассамблеи Родри Морган услышал о предположении Саймона Джеймса, что ранние валлийцы не были кельтами, он заявил:

«Мы кельты и гордимся этим! Англичане завидуют нам, потому что мы раньше них стали цивилизованными. Первая поэма на послеклассическом языке была валлийской. Кельты были здесь, когда пришел Цезарь. Это типичная англосаксонская пропаганда!»

*(The Independence, 27 февраля 1999 г.)*

Можно предположить, что он не читал книгу, о которой говорит, но мы видим здесь всего лишь утверждение, что кельты появились в Британии раньше англичан. Как уроженец юга Англии, хоть и с примесью ирландской крови, идущей из XVIII столетия, я предполагаю, что генетически более близок к бриттам, встречавшим Цезаря, чем мистер Морган.

Не считая современный кельтизм чем-то предосудительным, мы решительным образом отделяем его от прошлого, хоть он и связан с древними кельтами рядом интересных процессов. Новые «кельтские» идеи появляются постоянно: в XIX в. мы слышали о «кельтской церкви», в 1920-е гг. появилось выражение «кельтские поля», а недавно в музыке появилось направление, тоже названное «кельтским». Но как нам определить современного кельта? Еще недавно главным фактором был язык, и организаторы Международной кельтской конференции недаром отвергли предложение Галисии принять их у себя на том основании, что галисийцы не говорят на кельтском наречии. Однако ежегодный фестиваль в бретонском Лориенте более открыт — на него допускаются участники из Галисии и Оверни, но не расширять же его границ до Центральной Турции! Может ли участие в Лориентском фестивале быть признаком кельтизма, как участие в Олимпийских играх в древности означало принадлежность к грекам? Быть мо-



жет, нам следует учредить Кельтский футбольный чемпионат с участием таких команд, как «Селтик» из Глазго, «Кельтико» из Виго и «Галатасарай», или из городов с кельтскими именами (Милан, Болонья)? Конечно, ради благих целей — собрать людей вместе и заставить их осознать свое происхождение.

Когда в прошлом я высказывал взгляды, изложенные в этой книге, их встречали с интересом и пониманием, даже когда я выступал в Кардиффе, Лампетере, Эдинбурге и Корке. Часто меня даже приглашали приехать снова! Если я и получал отповедь, то не от местных «кельтов», а от коллег-археологов, вроде Рут и Винсента Мегоу. В конце концов, ирландские ученые чаще английских высказывали скептицизм по поводу кельтов — например, в статье Мак-Нейла «Новое открытие кельтов», написанной почти сто лет назад, но весьма актуальной сегодня. Написанное мной может быть одобрено большинством археологов Великобритании, многими в Ирландии и Испании; в обсуждение включаются коллеги из Франции, Австрии и Германии, а также некоторые лингвисты — например Патрик Симс-Уильямс. Главный конфликт происходит между самими британскими археологами, как показывают приведенные выше цитаты Мегоу. Поэтому я хочу закончить книгу цитатой из Барри Канлиффа, обсуждающего работы тех, кто, подобно мне, ставит под вопрос традиционные подходы к кельтам:

«Наиболее серьезной работой по вопросу достоверности “кельтской” концепции является “Кельты: сотворение мифа” М. Чэпмена. Она требует вдумчивого чтения как важное введение в тему. Другие авторы также пытаются придать термину “кельт” политкорректный смысл, хотя, как правило, без присущей Чэпмену научной глубины».

*(Cunliffe, 1997, с. 276)*

Я надеюсь, что моя книга внесет свой вклад в эту работу, и предоставляю слово оппонентам.



## **БИБЛИОГРАФИЯ**

---

### **Введение**

Я не претендую на то, чтобы дать полный перечень новейших публикаций, но главные из них приведены в нижеследующем списке. Он включает издания, сопровождающие серию весьма успешных выставок: в Зальцбурге в 1980 г. (Pauli, 1980), в Венеции в 1990 г. (Kruta et al. 1991), в Розенгейме в 1993 г. (Dannheimer, Gebhard, 1993) и в Авиле в 2002 г. (Disputación Provincial de Avila, 2002). Несколько выставок также сопровождали ежегодные заседания Французской ассоциации по изучению железного века — главный форум, обсуждающий археологию железного века Западной Европы. Список каталогов этих выставок (чаще всего региональных) вместе с изданиями материалов конференций можно найти в Collis, 2001. С того времени было издано еще пять томов: Chausserie-Laprée (2000), Méniel-Lambot (2002), Maranski-Guichard (2002), Plouin-Jud (2003), Buchsenschutz et al. (2003). Центр европейской археологии в Мон-Бовре также опубликовал новые работы (Guichard et al., 2000, Guichard-Perrin, 2002). Лучшими общими трудами о кельтах на английском языке являются James (1993), Cunliffe (1997) и Ó hÓgáin (2003), хотя все они представляют традиционный подход, критикуемый в этой книге, а последний вдобавок слаб по части археологии. Единственной монографией, отражающей некоторые новые идеи, можно считать James (1997). Недавно изданы несколько словарных изданий на кельтскую тему (Maier, 1997, Kruta, 2000), но два больших словаря еще находятся в процессе подготовки; один из них выпускается под редакцией Джона Коха, другой готовится Австрийской Академией наук.



## 1. Античные источники

Лучший, хоть и неполный, список авторов по данной теме можно найти в d'Arbois de Jubainville (1902). Duval (1971) приводит в справочной форме обзор основных источников по доримской и римской Галлии. Большинство классических греческих и латинских авторов изданы в английских переводах, сопровождаемых оригинальным текстом, в серии «Loeb Classical Library» издательства Гарвардского университета. Фрагменты прочих греческих авторов собраны в издании Müller (1878, 1883, 1887), хотя там комментарии и переводы даны на латыни. Динан опубликовал многие ранние греческие и латинские тексты с английскими переводами, но остановился на первом столетии до нашей эры. Классическая компиляция источников для Посейдония дана Tierney (1960). В издании Rankin (1987) также освещаются классические тексты, хотя там встречаются грубые ошибки вроде перенесения истории Луэрния из Франции в Малую Азию.

## 2. Заселение Запада

Asher (1993) разбирает версию о предполагаемом троянском происхождении франков, как и утверждения Анния из Витербо, а Гудино — легенду о таком же происхождении эдуев и арвернов (Goudineau, Peuge, 1993, с. 171—174). История Брута лучше всего рассмотрена в Kendrick (1950), а ее влияние на отношения между Англией и Шотландией — в Mason (1987) и Merriman (1987). Ferguson (1998) освещает ту же тему в широком политическом контексте, приводя мнения Фордуна, Бьюкенена, Ллойда и Песрона. Morris (1980) дает полезный источник для Нения, в то время как лучшим источником для Гальфрида Монмутского по-прежнему является издание Thorpe (1966). Перевод «Lebor Gabala», или «Книги захватов» можно найти у Koch (1995), а более ранний — в Macalister (1938—1956). Вугне (1974) обсуждает «Книгу захватов» как исторический источник, а Dillon and Chadwick (1967) освещают проблему богов Туата Де Дананн. Archer (1889) дает очерк жизни Фордуна, Spratt (1893) — Мейра, а Mackay (1886) — Гектора Бойса. Труды Фордуна переведены Skene (1872) вместе со сводом





шотландских королевских генеалогий. Подделка Анния обсуждается у Kendrick (1950) и Piggott (1967). Есть несколько биографий Бьюкенена — MacMillan (1906), Morton (1906) и особенно McFarlane (1981), а также краткий очерк MacKay (1886), в то время как Ferguson (1998) защищает его и Бойса от современных критиков. Английский перевод имеется у Aikman (1827). Первая книга «Истории» специально не рассматривалась, но MacNeill (1913—1914) дает хороший обзор взглядов Бьюкенена на кельтскую проблему, а Collis (1999) пытается анализировать текст с той же стороны. Краткий, но полезный обзор хронологических концепций можно найти у Hanson (2002).

### 3. Народы и языки

Общая история лингвистики дается у Robins (1979), а история изучения кельтских языков — у Poppe (1992) и Tristram (1996), хотя они не упоминают Бьюкенена, и только Поппе вспоминает о Причарде. Я уже пытался осветить вклад Бьюкенена в лингвистику (Collis, 1999). Ранние труды, включая списки слов, можно найти в Voxhorn (1658) и Pezgon (1703), а английские переводы Песрона — в Jones (1705) и Pezgon (1809); последний включает краткую историю его жизни. Ллойд участвовал в гибсоновском издании Кэмдена в 1695 г., а его «Глоссография» опубликована в 1707 г. Emeу (1971) дает очерк его жизни, как и Gunther (1945), освещающий также его переписку. James (1999) анализирует его вклад в кельтологию. Scaliger (1610), Parsons (1767) и Jones (1786) — примеры ранних исследований, приведший в конечном итоге к открытию индоевропейских языков. Жизнь Парсона освещена в Wroth (1895). Vopp (1823), Grimm (1822), Schleicher (1863) и Schmidt (1872) представляют главные направления лингвистики XIX столетия, а Prichard (1831), Vopp (1938), Zeuss (1853) и Holder (1896, 1904, 1907) — главные вехи в изучении кельтских языков. Renfrew (1991) и Mallory (1989) дают общий обзор индоевропейских языков с противоположных точек зрения, а Ball and Fife (1993) и Macaulay (1992) представляют новые материалы по кельтским языкам.



#### 4. Раса и время

Вклад Причарда в физическую антропологию анализируется у Symonds (1849) и Stocking (1973), в археологию — у Morse (1999). Две книги Daniel (1964, 1967) по истории археологии освещают события времен публикации «Происхождения видов». Я намереваюсь рассмотреть взгляды д'Арбуа де Жюбенвилля в Collis (готовится к выходу). Краткие жизнеописания д'Арбуа де Жюбенвилля и Бертрана можно найти у Ledos (1939) и Prevost (1954), а Жюлиана — у Goudineau (1998).

#### 5. Искусство и археология

Лучшие книги об антиквариатах XVIII столетия, включая Стакли, написаны Piggott (1985, 1989), а Smiles (1994) дает превосходные образцы искусства и обсуждает связь искусства и археологии римского периода, хотя меня смущает его понимание термина «кельтский». Есть несколько изданий «Дневника путешествия на Гебриды» Босуэлла; я использовал текст, подготовленный Pottle and Bennett (1936). Лучшим обзором о друидах по-прежнему остается труд Оуэна «Знаменитые друиды» (1962), но книга Пигготта, изданная в 1968 г., предоставляет дополнительную информацию по этой проблеме. Обсуждение взглядов Толанда можно найти у Huddleston (1814) и Fergusson (1997). Гальштатские «протоколы» Лондонского антикварного общества изданы в Hodson (1991). Захоронения в Орнавассо, долго бывшие ключевыми для определения хронологии железного века, полностью описаны в Graue (1974). Eggers (1959) дает по-немецки превосходный обзор развития археологической хронологии в XIX в. с критикой взглядов Коссинны; последние рассматриваются у Grunert (2002). Бумаги Рейнеке собраны в «Mainzer Aufsätze» (1963). Обзор взглядов Фрэнкса приводится у Wilson (1984), Вирхова — у Ottaway (1973). Дешелетт привлек к себе внимание после открытия центра Мон-Бовре, и информация о его жизни приводится у Limouzin-Lamothe (1965), Dechelette (1962) и Gran-Aymerich (1983), хотя ни в одной из этих книг он не рассматривается в контексте современной науки.



## 6. Кто такие кельты

В последние годы серьезных дискуссий по вопросу экспансии кельтов не было, поэтому главные из них относятся к концу XIX — началу XX в. Это D'Arbois de Jubainville (1875, 1902, 1903) и Bertrand (1889). Недавние находки в Мантуе обсуждают Vitali and Kaenel (2000). Проблемы с текстом Геродота и локализацией Пирены рассматривают Fischer (1972) и Himd (1972). Распространение кельтских языков в Испании анализируют Hoz (1990, 1996), Gorrochateui (2002) и Vilar (2002), в Италии Prosdocimi (1991). Lambert (1995) дает общий обзор находок во Франции, а Py (1993) — обзор лингвистического состояния Южной Франции.

## 7. Природа археологических источников

Моя книга «Европейский железный век» (1984), хоть и немного устаревшая, дает доступное и полное введение в археологию этого периода. Kristiansen (1998) и Cunliffe (1997) рассматривают его более детально. Morris (1987) обсуждает трудности присутствия (или отсутствия) погребений в контексте Греции, применимом и для остальной Европы. Torbrugge (1971), Bradley (1990) и Bonnamour (2000) пишут о находках в реках. Находки в поселениях анализируются в Audouze and Buchsenschutz (1991). Дебаты об изучении британского железного века освещаются в статьях Hawkes (1931, 1958), Hodson (1960, 1962, 1964) и Cunliffe (1991), а Collis (1994) рассматривает историю изучения этой темы в конце XX столетия. Хотя у нас есть хорошие исследования постпроцессуальной парадигмы железного века, общего обзора новых теоретических построений все еще нет; Johnson (1999) дает обзор новейших исследований, хотя его исследование «новой археологии» не охватывает весь круг проблем.

## 8. Кельтская археология

Многие раскопки, упомянутые здесь, освещены в издании Kruta et al. (1991); полезные материалы есть в Charpy (1995). Име-



ется обширная литература по Гунстрик-Эйфелю, особенно по металлическим предметам, но сейчас Дипевейн-Янсен готовит более развернутый обзор богатых погребений. Krause (1991) описывает погребальные ритуалы, а Nicholson (1989) — керамику. В недавней монографии Joachim (1995) подробно описано погребение Вальдальгесхейм. Дипевейн-Янсен представил также общий обзор раскопок в долине Марны, а Demoule (1999) — монографию по хронологии погребений; раскопки в Аси-Романс частично освещены в двух томах Lambot et al. (1992, 1994). Новые материалы по этому и другим местам даются в Meniel and Lambot (2002). Разные хронологии для Баден-Вюртемберга даны в Zurn (1970), Pauli (1972), Gersbach (1976) и критически обзореваются в Collis (1986), хотя в специальной литературе они все еще вызывают сомнение. Результаты недавних раскопок в Бурже даются Buchsenschutz and Ralston (2001), в Оверни — Jones (2001), хотя последние широко-масштабные работы будут освещены в материалах конференции AFEAF в 2003 г. Лучший обзор железного века Южной Франции дает Ру (1993). Данные по кельтиберам можно найти у Lorigio (1997) и в более общей форме у Эстебана и Паласиос Тамayo (1999), а также в «Diputación Provincial de Avila». Результаты недавних раскопок в Венгрии представлены у Guillaumet (2000).

## 9. Кельты и политика

Среди общих трудов о национализме и этнической проблеме следует назвать Anderson (1983) и Hobsbawn and Ranger (1983). Использование археологии в этом контексте изучено у Jones (1997) и в сборниках статей Atkinson (1996) и Graves-Brown (1995). Исследования кельтской этничности представлены Chapman (1993) (хотя я не согласен с его мнением о привнесении термина «кельт» извне), James (1997), Megaw and Megaw (1995) и Morse (1997). Snyder (2003) рассматривает бриттов, включая вопрос о колонизации ими атлантического побережья в V в. н.э., а Giot (2003) детально рассматривает Бретань. Чэпмен также исследует причину отмирания гэльского языка, в то время как Ó Súilleabháin (1940) изучает *bata scóig* — часть текста книги дана по-гэльски в доказательство того, что эта политика так и не добилась успеха. Dumville



(1983) анализирует «Armes Prydein». «Кельтский вопрос» во Франции в конце XVIII — начале XIX вв. рассматривают Jourdan (1996) и Rigney (1996), а в более позднее время — Hett (1996) и Olivier (1997, 1998). В Испании традиционный подход представлен главным образом младшим Альмагро (Горбеа), подготовившим выставку в Авиле в 2002 г. (Diputacion Provincial de Avila, 2002), в то время как Руис Сапатеро представляет более радикальный подход, сходный с позицией автора этой книги. Английская версия тома, сопровождающего выставку в Венеции, представлена в Kruta et al. (1991).

## 10. Современные дискуссии

Среди недавних книг по индоевропейским языкам можно назвать Lehmann (1993), Mallory (1989) и Renfrew (1987—1991); Greller (1998) дает критический обзор последних попыток связать данные археологии и лингвистики. Критика реконструкций «кельтского общества» дана у Collis (1994) и Webster (1996). Paul Jacobsthal (1944) представляет вдумчивый анализ латенского искусства, демонстрируя его «ориентализацию» и прослеживая развитие «раннего», «вальдальгесхаймского», «пластического» и «мечевого» стилей. В дополнение к книгам Миранды Грин, названным в комментариях к предисловию, стоит упомянуть полезнейшую в отношении недавних находок работу Haffner (1995) с множеством иллюстраций. Webster (1995) дает во многом неожиданную трактовку кельтской религии. Хьортспринг освещается в книге Randsborg (1995), а искусство «ситульного типа» — в трудах Lucke and Frey (1962) и Frey (1969). У Bodmer (1992) можно найти стандартный генетический подход, у Evison (1997, 2000) — более современный. Varham et al. (1999) обсуждают случай «чеддерского человека».

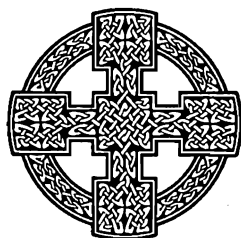
## 11. Выводы

Charman (1992) уделяет много внимания кельтам, хотя, как уже говорилось, мало интересуется классическими источниками и



ранним пониманием кельтской концепции. Я даю отдельный список недавних статей, касающихся дискуссии, которая развернулась на страницах «Antiquity»; важнейшими здесь являются статьи Megaw and Megaw (1996, 1998), Collis (1997), James (1998), Sims-Williams (1998). Стоит сказать, что супруги Мегоу имеют склонность исказить взгляды своих оппонентов — в статье 1998 г. (с. 433) они приписали мне утверждение, что древние кельты никогда не существовали!





## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .....	5
Введение .....	8
<b>1. Античные источники .....</b>	<b>14</b>
Ранние источники (700—100 г. до н.э.) .....	18
Кельтский апогей: с I в. до н.э. до I в. н.э. ....	23
Кельты в ретроспективе: поздние римские источники .....	28
Заключение .....	31
<b>2. Заселение Запада .....</b>	<b>32</b>
Джордж Бьюкенен (1506—1582) .....	41
Наследники Бьюкенена .....	48
<b>3. Народы и языки .....</b>	<b>54</b>
Ранняя классификация языков .....	56
Поль-Ив Пезрон (1639—1706) .....	58
Эдвард Ллойд (1660—1709) .....	59
Джеймс Парзонс (1705—1770) .....	63
Индоевропейцы .....	64
<b>4. Раса и время .....</b>	<b>70</b>
Джон Коулс Причард (1781—1848) .....	71
Краниология .....	72
Падение оков хронологии .....	74
Источники и их критика .....	74
Амедей Тьерри .....	75
Анри д'Арбуа де Жюбенвилль (1827—1910) .....	77
Александр Бертран (1820—1902) .....	82
Камиль Жюллиан (1859—1933) .....	83
<b>5. Искусство и археология .....</b>	<b>85</b>
Уточнение хронологии .....	88
Кельтское искусство .....	95



Культуры и культурные группы .....	99
Жозеф Дешелетт (1862—1914) .....	103
<b>6. Локализация кельтов .....</b>	<b>110</b>
Определение кельтов .....	116
Время и точность .....	121
Государства и народы .....	123
Миграция и колонизация .....	125
Народы и государства .....	134
Родина кельтов .....	138
Кельтские языки .....	151
<b>7. Природа археологических источников .....</b>	<b>156</b>
Происхождение .....	156
Хронология .....	172
Культурная группа .....	176
Типология .....	182
Преемственность и изменения .....	184
Выводы .....	188
<b>8. Кельтская археология .....</b>	<b>190</b>
Гунсрюк-Эйфель .....	190
Шампань .....	193
Баден-Вюртемберг .....	195
Берри .....	201
Овернь .....	202
Нарбонн и Каталония .....	206
Кельтиберия .....	211
Великобритания .....	215
Ирландия .....	217
Дания .....	218
Чехия .....	220
Австрия .....	225
Венгрия и Словакия .....	227
Турция .....	228
Северная Италия .....	228
Заключение .....	231
<b>9. Кельты и политика .....</b>	<b>233</b>
Древний мир .....	233
Атлантические кельты .....	235
Франция .....	237





Испания .....	240
Швейцария .....	242
Италия .....	242
Европейский Союз .....	243
<b>10. Современные дискуссии .....</b>	<b>244</b>
Языки .....	244
Кельтское общество .....	251
Религия .....	255
Искусство и археология .....	258
Генетика .....	260
<b>11. Выводы .....</b>	<b>264</b>
Библиография .....	274

Научно-популярное издание

*Ключи от Авалона*

Коллис Джон

## **КЕЛЬТЫ: ИСТОКИ, ИСТОРИЯ, МИФ**

Генеральный директор *Л.Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Научный редактор *Е.С. Лазарев*

Корректор *Н.К. Киселева*

Верстка *И.М. Сорокина*

Оформление обложки *Д.В. Грушин*

Гигиенический сертификат

№77.99.02.953.П.002268.12.02. от 09.12.2002 г.

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский Дом «Вече»

E-mail: [veche@veche.ru](mailto:veche@veche.ru)

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 28.11.2006. Формат 60x90<sup>1/16</sup>.  
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.  
Печ. л. 18. Тираж 3 000 экз. Заказ № 4706.

Отпечатано с готовых диапозитивов  
в ОАО «Тульская типография»  
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

## **ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»**

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.  
Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-65-10.  
Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 182-60-47  
Интернет/ Home page: [www.veche.ru](http://www.veche.ru)  
Электронная почта (E-mail): [veche@veche.ru](mailto:veche@veche.ru)

По вопросу размещения рекламы в книгах  
обращаться в рекламный отдел издательства «Вече».  
Тел.: (495) 188-66-03.  
E-mail: [reklama@veche.ru](mailto:reklama@veche.ru)

## **ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!**

Книги издательства «Вече» вы можете приобрести в издательстве  
и в наших филиалах по адресам:

### **ООО «Вече-НН»:**

г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 50.  
Тел.: (8312) 64-93-67, (8312) 64-97-18

### **ОАО «Новосибирсккнига»:**

г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, д. 1.  
Тел.: (3832) 10-24-95, (3832) 10-39-67.  
E-mail: [sales@nkniga.ru](mailto:sales@nkniga.ru)

### **ООО «Вече-Казань»:**

г. Казань, ул. Дементьева, д. 2в.  
Тел./факс: (843) 571-33-07.  
E-mail: [veche-kaz@nm.ru](mailto:veche-kaz@nm.ru)

### **ООО «Вече-Украина»:**

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 2б, а/я 84.  
Тел.: (38-044) 537-29-20, (38-044) 407-22-75.  
E-mail: [ariy@optima.com.ua](mailto:ariy@optima.com.ua)

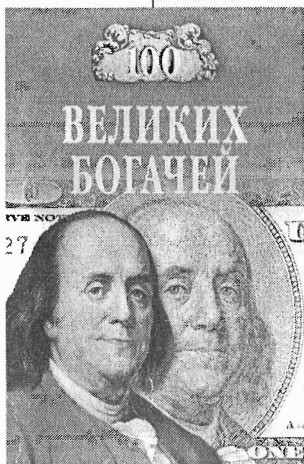
Всегда в ассортименте новинки издательства «Вече»  
в московских книжных магазинах:  
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,  
«Московский дом книги», «Новый книжный».

Книги издательства «Вече» в Интернете  
Интернет-магазин «Лабиринт»: <http://labirint-shop.ru/>

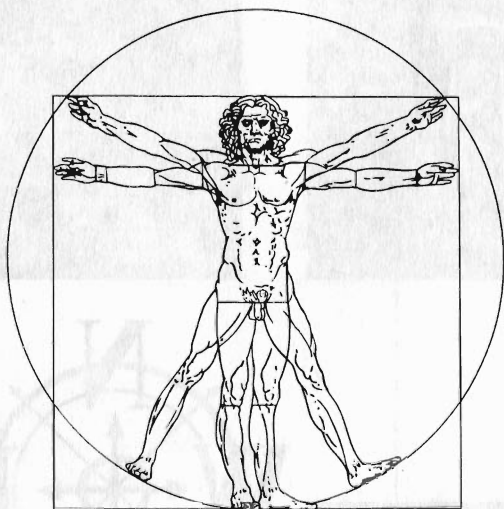


ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?  
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!



- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы



Лучшие книги серии изданы в подарочном  
исполнении в серии

Золотая коллекция

«100 великих»

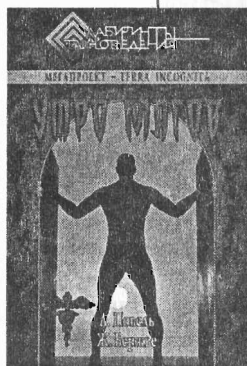
- Цветные иллюстрации на мелованной  
бумаге
- Оригинальное оформление



# ЗЕМЛЯ НЕПОЗНАННАЯ

ПЯТЬ КНИЖНЫХ СЕРИЙ

**МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA**



Кем были на самом деле кельты — этот овеянный легендами народ, подаривший миру загадочное учение друидов? Где искать истоки полузабытой цивилизации, разгромленной Римом два тысячелетия назад, однако доньяне живой не только в трудах ученых и молениях друидов-неоязычников, но и в безбрежном море популярной литературы жанра «фэнтези»? Эта книга, написанная профессором археологии Шеффилдского университета и впервые выходящая на русском языке, наверняка станет настоящим открытием для всех, кто «заболел» кельтской темой и хотел бы больше узнать о предмете своего увлечения.

ISBN 978-5-9533-1855-6

